

[Polaris]

КОНЕЦ

ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ

По страницам военной фантастики

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

СССХ

Salamandra P.V.V.

КОНЕЦ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ

По страницам военной
фантастики

Составление и подготовка текстов
М. ФОМЕНКО

Salamandra P.V.V.

Конец великой войны: По страницам военной фантастики. Сост., подг. текстов и прим. М. Фоменко. — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2019. — 195 с., илл. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. СССХХ).

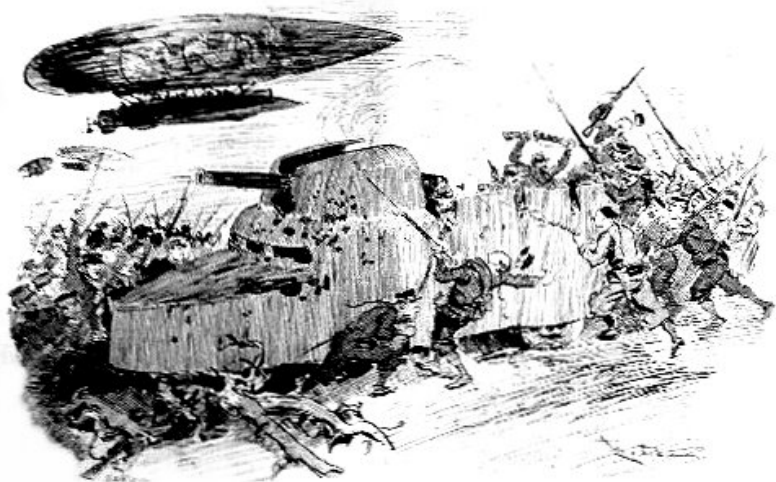
В сборник вошли раритетные научно-фантастические произведения западных авторов эпохи Первой мировой войны и предшествующих лет. В книге читатель также найдет подборку иллюстраций на тему фантастических военных изобретений.

© Authors, estate, 2019

© М. Fomenko, состав, подг. текста, прим., 2019

© Salamandra P.V.V., оформление, 2019

КОНЕЦ

ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ

Фредерик Браун

БИТВА У БУХТЫ РИО

Фантастический эпизод
из недалекого будущего

I

— Это вы, лейтенант? Сядьте, — сказал адмирал Симен, начальник воздухоплавательного корпуса, обращаясь к вошедшему молодому человеку. Последний был человек маленького роста, мускулистый, на вид бодрый и живой. Его коротко подстриженные усы особенно подчеркивали прямую линию тонких губ, а его серые узенькие глаза смотрели пронизательным взглядом. Он был высок, строен и сухощав, как атлет; его мундир доказывал, что он носит чин лейтенанта.

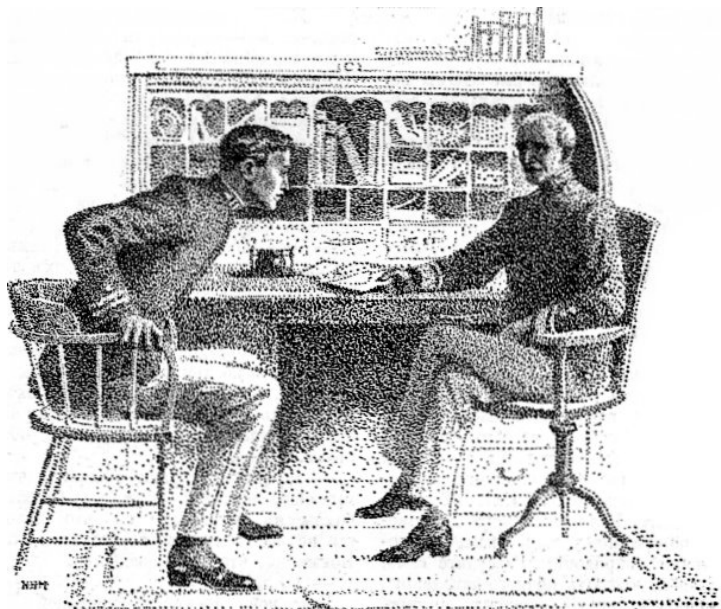
Лейтенант Джервис сел в кресло по другую сторону широкого письменного стола. Глаза адмирала умышленно пристально всматривались в лицо Джервиса, но молодой человек отвечал начальнику тем спокойно-равнодушным взглядом, который доказывает свободу ума.

— Я хочу поручить вам совершенно особенное дело, — внезапно сказал адмирал. — Оно потребует рассудительности, ловкости и присутствия духа, и мне кажется, у вас есть все эти качества. Может быть, вы еще не знаете, что федерация объявила нам войну?

Джервис порывисто наклонился и сжал ручку кресла. По выражению его лица можно было понять, что война составляла его тайную мечту, что он готов был молиться и поститься, чтобы только принять участие в битве.

— Нет, сэр, не слышал.

— Я сам узнал об этом только десять минут тому назад и прежде всего подумал о вас. Теперь слушайте: вы знаете, как смотрят на нас моряки. Для них мы только помощники, разведчики, все что угодно, но не бойцы. Я хочу доказать им противное.

Рот адмирала резко закрылся.

— Вы примете команду над «Йосемитом», — продолжал он, — отправитесь сегодня же вечером. Вот инструкции. Распечатайте конверт, когда отлетите; вот и ордер для отправления.

— Есть, сэр, — сказал Джервис, взяв конверты.

— Еще одно: помните, что я вполне полагаюсь на вас. Успех послужит единственным оправданием того, что я выбрал именно вас. Вам придется действовать в одиночку; «Йосемит» — единственный аппарат, еще не получивший назначения. Но если вы исполните все, как следует, война окончится раньше, чем она начнется. Армия готова мобилизо-

вать войска, морское министерство готово выслать эскадру. Если же вы выполните мои предписания, не понадобится ни армии, ни флота. Я все сказал. Надеюсь, что вы будете в пути сегодня в девять часов вечера.

До сих пор разговор велся деловым тоном, но вдруг адмирал сжал руку Джервиса.

— Я желаю вам счастья, мой мальчик. Мне очень хотелось бы самому довести до конца это рискованное предприятие, но я прикован к моему столу, по крайней мере, теперь. Ах, да, еще одно: лучше испортите ваш беспроводный приемник, иначе вас, пожалуй, отзовут. До свидания.

— До свидания, сэр, — сказал Джервис, поспешно вышел и посмотрел на часы; они показывали половину шестого. На улице он встретил лейтенанта Сельса с крейсера «Честер»; молодой моряк схватил его за руку.

— Вы слышали что-нибудь, Джервис? Прошел слух о войне, но я боюсь, что это опять фальшивая тревога. Боже мой, как бы мне хотелось показать этим молодцам нашу силу!

— Мы столкнемся с ними раньше, чем вы явитесь, — улыбаясь, заметил Джервис.

— Ну, нет. Вас отправят в ваших маленьких небесных лодочках — отыскивать врагов и дадут вам строгие предписания не нападать на них. Потом вы сообщите нам необходимые сведения, мы придем и раздавим их. Однако, берегитесь их зенитных пушек. Один снаряд в вашу машину — и конец.

— Не беспокойтесь о нас, — сказал Джервис. — Лучше позаботьтесь о себе самих, если только дело дойдет до схватки с вами.... Может быть, мы помешаем этому.

И молодые люди со смехом расстались.

II

Джервис шел торопливо, то и дело дотрагиваясь до кармана и с удовольствием прислушиваясь к поскрипыванию

толстой официальной бумаги. Чего бы он ни дал, чтобы узнать содержание приказа; но в то же время мысленно говорил себе, что ему следует быть благодарным адмиралу за свое назначение. «Йосемит»! Какая возможность успеха! Й только подумать, что старик выбрал его, Джервиса!

Между тем, адмирал сам удивлялся, почему он назначил командиром аэростата именно этого молодого человека. Мысль о нем явилась как бы мгновенным вдохновением. Впрочем, Симен следил за Джервисом еще с тех пор, как произошел несчастный случай на аэростате «Потомак», когда только хладнокровие Джервиса помогло благополучно довести его до земли. Но разве для трудной и опасной экспедиции ему не следовало лучше выбрать более опытного командира? В распоряжении адмирала были Картер, Джонс, Шпильман, все хорошие служаки и старше Джервиса. А между тем, когда Симен снова перебрал их в своем уме, он не пожалел о решении, принятом в минуту объявления войны.

Он снова повторил себе, что следовало назначить именно Джервиса.

В семь часов Джервис пришел на авиаторский плац и увидел «Йосемит». Он показал ордер отпустить ему аэростат, и Вилькинс, командовавший «Йосемитом», немедленно передал ему воздушное судно.

— Думаю оставить здесь мои вещи до утра, — заметил он. — Незачем убирать их сегодня.

— Если они действительно нужны вам, возьмите их теперь же, — сказал Джервис. — Я поднимусь через два часа.

Вилькинс широко открыл глаза.

— В чем дело? — поспешно спросил. — Война объявлена?

— Я отправляюсь с запечатанными инструкциями, — сказал Джервис. — Но есть слух о начале войны.

Несмотря на все старания говорить и действовать просто и естественно, в каждом слове, в каждом движении Вилькинса проглядывала печаль о том, что его сменили именно в такую минуту.

— Ах вы, счастливец, — сказал он. — Я охотно лишился

бы уха, чтобы только очутиться на вашем месте, если действительно объявлена война!

И он принялся упаковывать свои личные пожитки.

Джервис хлопотал около машины. «Йосемит» составлял последнее прибавление к летучей эскадре, и Джервис был впервые назначен независимым командиром. Поэтому неудивительно, что его грудь переполнилась гордостью. По мере того, как лейтенант осматривал аэростат, он все больше и больше восхищался адмиралом; очевидно, старик имел в виду экспедицию с самого начала недоразумений с федерацией и принял все соответствующие меры. Менее, чем в час, Джервис удостоверился, что ничто не было забыто, и что «Йосемит» может подняться в любую минуту.

Он написал депешу адмиралу, говоря в ней, что немедленно поднимется, и послал за телеграфистом. Когда тот пришел, Джервис передал ему бумагу.

— Пошлите немедля, — сказал он, — можно не шифровать.

— Есть, сэр, — сказал телеграфист.

— Но раньше, чем вы пошлете депешу, — продолжал Джервис, — испортите наш беспроволочный приемник. Я не желаю получать никаких сообщений. Вы поняли?

— Есть, сэр.

— Это все.

III

Через пятнадцать минут Джервис, стоя в рулевой кабине, приказал подняться. Рычаг шевельнулся, и «Йосемит» медленно и плавно отделился от земли. Кроме командира, на нем были еще два офицера, лейтенант Хельси и мичман Тельфорд, командовавшие передними и задними метателями торпед, а также десять рядовых и машинисты. Аэростат был защищен гофрированной броней, покрывавшей его нижнюю сторону; его наступательные орудия состояли из пятидесяти метательных торпед, наполненных сильновзрыв-

чатым веществом, которое составляло секрет морского министерства и было известно в официальных кругах под названием «взрывчатого вещества М.».

Джервис внимательно наблюдал, как поднимается аэростат, потом приказал Хельси держать на юго-юго-восток, а сам отправился в свою крошечную кабину и распечатал конверт с инструкциями. Вот что он прочел:

«Со всей возможной скоростью направьтесь к бухте Рио, куда собирается боевой военный флот неприятеля. Если, после разведки, найдете возможным напасть на него — атакуйте его. Избегайте стычек с какими бы то ни было судами, кроме вражеских броненосцев. Их, вероятно, семнадцать. Если вы будете действовать осторожно, у вас окажется достаточно снарядов. Рассудите сами, нельзя ли сделать ночью нападения».

Один маленький аэростат против семнадцати боевых судов! Поистине, предстояло большое дело, но, читая приказ, Джервис не впал в уныние при мысли об опасностях, которые грозили ему: напротив, его наполнила безумная радость, когда он подумал о возможности удачи. Целый час просидел командир над картами, потом вошел в рулевую кабину.

— Как мы идем, Билли? — спросил он Хельси.

— Мы делаем около восьмидесяти узлов. Я не тороплю машину. Она может идти на тридцать узлов скорее.

— Пустите ее, пустите во всю силу, до дальнейших распоряжений держите курс на юго-юго-восток.

Джервис сказал это спокойным, размеренным голосом, как и подобало командиру, но вдруг он схватил Хельси за оба плеча и сильно потрянул его.

— Как вы думаете, куда мы летим, Билли? — вскрикнул он, не имея сил подавить своего энтузиазма. — Как вы думаете, куда послал нас старик? К Рио! Там семнадцать броненосцев. Ну, разве мы не удивим моряков? О Боже мой, кто может сравниться с нашим стариком!

— Неужели вы хотите сказать, что мы будем нападать одни на неприятельский флот? — вскрикнул Хельси.

— Вся честь принадлежит нам, Билли. Мы должны раз-

бить их в их же собственной гавани раньше, чем они поймут, кто их губит. Вы понимаете?

— Сколько судов? Семнадцать. Значит, почти по три торпеды на каждое. Ей-Богу, мы можем потопить их. Семь раз из десяти мы попадали в цель, но старик не разглашал об этом.

— Я знаю. Моряки говорят, что мы еще, пожалуй, способны бросать бомбы в крепости, но что никогда не попадем в пловучую цель. Покажем, что они ошибаются!

— О, да!

Всю ночь «Йосемит» стремился на юг, делая по 110-112 и наконец по 114 узлов в час. На следующее утро, в десять часов, зачернелась земля, и воздухоплаватели узнали восточный берег Порто-Рико. На высоте тысячи футов они пронеслись над островом и полетели дальше. В четыре часа пополудни «Йосемит» пересек Караибское море; стал виден неприятельский континент. Джервис поднял аэростат на высоту девяти тысяч футов, так что снизу «Йосемит» казался крошечной точкой на голубом небе.

Всю следующую ночь, весь следующий день «Йосемит» летел с наибольшей скоростью над лесами и равнинами Бразилии. Когда наступила ночь, Джервис и Хельси стали определять, где они находятся.

— На месте мы должны быть к полуночи, — сказал Хельси.

— Да, с внешней стороны залива. Если флот там, мы сразу нападем.

IV

В половине двенадцатого «Йосемит», скрыв огни, повис над бухтой Рио. Джервис был в рулевой камере, а Хельси и Тельфорд стояли подле своих торпед. Внизу, на расстоянии пяти тысяч футов, виднелись огни кораблей и мерцали на черном фоне воды; дальше сиял вечерними огнями большой южный город.

Джервис поставил индикатор на 1000 футов и «Йосемит» бесшумно и быстро опустился до этой высоты над морем. Моторы остановились; слегка дрейфуя на легком ветерке, аэростат висел над обреченными судами. Джервис составлял план атаки. Легко было видеть неприятельский флот. Суды стояли на якорях, образуя широкий полукруг; насчитывалось семнадцать больших броненосцев, на которых покоились надежды федерации. И действительно, они представляли внушительное зрелище.

Прежде всего, следовало решить, куда нанести первый удар. После пяти минут серьезного размышления, командир «Йосемита» позвал к себе звонком двоих лейтенантов. Оба доложили, что все в порядке, и Джервис приказал медленно пройти над судном, выбранным для уничтожения. В ту минуту, когда передний метатель торпед придется как раз над осужденным броненосцем, Хельси должен был пу-

стить снаряд. Если бы он промахнулся — Тельфорду предстояло бросить свою торпеду; в ином случае воздержаться от этого.

— Приготовьтесь, — сказал Джервис и, поставив индикатор на 300 футов, велел механику медленно двинуть аэро-
ростат.

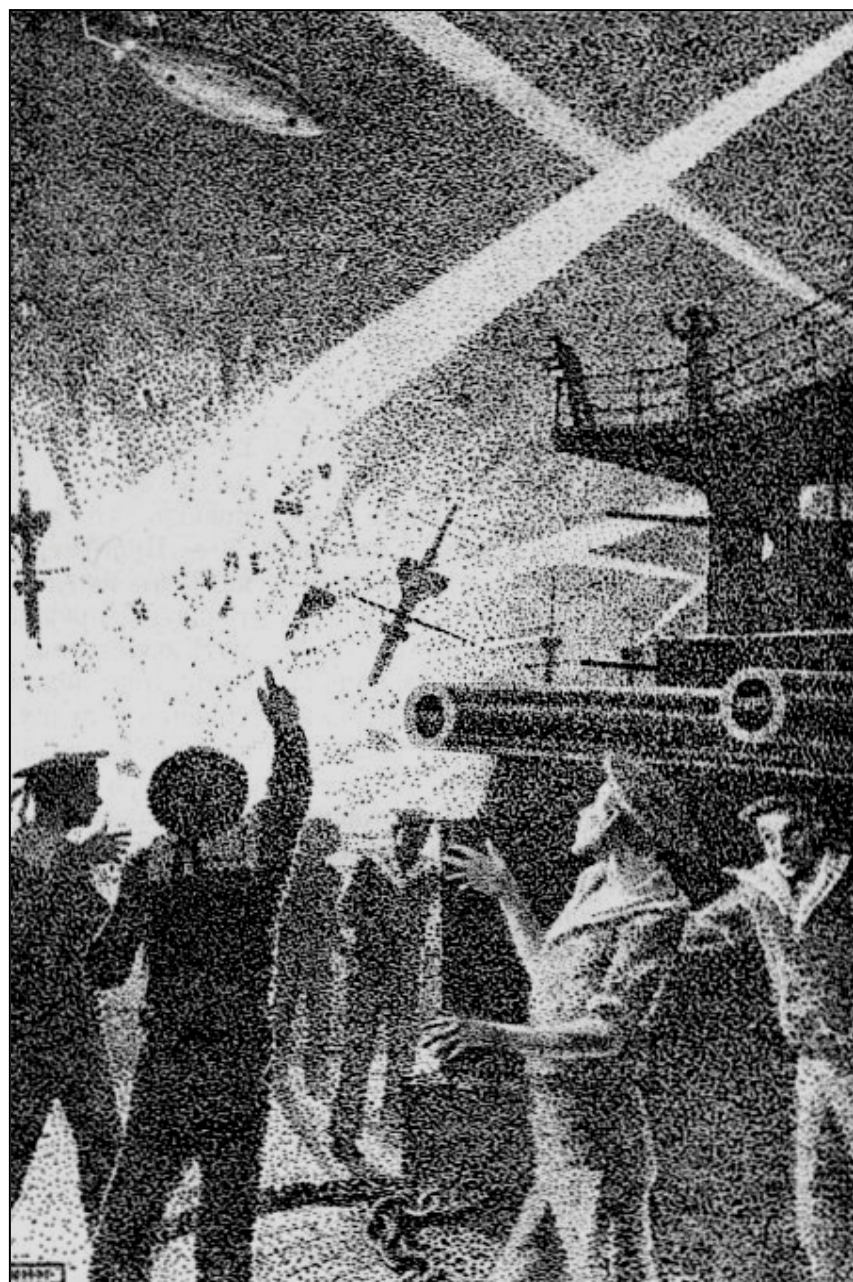
Жужжание заглушенных моторов еле слышалось в рулевой камере; воздушный корабль опустился на новый уровень и медленно двинулся вперед. Джервис выбрал пунктом нападения центр линии вражеских кораблей, и черный корпус осужденного боевого судна быстро приближался. В глубине «Йосемита» лежал Хельси на своем наблюдательном посту, правой рукой сжимая спусковой рычаг и ожидая рокового мгновения.

Он увидел нос броненосца, который слегка поднимался от волн прилива. Мостик судна промелькнул под лейтенантом. Пора! Промахнуться нельзя... Хельси быстро повернул рычаг, и разрывной снаряд упал между двумя черными трубами вражеского судна.

Мгновение ожидания; вдруг сильный зеленовато-желтый свет озарил гавань; холмы содрогнулись от грома взрыва — и средний броненосец, разбитый на части, превратившийся в груды обезображенного железа, пошел ко дну на том самом месте, на котором стоял.

При первом же признаке взрыва, Джервис заставил аэро-
ростат высоко подняться. «Йосемит» понесся к левому концу полукруга и приготовился повторить те же действия. Внизу все пришло в смятение. Спустили шлюпки; прожекторы бросали лучи во все стороны; до воздухоплатателей слабо доносились крики, вопли, проклятия. Но, очевидно, никто не смотрел вверх, потому что ни один луч не направился к зениту. Пораженные знали только, что какой-то страшный взрыв погубил одно из самых великолепных судов. Никому и на ум не пришло, что враг сделал нападение.

— Приготовьтесь. Тот же порядок, как в первый раз, — услышали лейтенанты приказание Джервиса. «Йосемит» опустился и на высоте 300 футов от земли стал двигаться к крайнему судну. Тут все были в страшном волнении. На мо-

стике стояла фигура и через мегафон раздавала приказания. От судна плыли шлюпки; на палубе толпились матросы. «Йосемит» медленно прошел над его носом, над первой башней, над мостиком и, когда фонарь броненосца оказался под аэростатом, Хельси нажал рычаг.

Промаяхнуться было невозможно. Опять образовалась пелена зеленоватого пламени, послышался страшный гром, треск разорванных стали и железа, и второй броненосец неприятеля исчез в волнах. Развив всю свою скорость, на высоте 1000 футов, «Йосемит» несся к другому краю полукруга. Минуты в две он промчался все расстояние и, так как Хельси не успел приготовиться, Тельфорд получил приказание действовать.

Торпеда упала как раз позади второй башни броненосца и оторвала всю его корму. Судно прыгнуло в сторону, точно испуганная лошадь, и пошло ко дну, погружаясь с кормы; «Йосемит» снова поднялся. Но этим и окончились неожиданности. При свете зеленой вспышки кто-то увидел поднимавшийся аэростат. Прожектор бросил луч к зениту, поднялся второй луч, третий, и вскоре светлые полосы с четырнадцати уцелевших судов задвигались по небу. Нельзя было сомневаться, что «Йосемит» увидят. Однако, не все средства стратегии Джервиса истощились.

Он внезапно поднял аэростат на 5000 футов и направил его в сторону моря.

Минуты через две большие лучи, колебавшиеся по небу, уже не могли поймать аэростат. Вскоре он опять был всего на высоте 300 футов над уровнем моря.

— Приготовьтесь действовать, — послышалось приказание. — Хельси, вам предоставляется первый броненосец, Тельфорду второй.

Аэростат поплыл в воздухе в противоположную сторону и так низко, что колебавшиеся лучи прожекторов проходили над ним. Джервис опять выбрал середину линии. Тут сновали шлюпки, матросы перекликались и, вообще, царило такое смятение, что лучшего места для второй атаки нельзя было найти. Выбрав судно справа от прорыва, образованного уничтожением центрального судна, Джер-

вис заставил аэростат пройти над его кормой. Броненосец покачивался на своих кабелях и чуть-чуть кренился в сторону моря.

Хельси, который лежал на своем наблюдательном посту казалось, что «Йосемит» идет очень медленно. Вдруг задний прожектор судна, описав большую дугу, бросил луч на подходившего истребителя. Ослепленный Хельси закрыл глаза; когда он снова открыл их, луч уже прошел дальше, и он услышал под собой голоса кричавших людей и увидел, как они бросались в море, с ужасом смотря на аэростат. Он нажал рычаг.

— Теперь скорее, — крикнул Хельси после взрыва, вскакивая на ноги.

Три матроса уже снова поднимали на позицию другую торпеду. В то же время под рукой Джервиса «Йосемит» сделал поворот и направился к следующему судну той же линии. Однако, теперь лучи прожекторов нашли аэростат, и он двигался к своей жертве среди сияния ослепительного белого света.

Тельфорд, еще почти мальчик, лежал, моргая глазами, и мог только по временам различать приближавшийся к нему силуэт броненосца. Вдруг раздался треск выстрелов скорострельного орудия; снаряды барабанили по броне «Йосемита», некоторые даже проббили ее. Аэростат не был предназначен для таких близких выстрелов. Один снаряд разорвался в отделении, смежном с торпедным, второй в рулевой камере. К счастью, ни тот, ни другой не принесли существенного вреда. Наконец, наступило мгновение, в которое Тельфорд, напрягавший зрение, чтобы различить что-либо в ослепительном свете прожекторов, на мгновение увидел под собой гигантские двенадцатидюймовые орудия кормовой башни неприятельского судна; они бесполезно стреляли вверх. Он нажал рычаг.

Джервис поднял аэростат на 5000 футов, — тут выстрелы не могли повредить ему; и вот, на этой высоте «Йосемит» понесся над городом. Когда аэростат очутился так далеко, что бегающие лучи не могли застигнуть его, командир остановил машины, чтобы обсудить, в каком положении дело. Пять из семнадцати броненосцев превратились в обезображенные груды разорванной и искривленной стали и теперь лежали на дне бухты. Однако, осмотрев аэростат, Джервис ясно понял, что, желая довершить начатое, он должен действовать с большей осторожностью.

Когда «Йосемит» шел на высоте 300 футов, снаряды зенитных орудий несколько раз пробили его броню. Один из механиков был ранен в голову осколком гранаты, разорвавшейся в машинном отделении, и Джервис мрачно нахмурился, представив себе, что случилось бы, если какой-нибудь маленький снаряд ударил в одну из сорока сохранившихся торпед. Этого нельзя было допустить; он стал советоваться со своими лейтенантами.

— Попробуем бросать с высоты тысячи футов, — сказал Хельси. — В семи случаях из десяти мы попадали в цель на расстоянии четырехсот ярдов. Мы должны попробовать упасть в судно с высоты тысячи футов.

— Все было бы ничего, если бы не эти лучи прожекторов, — заметил Тельфорд. — Я почти ослеп.

— Они будут меньше вредить нам на такой высоте, — сказал Джервис. — Во всяком случае, попробуем.

Неприятельские суда находились в ужасном положении; они стояли без пара в котлах, и им оставалось только неподвижно ожидать возвращения истребителя.

С моря дул легкий ветерок. Заняв позицию с подветренной стороны обреченного судна, Джервис повернул аэростат в сторону моря. Ветер немного отнес его, и теперь он уже был почти над выбранным броненосцем, вися в воздухе на высоте 1000 футов. Лучи прожекторов поймали его и все сосредоточились на нем, но орудия не могли повредить ему.

Первым пустил торпеду Хельси; воздухоплаватели следили, как она летела вниз, пересекая яркую пелену света лучей прожекторов, и как упала в море и бесполезно взорвалась среди волн. Через мгновение была спущена вторая; снаряд Тельфорда попал в переднюю часть броненосца и снес весь его нос вплоть до башни. «Йосемит» медленно двинулся к следующей жертве; теперь стало вполне ясно, что все суда в его власти, так как на высоте 1000 футов зенитные пушки не были в состоянии причинить ему никакого вреда; воздушному кораблю предстояло, не торопясь, уничтожать флот. Вдруг выстрелы с судов прекратились; лучи прожекторов, один за другим, покинули аэростат и сосредоточились на военной мачте одного броненосца, флагманского судна, как оказалось потом; в то же мгновение на нем развернулось громадное белое знамя; десять остальных броненосцев вывесили такие же белые знаки покорности. Бой окончился.

Джервис послал за своими лейтенантами и стал совещаться с ними.

— Десять человек не могут удержать в своих руках одиннадцать броненосцев, — сказал Хельси.

— А если мы оставим их, они, конечно, снова начнут военные действия, — заметил Джервис.

— Можно телеграфировать домой, чтобы выслали флот, — вставил Тельфорд.

— Он придет сюда только через две недели, — заметил Джервис и покачал головой. — До тех пор выйдет весь наш газ. Мне кажется, придется уничтожить суда.

После совещания, командир спустил аэростат на высоту 200 футов и, остановившись над флагманским судном, сказал через мегафон:

— До девяти часов утра высадите ваш экипаж. В девять я начну уничтожать оставшиеся суда! — И, закрыв слуховое отверстие, Джервис заставил «Йосемит» подняться на 1000 футов. Там офицеры и экипаж воздушного корабля решили ждать назначенного времени.

Рассвело: вражеские палубы начинали пустеть. Одиннадцать больших судов все еще стояли полукругом, хотя в

центре линии, там, где утонули четыре броненосца, зиял большой прорыв, а края полумесяца укоротились. К девяти часам на палубах не оставалось никаких признаков жизни, берег же гавани почернел от многих тысяч людей; на крышах домов тоже толпилось бесконечное число зрителей.

И вот маленький аэростат стал бесшумно спускаться с голубого свода. Над всей бухтой стояла торжественная тишина. Джервис смотрел вниз и не мог начать свою ужасную работу. Ему казалось преступным безжалостно истребить эти беззащитные суда, а между тем, ничего больше не оставалось делать. Вдруг он вспомнил о своем собственном флоте, который лихорадочно готовился встретить эти самые суда, — мрачно усмехнулся и поднес к губам говорильную трубку.

— Приготовьтесь стрелять, — приказал он. — Действуйте поочередно. Передний пустит торпеду первым.

И он медленно провел аэростат над первым судном линии. Наблюдавшая толпа затаила дыхание; в глубине аэростата открылось отверстие, и черный силуэт торпеды понесся вниз и исчез в верхних сооружениях обреченного броненосца. Поднялся клуб дыма, послышался гром, от которого вздрогнули окрестные холмы. Средняя часть судна исчезла. Нос упал вперед, корма отлетела назад. Когда дым рассеялся, там, где только что стоял броненосец, бурлили поднявшиеся волны...

Безмолвно, безжалостно, с холодной точностью и бесповоротностью решения бога мести «Йосемит» продолжал свое дело. Обреченные на гибель корабли поочередно на мгновение привлекали к себе внимание всех бесчисленных зрителей и затем переходили в область истории. Только один из них, флагманское судно, великолепная могучая 25,000-тонная «Парана», отказался погрузиться в воду после первого удара. Броненосец покачулся, сильно накренился, но остался на поверхности воды. Снова вернулся бесшумный воздушный корабль, приостановился на минуту, пустил второй снаряд, — и гордость флота федерации, чудный броненосец отправился туда же, где были его товари-

щи. Так продолжалось дело до конца.

Когда все было исполнено, Джервис послал за своим телеграфистом и отправил адмиралу следующую депешу:

«Потопил неприятельский флот. Запасов хватит на неделю. Жду приказаний».

Но дела больше не было. Федерация уже начала мирные переговоры с Соединенными Штатами, и Джервис получил ответную телеграмму, в которой говорилось:

«Немедленно явитесь в Вашингтон».

Через три дня «Йосемит» плавно спустился на авиаторский плац, и толпа репортеров окружила Джервиса, Хельси, Тельфорда и десять человек экипажа, выпытывая у них подробности. Но прежде всех руку Джервиса сжал Сельс, лейтенант с крейсера «Честер».

— Это удивительно, Джервис, — вскрикнул он, — прямо-таки удивительно!

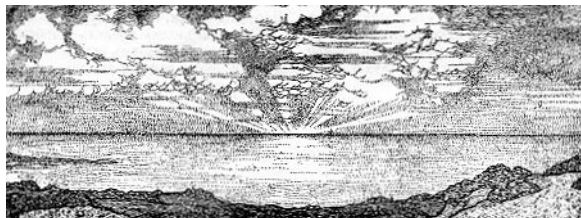
— О, нет, совсем нет, Сельс, — со смехом ответил Джервис.

— Но почему же мы не знали, что вы можете делать такие вещи? Почему вы не говорили нам?

Джервис опять засмеялся.

— Мы говорили вам, Сельс, — сказал он, — твердили все последние пять лет; но вы хотели, чтобы мы показали вам нашу силу.

— Я поражен, — сказал Сельс, — и мне кажется, что мы, моряки, отжили свой век...

ВОЙНА БУДУЩАГО. ПОСЛѢ БОЯ ВОЗДУШНАГО ФЛОТА.

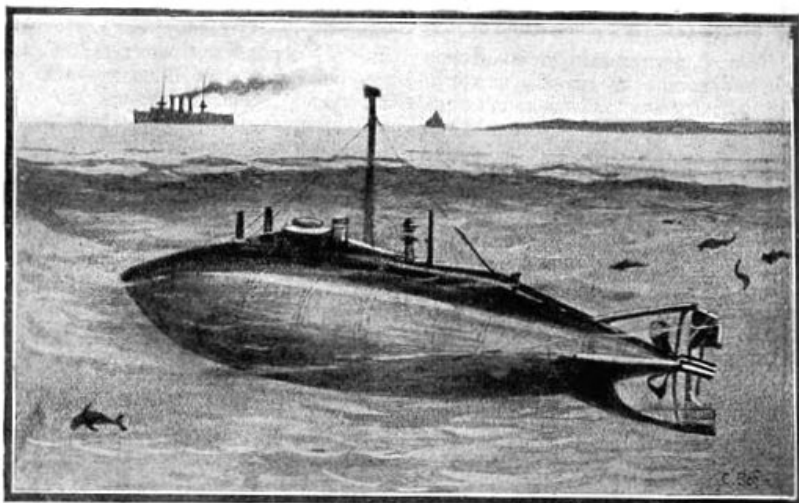

Съ каждымъ годомъ мы приближаемся къ осуществленію фантастической картины Г. Ланоса. Французское правительство ассигновало свыше 20 милліоновъ для реорганизации своего военнаго флота и въ концѣ 1912 въ состояніи будетъ выставить 344 машины съ 234 офицерами-пилотами. Италия уже на практикѣ демонстрируетъ пользу воздушнаго корабля на войнѣ.

Макс Неаль

В ПОДВОДНОЙ ЛОДКЕ

Эпизод из русско-японской войны

I

Полный штиль господствовал на море, но несмотря на это, находившимся на палубе крейсера Соединенных Штатов «Сиракузы» казалось, благодаря быстрому ходу, что дует ветер со скоростью в 20 узлов. Море было гладко, как зеркало, только впереди, у носа могучего колосса-корабля, поднималась высокая, увенчанная пеной волна, тогда как сзади, где работали оба винта, вода кипела и кружилась, точно вздымаясь из самой темной глубины. Ночь была беззвездная, и над манчжурским берегом летал густой туман. Часовой на передней палубе зорко всматривался в темноту, висевшую перед кораблем подобно черной завесе. Ночная тишина нарушалась лишь равномерным стуком машины, слегка сотрясавшим покрытый панцирем корпус судна, и однообразным выкрикиванием часовых.

Полночь минула. лейтенант Галпин, которого только что сменили, стоял еще на палубе и курил свою сигару. Он но ощущал ни малейшей сонливости, неопределенное предчувствие какого-то грядущего события утнетало его и не поз-

воляло подумать о том, чтоб удалиться в свою каюту. Посмотрев некоторое время на море, он побрел на ют и через надстройку на верхнюю палубу, где остановился у релинга, как раз около лага, постоянно вертящийся канат которого автоматически считал пройденные мили. Он уже давно следил за лагом, как вдруг заметил, что кусочек сети вертелся вместе с канатом, приблизительно в полутора метрах от релинга. Хотя это совершенно не составляло препятствия движению лагового каната, но тем не менее смутило офицера. Он мог бы легко втянуть канат и удалить этот кусочек сети, но вместо этого он спустился через релинг на галерейку, обвивавшую низ корабля. Придерживаясь крепко правой рукой, он левой только что собирался удалить сеть, как вдруг в высшей степени странное обстоятельство вынудило его обратить свои взоры вниз, на воду, слабо озаренную светом из кают.

То, что лейтенант Галпин там увидел, недаром возбудило его внимание. На воде у левого борта отчетливо поднимались из глубины большие белые воздушные пузыри и море характерно волновалось, как будто большая, быстро плывущая рыба приближалась к кораблю. Но какая же рыба могла развить такую скорость? Или, быть может... При этой мысли лейтенант почувствовал что-то вроде головокружения и кровь прилила ему к сердцу; внезапно, — было ли это последствием страха или собственной неосторожности, но Галпин потерял равновесие и полетел навзничь вниз головой в море. Он ясно почувствовал, как его тело глубоко погрузилось в воду, причем голова ударилась о какой-то твердый предмет, так что он был близок к потере сознания. Галпин старался вынырнуть, делая отчаянные плавательные движения. Когда он очутился над водой, «Сиракузы» уже удалились от него на длину корабля, и раньше, чем он смог погнать о том, чтобы позвать на помощь, панцирное судно, подобно точке, исчезло в тумане. Часовой на баке неотступно смотрел вперед, и никто не подозревал, что лейтенант Галпин упал за борт.

Галпин был молод, силен и выносливый пловец. Море было спокойно, а берег — в отдалении лишь двух миль в

восточном направлении. К тому же, месяц слегка прорывался через тучи, так что было значительно легче ориентироваться. Офицеру удалось с некоторым трудом сбросить верхнюю одежду и снять ботинки; затем, лежа на спине, он собрал свои силы для предстоявшего ему четырехчасового плавания.

Галпин не плыл еще и часа, когда перед вынырнул длинный темный предмет, который он сначала принял за опрокинувшуюся лодку. Но, подплывая ближе, он разглядел лежащий наполовину над водой стальной цилиндр, тупо закругленный с одного конца и заостренный с другого. Для Галпина, как для морского офицера, было ясно, что именно он имеет перед собой.

— Мина Уайтхэда, — воскликнул он невольно. — От нее, следовательно, исходили и воздушные пузыри. Я, по-видимому, упал с корабля как раз, когда она проходила, — размышлял Галпин и дотронулся до своей головы, на которой образовалась порядочная шишка. — Торпеду направили на наше судно, но, к счастью, безуспешно. Но кто же это сделал? Кто?

Раздумывая над непонятным происшествием, он крепко ухватился за заднюю часть торпеды. Будучи знаком с механизмом этого страшного орудия, он быстро повернул маленькое винтовое колесо, чтобы удержать таким образом воспламеняющую иглу. Отлично зная, что благодаря этому 200 фунтов взрывчатого вещества были защищены от взрыва, офицер сел верхом на торпеду, хорошо державшую его над водой несмотря на то, что в ней заключалось на 60 футов меньше сжатого воздуха, чем при выстреле. Затем он принялся за исследование. Сначала Галпин нашел ходовой аппарат поднятым кверху, благодаря чему был заперт мотор, приводящий в движение винты торпеды; кроме того, регулятор, сообщающий полную силу внутренней воздушной машине, лежал плоско на круглом стальном цилиндре. Галпин быстро придумал обоим обратное положение; тотчас же винты завертелись и торпеда медленно тронулась, между тем как он греб ногами, чтобы сохранить равновесие на своем оригинальном морском коне.

Начало светать, туман медленно поднялся кверху и Галпийг смог теперь различить берег, лежавший перед ним в небольшом отдалении. Новая надежда наполнила его. Невольно он оглянулся, словно желая измерить уже совершенный путь, как вдруг увидел что-то, похожее на бочку с тонкой мачтой и приближавшееся к нему довольно быстро, гонимое невидимой силой. Наверху из крышки бочки высывалась голова и плечи человека. Но уже через несколько минут лейтенанту Галпину стало ясно, что это была подводная лодка; а теперь он смог также разглядеть, что человек в стальном цилиндре был японец, узкие глаза которого стали почти круглыми от удивления, когда он увидел непосредственно вблизи страшного всадника.

— Алло! Вы плывете? Что же у вас там такое? — крикнул японец по-английски.

— Мина Уайтхэда, — ответил Галпин в приподнятом настроении.

— А, да, это то, что мы ищем. Мы ее направили вчера на русское панцирное судно, но я не попал в цель. Торпеда же очень ценная вещь, в особенности, если человек так отдален от своего главного пункта, как я; поэтому мы и отправились на поиски.

— Ступайте к черту с вашими русскими! — воскликнул американец. — Вы выстрелили в крейсер Соединенных Штатов «Сиракузы». Но весь ваш успех состоял в том, что вы меня заставили со страха упасть за борт. Разве вы уж больше не можете отличить янки от русского?

Выражение лица японца не изменилось от этих слов. Он лишь возразил:

— Вы принадлежите к этому судну и упали за борт?

— Да, — ответил американец, — и если б вот эта игрушка не попала на моем пути, то кто знает, почувствовал ли бы я когда-нибудь землю под ногами.

— Можете вы мне помочь ввести торпеду снова в минный аппарат? — спросил японец.

— Я вам помогу, конечно, но вы должны и меня принять на борт, я основательно продрог.

II

Галпин, которого командир снабдил теплой одеждой, сидел посреди пустого пространства, образованного стенами подводной лодки. Многочисленные электрические лампы распространяли яркий свет, который отражался в запутанной системе блестящих труб, рычагов и клапанов, густо покрывавших изнутри стальную стену. Внимание Галпина привлекло то, что все было устроено таким образом, чтобы каждый член экипажа, состоявшего из семи маленьких японцев, похожих друг на друга, как братья, мог совершать свою работу, не отходя далеко от своего места, так как горизонтальное положение лодки, особенно при волнении, могло быть обеспечено только минимумом движений экипажа.

Два человека поместились впереди на двойном минном аппарате; один, по-видимому, помощник капитана, стоял около погружающего рычага, между тем как остальные четверо машинистов и электротехников сидели на корточках вблизи мотора и динамо.

Командир приказал теперь помощнику сменить его в наблюдательной башне и уселся на ящик против Галпина.

— Позвольте узнать, как вас зовут? — начал японец разговор.

— Я Ричард Галкин, лейтенант крейсера Соединенных Штатов «Сиракузы», — ответил спрошенный.

— Сагу Матсуморо, лейтенант японского флота, в настоящее время командир подводной лодки «Ха-хи».

— Скажите мне теперь, лейтенант Матсуморо, как могли вы сегодня ночью сделать эту ошибку? Разве вы не знаете крейсера «Сиракузы»? Ведь в русском флоте совершенно нет похожего на него судна.

— Нет, есть — «Ретвизан»... Я его осматривал: 3 трубы, 2 мачты и прежде всего галерея верхней палубы, — возразил японец.

— Эта галерея, действительно, специальность верфей Крампа. Но ведь существует еще много судов, у которых она имеет-

ся. Вам следовало бы смотреть внимательнее, — укоризненно сказал Галпин.

— Мои глаза очень плохи, а вчера я сломал свою подзорную трубу, — ответил японец.

— Ну, так вам следовало положиться на лучшие глаза. Была бы красивая история для Японии, если б сегодня ночью вы своей торпедой взорвали крейсер Дяди Сэма!

Японец пожал плечами.

— К тому же, «Ретвизан» ведь находится в ремонте в Порт-Артуре, — продолжал Галпин.

— Нет, — возразил японец. — Он уже исправлен и покинул Порт-Артурскую гавань. Я нахожусь в поисках за ним.

— Куда же теперь лежит путь?

— Вокруг Ликотунгского полуострова.

— Ну, мне это безразлично, лишь бы вы меня где-нибудь высадили на берег, — сказал Галпин и закурил папироску, которую ему предложил японец.

— Это невозможно, лейтенант Галпин! Вы получите эту лодку лишь тогда, когда война кончится.

— Что это значит? — воскликнул американец, быстро вскакивая.

Но японец снова усадил его.

— Вы теперь знаете о существовании этой подводной лодки, тогда как японское военное ведомство хочет, чтобы это оставалось тайной. Только таким образом возможно взять добычу, подобную последней.

На лице Галпина отразилось глубокое удивление.

— Какую добычу вы подразумеваете?

— «Петропавловск»!

— Как — это вы? Но ведь то была мина?

— Так думала Россия и весь мир, — самодовольно возразил Матсуморо. — Но это заблуждение. Теперь я могу вам сказать это, так как вы не можете меня выдать. Русское военное судно потопила моя подводная лодка, о существовании которой никто, кроме адмирала Того, не знает. И как могла бы мина попасть в судно во время хода?

— Черт возьми! — воскликнул Галпин. — У меня тоже была эта мысль. Но тогда и другие корабли, о которых со-

общают, что они натолкнулись на мины, — ваши жертвы?

— Действительно, — ответил японец. — «Победа», «Полтава», «Диана», «Аскольд», «Енисей», — все они мои жертвы.

Гордость отразилась на лице японца.

— Боже! И вы будете, наверное, продолжать эту историю до тех пор, пока не очистите море от русского флота?

— Это в самом деле мое намерение, — ответил Матсуморо. — Но я сделаю еще больше. Моя подводная лодка принесет с собой переворот во флоте всех наций. Броненосец не в состоянии защитить себя от этого ужасного оружия.

— Можете вы удержаться при всяком ветре? — спросил Галпин, любопытство которого возросло до крайней степени. — Как велик район вашего плавания?

— Под водой — 50 миль, на поверхности — 400. Я должен подниматься каждые 10 дней из-за свежего воздуха и раз в 4 месяца соприкасаться со своим главным пунктом, чтобы делать запасы провизии, воды и часто также торпед. За эту войну я причинил русским больше вреда, чем все мои соотечественники, вместе взятые.

— Однако в эту ночь вы были близки к толу, чтобы потерпеть неудачу, — заметил Галпин. — Что бы вы делали, если б ваша торпеда попала в «Сиракузы»?

Матсуморо очень серьезно посмотрел на своего собеседника. Потом он медленно проговорил:

— Это правда, я чуть не сделал тут ошибку. Но если бы моя торпеда имела успех, то нам всем здесь ничего бы не оставалось, кроме «харакири» — и мое существование и мои дела остались бы вечной тайной.

При этих словах он указал на короткий обоюдоострый меч, висевший наверху, в капитанской башне.

Мороз пробежал по коже Галпина. Но потом его юмор одержал победу.

— Ну, благодарю, из-за такой мелочи, как «Сиракузы», я бы не стал себе выворачивать внутренности.

— У каждой страны свои обычаи, — проговорил японец, прищутив свои узенькие глазки-

Галкин постарался дать разговору иное направление.

— Что же случится, если ваше приближение все же когда-либо будет замечено судном и двадцатифунтовая граната пробьет дыру в вашей подводной лодке? В этой западне вы утонете, как крысы!

— Возможность быть открытыми не очень велика. Но если бы действительно в нас попал заряд, то весь экипаж, за исключением одного человека, мог бы спастись, — заявил японец. — Мы уже испробовали это на деле.

— Как? Неужели?!..

— Конечно! Посмотрите на эти минные трубы, — они в диаметре имеют восемнадцать дюймов, следовательно, достаточно велики для того, чтобы человек мог вползти в них вместо торпеды. Задний клапан закрывается; запертый должен набрать побольше воздуха в легкие, — носовой клапан опускается, кран резервуара со сжатым воздухом открывают — и человек вылетает, как торпеда. Все это происходит так быстро, что если он хоть до некоторой степени хороший пловец, то должен достичь поверхности воды.

От удивления Галкин не мог сразу ответить.

— И, разумеется, последний человек остается, так как не может сам собой выстрелить, — произнес он затем.

Японец поклонился с серьезным лицом:

— Остающимся был бы я сам, командир!

— Наши виды на будущее не очень приятны, господин лейтенант! — воскликнул Галкин. — Если вы сделаете ошибку оттого, что плохо разглядели, вам предстоит «харакири», если же вас увидят, то вы должны будете задохнуться в этом стальном гробу. Меня нельзя было бы соблазнить ни тем, ни другим!

Японец улыбнулся.

III

Прошло три дня и три ночи. Проснувшись однажды утром, Галкин заметил вокруг себя общее волнение.

Экипаж стоял на своем посту, и Матsumоро сам управлял рулем.

Его голова и плечи не были видны в темноте, царившей в капитанской башне. Слуховые трубки подводного телефона свободно свешивались, — казалось, что ими пользовались второпях и затем не повесили на крючок,

— Эй, что же случилось, лейтенант Матsumоро? — крикнул лейтенант Галпин японцу.

— Мы находимся в десяти милях к юго-востоку от Порт-Артура и «Ретвизан» уже вышел, — раздалось в ответ. — Я получил это известие по беспроводному телеграфу, пока вы спали. Послушайте-ка сами у телефона.

Галпин тотчас же поднес свешивавшиеся слуховые трубки к ушам. Он ясно различил стук машины и вибрирующие, пульсоподобные удары винтов.

— Поднимитесь сюда, — сказал Матsumоро, — я нуждаюсь в вашем хорошем зрении и советах.

Галпин тотчас же поднялся в башню.

— Наверху туманная погода. — При этом японец указал на экран перископа.

В эту минуту на нем справа показалось гигантское, выкрашенное в серую краску военное судно, которое направлялось прямо на подводную лодку и лишь слабыми очертаниями отделялось от серого тумана. Густые черные облака дыма неслись впереди колосса.

— Что вы думаете насчет этого? — спросил Матsumоро. — Я вижу три трубы и две мачты с боевыми марсами. Имеется ли у судна галерея верхней палубы?

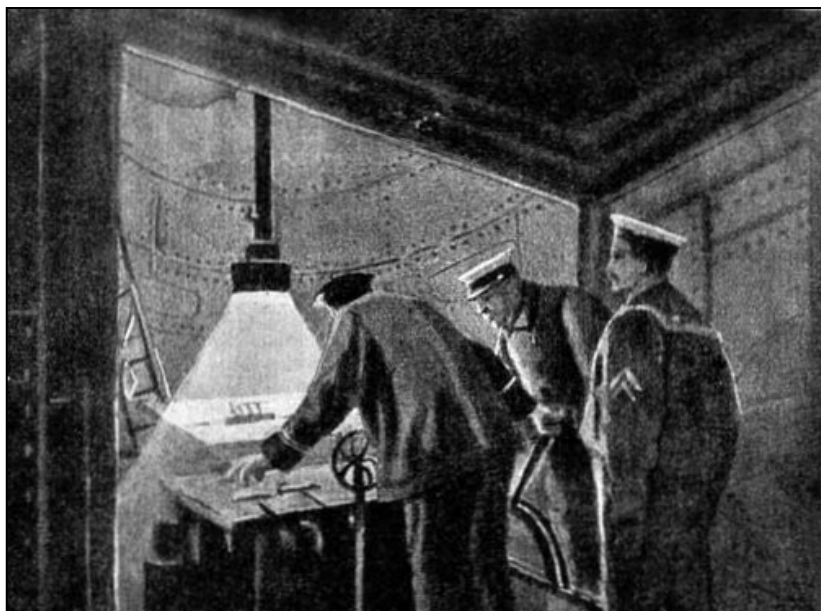
— Я не знаю, — возразил Галпин, — но не полагайтесь слишком на эту галерею. Она также есть и у вашего броненосца «Хатсузе», я видел его в Гонконге. Берегитесь, как бы вам не взорвать ваших соотечественников!

— Я и сам знаю суда нашего флота, — отметил японец с легкой обидой.

Корабль на белом экране между тем вырос, находясь на расстоянии едва одной мили. И теперь дальше позади показалось, едва различимое в тумане, другое панцирное судно, и потом еще одно, — серая точка на туманном фоне,

насыщенном дымом. Целый флот в боевом порядке надвигался на подводную лодку, но суда не выкинули флага.

— Для меня здесь не все ясно, — заметил японец. — Значит ли это, что весь русский флот вышел из Порт-Артура?

— По-видимому, это так, — ответил Галпин, созерцавший с величайшим интересом картину на экране, предполагая, что это действительно русские. — Боевые суда теперь имеют такое одинаковое строение. Боже, теперь он поворачивается!

Могучий броненосец делал крутой поворот штирбортом. Глаза Матсуморо засверкали.

— Они заметили трубу нашего перископа, — сказал он, — и, спасаясь от него, они выдают себя: видите вы теперь галерею верхней палубы? Нет сомнения, это «Ретвизан»!

Раньше, чем Галпин успел проверить все подробности, Матсуморо сделал намек на то, что при предстоящем действии помещение в капитанской башне было бы слишком

тесно для двух человек, после чего американец тотчас же спустился. Вслед за этим последовал приказ за приказом на японском языке тем четырем людям, которые обслуживали минные аппараты. Затем из уст Матсуморо раздалось слово, смысл которого не подлежал сомнению: один из людей повернул, послышалось шипение, и затем глухой удар возвестил, что торпеда покинула минную трубу. Матсуморо повторил команду — и вторая торпеда направилась на вражеский корабль. В то же время, машинист быстро остановил мотор, так что лодка сотряслась во всех своих частях.

В это мгновение произошло нечто до того неожиданное, что сам Галпин почти потерял самообладание: Матсуморо, шатаясь, спустился по лестнице, упал на колени, ударяясь лбом о пол, и начал плакать, как ребенок.

Экипаж собрался вокруг своего командира и, остолбенев, смотрел на него.

— Ради Бога, что же случилось? — воскликнул Галпин и наклонился к японцу. Но тот не ответил, а зарыдал еще громче и сильнее.

Быстро решившись, Галпин бросился наверх в башню. На белом экране офицер все еще видел могучее военное судно, обращенное к нему всем бортом, на котором теперь засверкала красная линия, сопровождаемая своеобразным треском.

Вслед за тем Галпин услышал свист и шелканье снарядов, падающих в воду и направленных прямо на перископ.

— Проклятье, тут что-то не в порядке, — пробормотал Галпин.

Быть может, они послали торпеду не на тот корабль? Но он все же должен быть русским, так как иначе не стали бы стрелять в японцев.

Галпин, однако, не успел дольше размышлять над этим, так как на экране показалось нечто ужасное, от чего застыла кровь в его жилах. Он увидел, как задняя труба панцирного судна внезапно подалась кверху, затем из задней части вырвался пламенный столб, увенчанный облаком дыма, и одновременно с этим у борта корабля выросла волна

вышиной с гору, которая разлетелась, как мыльный пузырь. В тот же момент громовой удар раздался в ушах Галпина — и он был отброшен к стене капитанской башни дошедшим до него мощным давлением воздуха, между тем как в нижнем помещении люди попадали на пол.

После короткой паузы последовал второй взрыв. Казалось, что склепанная сталь разрывается на части и толстые железные балки отламываются, подобно тонким жердям... Вторая торпеда достигла цели.

Только когда рассеялся желтовато-черный дым, Галпин смог оценить в полном объеме дело разрушения.

Нос броненосца поднимался высоко в воздух, тогда как корма исчезла под водой. Люди на корабле, похожие на черные точки, скользили и падали с кривой плоскости палубы в море, тогда как другие кричали за бортом. Все более и более отвесно поднималась передняя палуба из воды, — гигантское серое чудовище, раненное насмерть, медленно погружалось в пучину.

Глубоко потрясенный, спустился Галпин с наблюдательной башни. Матсуморо стоял выпрямившись среди помещения с обоюдоострым мечом в правой руке. К нему уже вернулось его стоическое спокойствие.

— Я сделал ошибку, — сказал он спускавшемуся Галпину, — корабль, который я взорвал — не «Ретвизан».

— Я уже подумал это, — возразил американец. — Но что же ото было за судно?

Не отвечая на вопрос, японец зажег лампы внутреннего освещения и положил меч перед собой на пол. Потом он по-японски обратился к своим людям, стоявшим вокруг него с неподвижными лицами, и спокойно, без малейшего волнения и без жестикуляции, говорил в продолжение почти пяти минут.

Галпин с напряженным вниманием следил за всем происшествием, между тем как подводная лодка с остановившимся мотором лежала приблизительно на двадцать футов под зеркалом вод.

Теперь один из машинистов выступил вперед, поднял меч и, раньше чем Галпин успел этому помешать, маши-

нист распахнул свою одежду и всадил глубоко в живот смертоносную сталь.

Последним усилием он быстро сделал разрез кверху, потом, хрипя, повалился ничком на пол.

Остальные неподвижно смотрели на это. Теперь второй взялся за меч. Но раньше, чем он смог им воспользоваться, Галпин подскочил к нему и выхватил у него оружие из рук, в то же время нанеся ему кулаком такой удар по лицу, что японец отлетел в противоположный угол машинного помещения.

— Ах вы, проклятые язычники! — воскликнул Галпин в сильном волнении, переломив клинок о свое колено. — Так вот наш способ исправлять ошибку! Что же это будет, если один да другой убьет себя! Уж не ожидаете ли вы, что я последую вашему примеру?

— Не вмешивайтесь, — твердо сказал Матsumоро. — Я вам советую не осмеливаться на это!

— Как не вмешиваться! — заревел янки. Галпин задышался от ярости. — Ну, а я все-таки посмею! — И, обойдя тело мертвеца, он подошел к Матsumоро и схватил его железной рукой за грудь. — Вы вольны совершать «харакири» над собой, — каждый имеет право умерщвлять себя так, как он хочет; но я намереваюсь жить!

— Это ваше дело, — возразил японец. — Ваша судьба нас не касается. Мы не ответственны за вас.

— Ну, это мы посмотрим! Поднимитесь с лодкой на поверхность воды, откройте крышку и выпустите меня. Я поплыву. Слышите, выпустите меня из лодки! — При этих словах Галпин встряхнул тщедушного японца, как мешок.

— Это невозможно, — ответил Матsumоро, стараясь оттолкнуть американца. — Мы больше не можем подняться, лодка тонет.

И он указал на измеритель глубины, к ужасу Галкина показывавший уже три атмосферы.

— Итак, вы видите, что у нас осталось немного времени, чтобы умереть, но еще меньше, чтоб вас освободить.

— Тогда я вас заставлю это сделать! — заревел Галпин, поняв, что медлить было опасно. — Выстрелите мной из мин-

ного аппарата, вы сами говорили, что это ваш единственный путь спасения!...

— Нам некогда, посторонитесь, — возразил японец, прилагая все усилия к тому, чтобы вырваться.

— Проклятые собаки, если вы хотите умереть *передо мной*, то умрите же от *моей* руки! — Галпин решительно вцепился Матсуморо в горло. — Ну, хотите вы меня выпустить из лодки или нет? Хотите? Вы должны мне ответить!

При этом он все сильнее сжимал шею японца, так что у того налившиеся кровью глаза вылезли из орбит и он издал непонятный, слабый хрип.

Экипаж хотел прийти на помощь своему командиру, но угрожающая поза американца, на голову превышавшего японцев, заставила людей отступить.

— Я еще раз спрашиваю нас, хотите вы меня освободить из этой западни или нет? Я требую ответа и поскорее!

Матсуморо сделал жест, что хочет говорить, после чего Галпин его выпустил.

— Хорошо, — сказал японец, все еще продолжая задыхаться, — я прикажу выстрелить вами из минного аппарата.

— Отлично! Дайте мне честное слово, что вы все сделаете правильно, если я вползу вон в ту трубу.

— Даю вам слово и отвечаю за успех. Но и я от вас, как от офицера, требую обещания, что вы умолчите обо всем, что вы видели здесь, в этой лодке.

— На это я не могу дать вам согласия: начальство будет требовать от меня отчета о моем пребывании, — ответил Галпин.

Матсуморо с минуту разглядывал решительное лицо своего противника, потом проговорил:

— И на это согласен! В конце концов, это ведь безразлично. Свет будет тогда, по крайней мере, знать, что мы умерли так, как жили: с честью.

— Это я охотно подтверждаю, если мне дано будет снова увидеть солнце!

— Тогда надо торопиться! — Японец подвел Галпина к одной из минных труб и открыл клапан; потом он подал

американцу знак вползти в нее.

Тот теперь помедлил с секунду.

— Я не знаю, что вам сказать, лейтенант Матсуморо; мне искренне жаль, что так случилось.

— Пожалуйста, не задерживайте нас. Если наша лодка еще глубже опустится, то и для вас не будет больше спасения. Как только клапан трубы будет закрыт, вздохните поглубже и крепко зажмите уши пальцами. Вы найдете наверху достаточно спасательных лодок, ваши шансы хороши. А теперь поскорее, пожалуйста.

Галпин быстро сбросил свою верхнюю одежду, еще раз пожал руку японцу, — затем он влез в минный аппарат.

— Не забудьте глубоко вздохнуть! — закричал еще ему вслед Матсуморо.

Клапан опустился. Запертый в трубе набрал в свои легкие побольше воздуха и крепко зажал пальцами уши.

Теперь он услышал, как поднимали носовой клапан и в то же время почувствовал вторжение воды. Один удар — и он вылетел в жидкую, холодную темноту.

Тотчас же Галпин начал работать ногами, чтобы выбраться наверх. Он знал, что глубина, на которой он находился, была около ста футов; в одну секунду он мог подняться приблизительно на два фута, следовательно, ему нужна была целая минута для того, чтобы добраться до поверхности воды.

Ужасающе долгое время! Галпин рассчитал также, что на каждое отдельное движение ногой требовалось полсекунды, — он должен был, следовательно, сделать сто движений. Когда он сосчитал десять, начались нервные мучения от недостатка воздуха. К тому же, это ужасное давление на уши и ноздри! Когда он сделал пятьдесят футов, он осмелился отнять палец от уха, чтобы при плавании пользоваться, по крайней мере, одной рукой. Но боль в барабанной перепонке была так сильна, что он не посмел освободить и другую руку. Все сильнее и сильнее ощущался недостаток воздуха. Галпину казалось, что его легкие собираются лопнуть; он ясно чувствовал, как сознание его помутилось. В смертельном страхе он воспользовался и дру-

гой рукой; кровь прилила ему к голове, шум в ушах почти лишил его сознания, — как вдруг сразу все эти страшные явления исчезли. Галпин увидел солнце, сверкающее небо и в море многочисленные суда самых различных типов, — большие военные корабли, купеческие суда и китайские джонки.

Галпин был еще немного оглушен, но быстро освоился с положением вещей и принялся кричать изо всех сил. Одна из многих спасательных лодок, оказывавших помощь экипажу потонувшего корабля, тотчас же стала грести по направлению к зовущему. Это была белая, стройная лодка, которая показала Галпину очень знакомой.

— Сэр! — крикнул передний гребец сидевшему на руле офицеру. — Это лейтенант Галпин!

— Как, Галпин?! — воскликнул офицер, поднимаясь. — В самом деле! Но где ты был, ради Создателя? Мы думали, что ты утонул. Какими же судьбами попал ты на «Хатсузе»?

— Корабль, который потонул, был... — спросил Галпин, влезая в лодку.

— Японский крейсер «Хатсузе», — ответил офицер.

SEPTEMBER, 1917

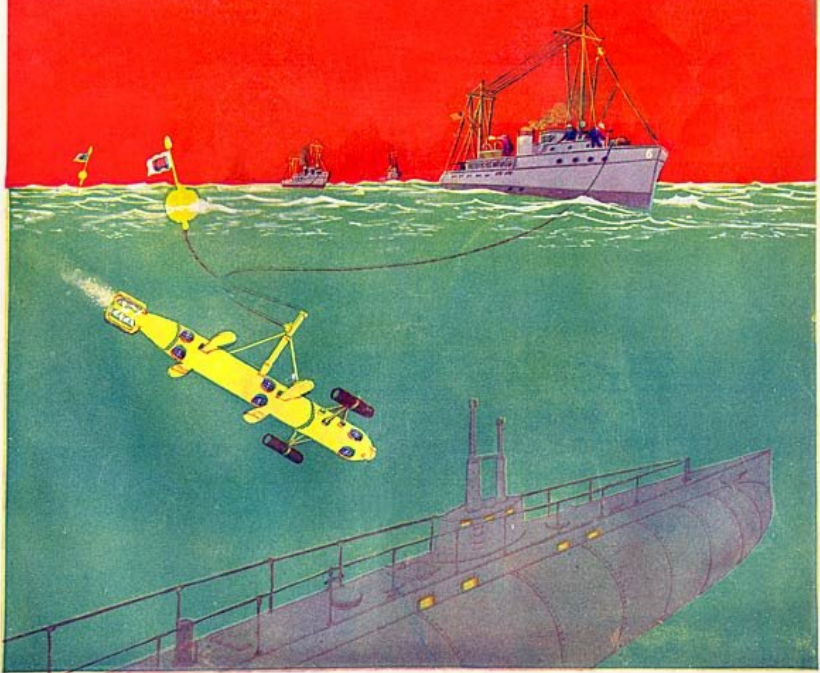
15 CENTS

The Electrical Experimenter

POPULAR ELECTRICAL NEWS ILLUSTRATED

**ELECTRIC "BLOODHOUNDS"
FIND AND DESTROY SUBMARINES**

SEE PAGE 298

LARGEST CIRCULATION OF ANY ELECTRICAL PUBLICATION

MAY, 1917

15 CENTS

The Electrical Experimenter

POPULAR ELECTRICAL NEWS ILLUSTRATED

ELECTRIC TORPEDO
DESTROYER

SEE PAGE 10

LARGEST CIRCULATION OF ANY ELECTRICAL PUBLICATION

Жан Жобер

КРАСНАЯ ПТИЦА

I

Пароходик, во время летнего сезона совершавший рейсы между Ванном и портом Новало, вышел из канала, соединяющего Кэргюэн и Лангль. Облокотившись на перила, один из пассажиров, казалось, не замечал прекрасной панорамы, открывшейся перед его глазами.

За две-три недели до этого Анри Гюэрли, морской офицер, плававший на «Шанзи», судне дальневосточной эскадры, собирался выйти в отставку, чтоб навсегда поселиться в своем милом, родном Морблане с отцом, которому он был единственным утешением и отрадой.

Однажды утром, когда Анри мечтал о близком свидании с отцом, вестовой принес ему приказ явиться к командиру, сообщившему ему ужасную весть — его отец скончался.

Будучи большим спортсменом, старик Гюэрли обзавелся электрической моторной лодкой, на которой ежедневно совершал экскурсии, не сопровождаемый никем.

Вечером 8-го июня его прождали напрасно... На другое утро в прибрежных утесах нашли разбитые части мотора, а неделю спустя волнами на берег был выброшен и труп — в нем узнали Антуана Гюэрли. Тем временем, Анри прибыл в родной дом своих предков. В нем его встретил матрос Пьер Котгоаль — старый преданный слуга, вынынчивший его.

Молодой офицер засыпал его вопросами, касавшимися подробностей печальной драмы. Из ответов старого матроса Гюэрли узнал, что последние годы его отца были всецело поглощены лихорадочным трудом по части усовершенствования изобретенного им аппарата.

Большую часть времени он проводил в лаборатории, занятый опытами, или же, возбужденный неожиданными результатами, носился на своей моторной лодке по лабиринту островов, утесов и подводных камней, которыми изобилует Монблан.

II

Сидя в огромном рабочем кабинете отца, Анри дрожащими руками переворачивал, долго не решаясь распечатать, письмо, адресованное так:

«Г-ну Анри Гюэрли, офицеру судна “Шанзи”, дальневосточной эскадры».

С глубоким вздохом Анри, наконец, распечатал и стал читать это, как бы загробное, послание.

«Дорогой сын!

Я почти ничего не сообщал тебе о занятиях, поглотивших всего меня за последние годы.

Сегодня я могу сказать: я нашел, что искал; я сделал огромное открытие в воздухоплавании.

Наш старый остров Кэргюэрек содержит в своих недрах необыкновенную чудесную жилу.

Отныне мы обладаем ею, заключающей в себе новый металл — более легкий, нежели алюминий, более крепкий, нежели сталь и более прочный, нежели платина. Я его употребил для моих опытов при постройке моторов и остовов.

Я становлюсь старым, могу умереть... исчезнуть; как был бы я счастлив привлечь тебя к моему труду. Хорошо сознаю, что требую от тебя большой жертвы, и все-таки, *теперь* говорю: брось морскую службу: возьми продолжительный отпуск или выйди в отставку, но, так или иначе, приезжай.

Обнимаю тебя. До скорого свиданья.

Твой отец
Антуан Гюэрли».

Дрожа всем телом, Анри читал и перечитывал письмо: его жизнь приобретала смысл — он решил продолжать начатое отцом предприятие.

III

Все документы, планы и бумаги у старика Гюэрли оказались в строгом порядке: все было на своем месте. После долгих поисков, Анри нашел на дне несгораемой шкатулки маленький ключик. Им он отомкнул ящик, озаглавленный «результаты»: он был пуст. Перерыв весь дом, он нашел лишь несколько незаконченных проектов, неясных выводов, непонятных формул и только.

Когда Анри приводил в порядок документы отца, его внимание было привлечено печатным извещением академии наук, удостоверявшим получение рукописи...

Не медля ни минуты, Анри отправился в Париж, чтобы взять рукопись из академии.

После некоторых затруднений ему это удалось. Он развернул первую страницу и прочел заголовок:

«Это дубликат проекта, оригинал которого, помечен-

ный маем, остался у меня, в моих владениях на Кэргюэреке».

Значит, оригинал существовал, но отчего же молодой Гюэрли не нашел его?

Вернувшись, он принялся за разборку завещанного отцом дела. По своим расчетам, он надеялся найти достаточное количество металла для постройки нескольких аппаратов.

Гюэрли имел обыкновение каждый вечер принимать добытый за день и сложенный в холщовые мешки металл.

Анри был немало удивлен, когда, желая проверить весь запас металла, нашел только двадцатую часть мешков.

Не странно ли было все это роковое стечение обстоятельств: исчезновение проекта изобретенного аппарата, кража металла, неожиданная и таинственная смерть отца? Было ли все это простой случайностью?

IV

Пользуясь ясной погодой, Анри в сопровождении Котгоаля и юнги предпринял небольшую морскую экскурсию с целью посетить то место, где разбился катер и где нашли труп отца.

Расспрашивая рыбаков окрестных местностей, Анри получал везде одни и те же ответы: море было спокойно, но небо покрыто тучами, было темно...

Котгоалю, в свою очередь тоже искавшему очевидцев гибели старика Гюэрли, удалось натолкнуться на парня, заявившего, что он находился в тех краях в ночь с 8-го на 9-е июня. Офицер стал расспрашивать его; после долгих запырательств, парень сознался, что он — контрабандист и что в тот вечер, около 9-ти часов, он с товарищами сновал около Гаврины, где и встретились они со стариком Гюэрли, в этот вечер, видимо, сильно запоздавшим. Было очевидно, что с ним случилась какая-то авария; мотор плохо передвигался.

Притаившись, они стали ждать, пока уляжется волне-

ние; в это время мимо их промчался с невероятной скоростью другой водяной мотор... мотор прошел всего в нескольких шагах от них, так близко, что они успели рассмотреть и серую окраску яхты, глубоко сидевшей в воде, и стоявшего у руля человека с горбатым носом, большой черной бородой и блестящими глазами.

Теперь для Анри не было сомнений в том, что отец его был убит.

В силу сделанного им прокурору заявления во всех французских портах стали искать темно-серую быстроходную моторную лодку, но нигде таковой не оказалось.

Настал день большого испытания: гонки Париж-Лондон.

Соседние с Тюльерийским садом улицы кишмя-кишели жаждущими зрелищ. Сегодня предстояло незаурядное зрелище — победа человека над воздухом.

В Тюльерийском саду конкуренты лихорадочно хлопотали около своих аппаратов. Анри Гюэрли был готов к полету. Оставив аппарат под присмотром сопровождавшего его Коттоаля, он отправился к старту.

Борода, которую он себе отпустил, в соединении со спортивным костюмом, какой всегда носил на своих экскурсиях старик Гюэрли, делали сходство между отцом и сыном поразительным...

Проходя по рядам выстроившихся и готовых к полету аэропланов, он вдруг, словно вкопанный, остановился... Что это? Ведь это его аппарат стоял теперь здесь, во главе флотилии, или нет — его был весь белый, а этот был выкрашен в красный цвет.

Отличались эти два аппарата друг от друга только лишь окраской, все остальное походило как две капли воды: та же форма, те же крылья, та же винтовая система, да, наконец, та же величина... даже из того же неизвестного доселе металла, который добывался исключительно лишь на Кэргюэреке.

Анри Гюэрли побледнел, как полотно... настал момент отправления, все стали к своим аппаратам; Гюэрли увидел того рулевого, у него был тот же горбатый нос, та же большая черная борода, те же блестящие глаза.

Глаза его и того чернобородого встретились... он с ужасом взглянул на молодого офицера, как бы узнавая в его чертах черты другие...

— Не Антуан Гюэрли, а сын его, который отомстит за него, убийца!

В то же мгновение раздалась команда стартера: «Пошли!» — и все понеслись.

VI

Придя в себя от прежнего волнения, Анри пустился догонять «красную птицу», но это было почти недостижимо; тот, «другой», выиграл старт на две минуты, а теперь виднелся лишь как темная точка на краю горизонта. Быстрота полета аппарата Анри достигала 100 километров в час; Париж был далеко за ним...

Устремив глаза на компас, прислушиваясь чутким ухом к шуму, издаваемому мотором, Анри только и думал о негодяе, которого теперь надлежало обличить.

Врагов разделяло расстояние в один километр; чтобы избежать слишком сильного встречного ветра, они оба опустились на 20 метров над поверхностью моря, над которым они теперь неслись.

— Не все ли равно, где арестовать его — во Франции или Англии? — несло в воспаленном мозгу молодого офицера. Находясь посредине Ла-Манша, пораженный Анри заметил, что противник его, описав круг, неся прямо на него с той же головокружительной быстротой, с которой только что уносился от него. Прежде, чем он успел опомниться, «красная птица» налетела на него и он услышал над собой зловещий шепот:

— Да, тебя постигнет участь твоего отца!

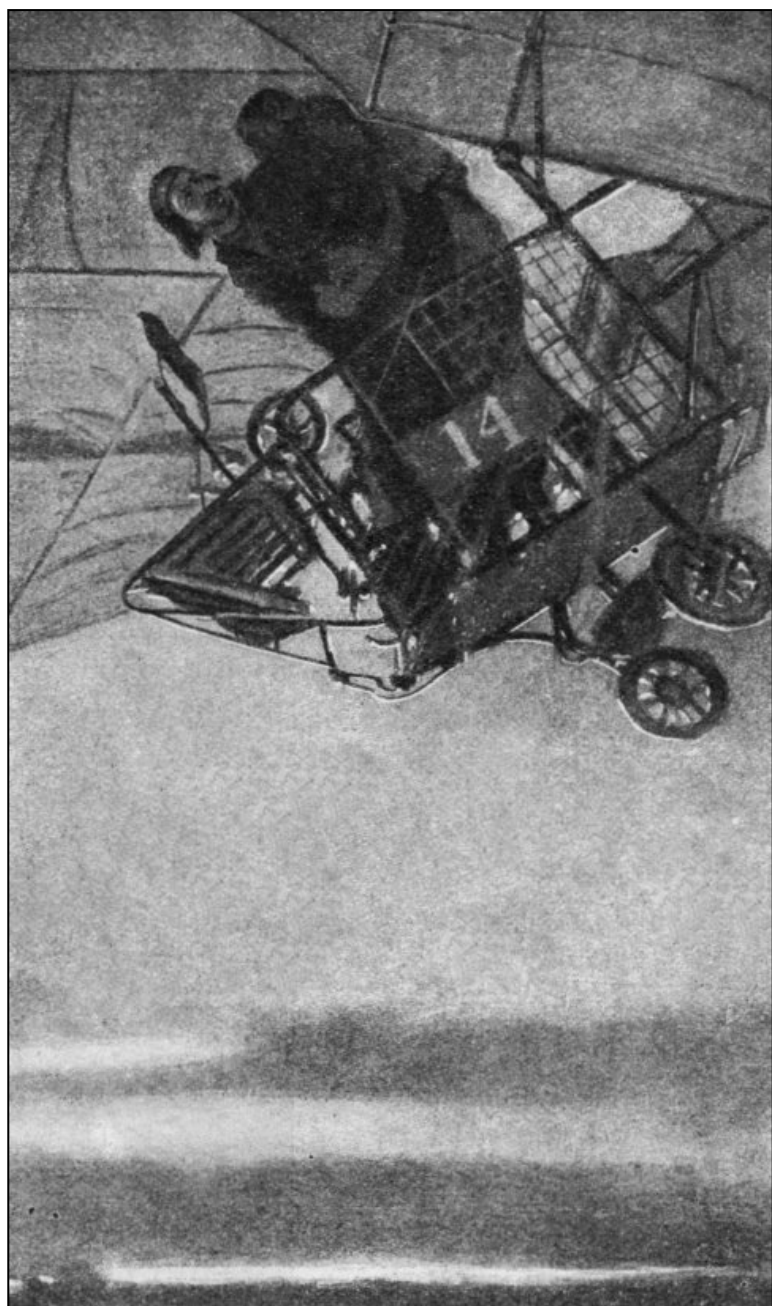
С этими словами он пытался сломать или согнуть крыло «белой птицы», пытался ее уничтожить с отчаянной решимостью человека, которому уже нечего более терять...

Тогда Анри головокружительным поворотом описал круг и, в свою очередь, оказался в тылу своего противника. Между ними произошла борьба... Вдруг «красная птица» затрепетала, как смертельно раненое животное.

Цель была достигнута? Отец отмщен?

Нет! Доказательства преступления исчезли бы вместе с преступником... Слава и ореол Антуана Гюэрли остались бы в тени!

Гений Антуана Гюэрли должен заблестать при участии того, убийцы: он должен своим признанием, своей испо-

ведью подтвердить, что слава и честь изобретения принадлежат жертве — Антуану Гюэрли. «Для этого необходимо спасти негодяя от гибели!» — молнией мелькнула мысль у Анри Гюэрли. Собрав крылья своей «белой птицы», он пустил свой аппарат прямо на «красную птицу» — аппарат летел вниз, словно камень.

Зацепиться краем якоря за поломанное крыло «красной птицы», летевшей в бездну, было делом одного мгновения. На лету выхватил он своего врага из исковерканной машины и бросил его на дно своей...

Теперь Анри вез доказательство... Но побежденный противник решил бороться до конца — и началась борьба не на жизнь, а на смерть.

— Вор и убийца! От меня ты не ускользнешь, — вскричал Анри. Молодой офицер оказался сильнее своего врага — последний был побежден.

— Сжался! — молил он. — Именем твоего отца молю тебя: сжался, пощади! — При этом священном для молодого человека имени, он на минуту как бы застыл в это время; не управляемая никем «белая птица» достигла морской поверхности, зачерпнула волну и пошла ко дну, увлекая двух противников в неизмеримую глубину моря...

.

Несколько часов спустя, миноноска №136 выловила из моря едва цеплявшегося за обломок мачты Анри Гюэрли...

Сама судьба и только она одна отомстила за смерть его отца.

FEBRUARY, 1917

PHOTO SUPPLEMENT NUMBER

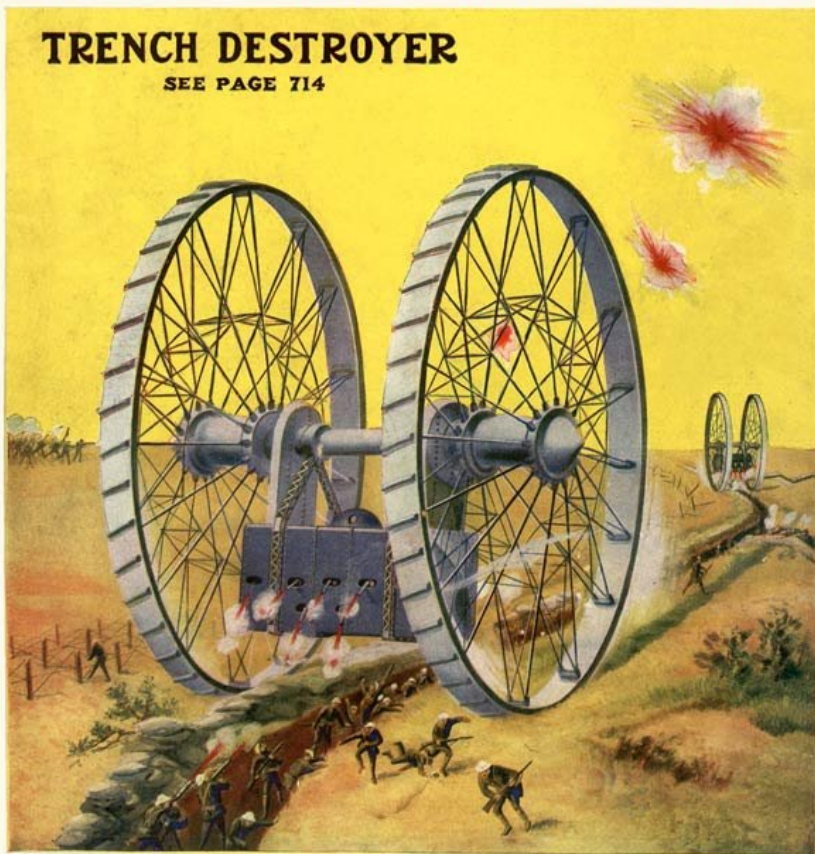
15 CENTS

The Electrical Experimenter

POPULAR ELECTRICAL NEWS ILLUSTRATED

TRENCH DESTROYER

SEE PAGE 714

LARGEST CIRCULATION OF ANY ELECTRICAL PUBLICATION

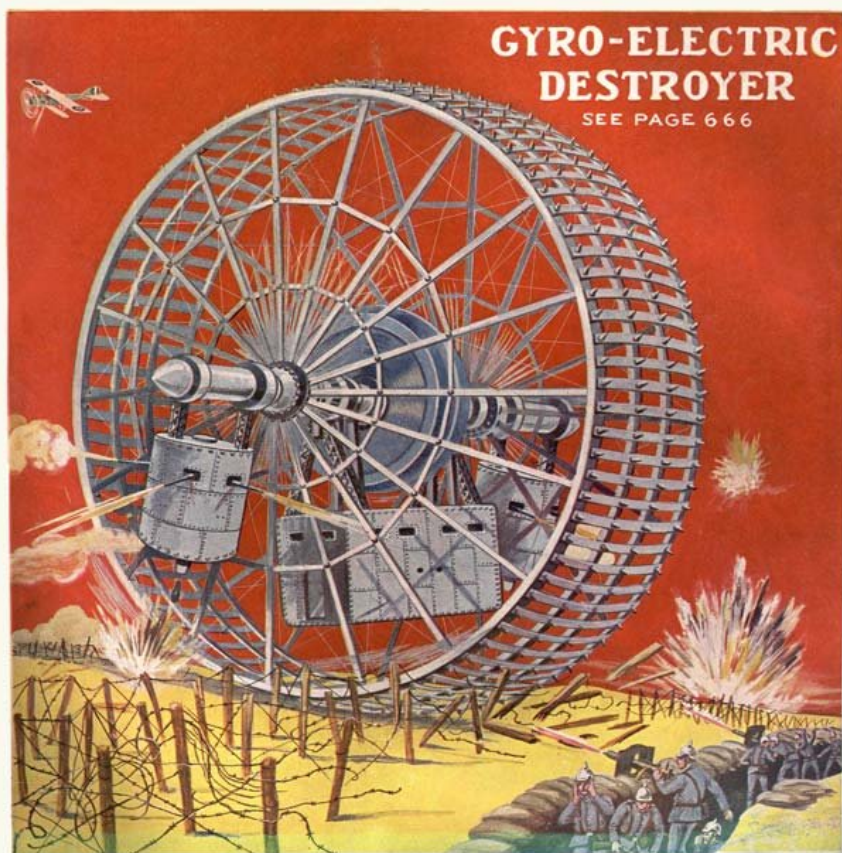
NOTICE TO READER: When you finish reading this magazine, place a 1 cent stamp on this notice, hand same to any postal employee and it will be placed in the hands of our soldiers or sailors at the front. No wrapping—no address.—A. S. BURLESON, Postmaster-General

"FEB"
15
CENTS

Electrical Experimenter

OVER
175
ILLUST.

POPULAR ELECTRICAL NEWS ILLUSTRATED

GYRO-ELECTRIC
DESTROYER

SEE PAGE 666

☆ LARGEST CIRCULATION OF ANY ELECTRICAL PUBLICATION

The Electrical Experimenter

AN ELECTRO - GYRO - CRUISER

SEE PAGE 542

FEB
1916
10 CTS

★

"THE ELECTRICAL MAGAZINE FOR EVERYBODY"

Гастон Ришар

АНАРХИСТ

(Картины будущей войны)

Генерал Винскель нажал кнопку электрического звонка.

Дверь скрипнула. В комнату вошел капитан Граншан и молча остановился у письменного стола в ожидании приказаний.

— Скажите, капитан, — спросил генерал, — найдется ли у вас в воздухоплавательной школе, среди военных летчиков, храбрый человек, который не дорожил бы жизнью?

— Точно так, ваше превосходительство, — с уверенностью ответил офицер. — Есть.

— В таком случае, будьте добры его немедленно представить.

Адъютант поклонился и вышел.

Когда командир войск остался один, он взял со стола телеграмму и еще раз внимательно перечел. В течение двух недель между Францией и Германией шла война. Германия решила прибегнуть к внезапному нападению, как Япония во время войны с Россией, отчего она была побеждена, и японские войска одержали немало славных побед.

Уже восемь дней прошло со времени неудачного сражения у Бельфора; немецкие войска пытались взять Нанси и отчасти уже загородили путь к этому городу.

Первая Восточная армия, укомплектованная несколькими дивизиями, остановилась у Реймса в выжидательном положении. Пруссаки хорошо были осведомлены о действиях неприятеля, они были снабжены всеми нужными сведениями благодаря прекрасному состоянию их воздушной флотилии, — «Цешелина» XVII и «Парсифаля»* XXII и десяти маленьких аэростатов — и не двигались с места, зная, что французские войска располагали более значительными силами, что артиллерия их гораздо сильнее, ибо сорок электрических батарей, имеющих у французов, могли бы бесспорно легко выиграть сражение. Тем не менее, по словам очевидцев, шпионов и местных крестьян, за последние дни в лагере неприятеля наблюдалось необычайное оживление. Французам удалось, применяя беспроволочную телеграфию, по-

* В исходном тексте пер. офранцузенное «Персеваль» (Прим. сост.).

лучить несколько телеграмм из штаба войск, содержащих ценные указания.

Одну из телеграмм в настоящее время и перечитывал генерал Винскель.

* * *

Раздался стук в дверь.

— Войдите! — сказал генерал, пряча телеграмму в карман мундира.

В комнату вошел капитан Граншан в сопровождении высокого, стройного молодого человека. На нем был костюм военных летчиков, состоящий из черной кожаной куртки. Белокурый, хорошо сложенный, с нежным цветом лица, большими шелковистыми усами, серыми глазами, он напоминал жителя Севера.

— Вот человек который вам требуется, генерал! — почтительно доложил адъютант.

— Благодарю вас. Вы свободны. — И, обращаясь к офицеру, добавил: — А вы, мой друг, подойдите-ка ближе.

* * *

Генерал Винскель встал, запер дверь за офицером и, возвращаясь к авиатору, долго, пристально смотрел на него.

Молодой человек спокойно выдержал взгляд, который словно проникал в самые тайники его души.

— Скажите мне ваше имя, возраст, ваше социальное положение.

— Шарль Лепик, мне двадцать шесть лет, я механик, сапер военной воздухоплавательной школы.

— Где находится ваша семья?

— У меня нет семьи. Я сирота.

— У вас есть подруга жизни?.. Любовница, быть может?

— У меня нет никаких женщин. Я совершенно одинок.

— Прекрасно. Мне именно требуется такой человек, как вы.

Винскель нервно ходил по комнате. Он о чем-то задумался. Внезапно генерал подошел к механику, положил ему руки на плечи.

— Послушай, — заговорил он, переходя на ты. — То, что я тебе сейчас скажу, должно умереть между нами. Речь идет о спасении отечества, о будущей победе Франции. Способен ли ты для блага родины пожертвовать жизнью? Подумай и ответь откровенно: да или нет? Имей в виду, когда ты исполнишь данное тебе поручение и каким-нибудь чудом останешься в живых, можешь требовать от меня все, что захочешь. — Если же нет... ты не согласен, я устрою иначе это дело!

— Я обдумал. Согласен. Пользуйтесь мной по вашему усмотрению.

Несколько минут в комнате царило молчание. В глазах Винскеля вспыхнуло чувство жалости к этому молодому офицеру. Он был смущен. Но, быстро овладев собой, генерал холодно и, указывая на кресло, сказал:

— Садись. Прочти телеграмму.

Он вынул из бумажника депешу и протянул ее Шарлю Лепику. Офицер прочел:

«Приказ главного штаба войск за № 238.

Подготовить в двенадцати часам ночи дирижабль. Ночью неприятель будет осматривать позицию. Совершатся полеты. Во главе будут командующий армии генерал Зильгейм и Гросмерк, генерал фон Пардебек, полковник фон Веско».

Офицер возвратил послание.

— Что, понял? — спросил генерал. — Дирижабль — вероятно, «Парсифаль», так как у «Цепелина» тяжелый двигатель. С другой стороны, «Цепелин» один может поднять семь человек. С офицером-механиком и двумя пилотами как раз семь человек... А теперь еще вопрос. Твой аэроплан...

— Шестьсот пятьдесят кило, электрический двигатель в сто сил; я свободно совершаю против ветра восемьдесят миль в час и сто двадцать по ветру. Могу взять одного пассажира или около восьмидесяти кило бомб или взрывчатых веществ.

— Прекрасно. Подойди ближе и внимательно выслушай меня...

* * *

Генерал долго говорил. Время от времени офицер прерывал его своими расспросами. Наконец, когда обо всем было переговорено, Шарль Лепик сказал:

— Не беспокойтесь, генерал, все будет исполнено.

— Повторяю, если тебе это удастся, останешься жив, спасая отечество, я, во имя Республики, обещаю сделать для тебя все, что ты пожелаешь.

Шарль Лепик равнодушно произнес:

— Я не желаю никаких вознаграждений. Мне не надо ни орденов, ни денег, ни боевых отличий... Я желаю остаться в тени. Я сделаю то, что вы велели сделать. То, что вы от меня требуете, соответствует моим взглядам, моим принципам, моим надеждам. Вы смотрите на меня с удивлением. Вам никогда ничего подобного не говорили.. Я сейчас вам кое-что объясню... Видите ли вы, в чем дело. Хотя меня и называют Шарлем Лепиком, но на самом деле я — Жан Леклерк, анархист...

Генерал Винкель машинально протянул руку за револьвером.

— Оставьте ваше оружие, — продолжал офицер. — Вам нужна моя помощь, я это знаю. Я даю вам слово, что сделаю все, что вы мне сказали. Исполняя ваше поручение, я буду преследовать намеченную мною раньше цель.

Я решил умереть за родину, как настоящий сын революции; если Германия победит Францию, вовлекая в войну Австрию и Венгрию, монархическое правление легко может

быть восстановлено. Для страны это будет большим отклонением от цивилизации... Думаете ли вы после того, что я вам изложил, что я не готов сделать все возможное, чтобы спасти свою родину?

— Я вам верю, — проговорил генерал Винскель, подавая руку анархисту. — Идите и действуйте.

* * *

Была зимняя ночь. Аэроплан, словно большая черная птица, вылетел из французского лагеря и плавно понесся в воздухе.

Жан Леклерк потушил огни. Он держался на своем маленьком сиденье и пристально всматривался в даль, и, летя под синим небом, усеянным яркими блестящими звездами, прислушивался к малейшему шуму.

Время от времени авиатор нажимал электрическую кнопку, в маленькой лампочке вспыхивал огонь. Жан проверял воздухомер, указывающий направление полета, и вновь аэроплан погружался в темноту.

Жан Леклерк зажег папироску. В шестидесяти метрах над землей можно было не опасаться людей.

Внезапно на земле показалась большая красная звезда, которая быстро неслась вперед; навстречу появилась вторая голубоватая точка.

— Два автомобиля... Надо проследить, что будет дальше...

Удвоив меры предосторожности, боясь быть замеченным, он спустился на тридцать метров к земле. При блеске голубоватого рефлектора авиатор увидел двух офицеров.

Жан Леклерк видел, как они подняли голову и указывали на небо в его сторону. Его, очевидно, заметили.

«Эти господа ничего не могут сделать со мной, — подумал он. — По всей вероятности, они предупредят воздухоплатователей и сейчас откроется форменная стрельба».

В одно мгновение он поднялся на сто метров. Теперь его нельзя было видеть. Ночь защищала его темным покровом...

Жан Леклерк все летел вперед, аэроплан уже достиг конечной цели. Перед ним была длинная полоса огней, обозначающая неприятельский лагерь.

Расстояние между немецкими и французскими войсками было не более двадцати пяти километров.

В ожидании неприятеля, авиатор делал виражи.

Луна спряталась за тучи. Военная птица, как ночной хищник, планировала в воздухе. Глухой шум пропеллера лишь нарушал ночную тишину страшным, зловещим свистом...

* * *

Внезапно местами зажглись прожекторы. Они осветили темный горизонт, окрасили разноцветными огнями дремлющие леса... Ослепительно голубая струя загорелась на синем небе, вырисовывая красивый силуэт моноплана...

Раздались пушечные выстрелы... Снаряд пролетел мимо аэроплана...

Жан Леклерк презрительно улыбнулся. Равнодушной рукой он повернул рычаг, удвоил скорость аэроплана, поднимаясь все выше и выше...

Та же ослепительная струя света преследовала его, в его сторону опять навели рефлектор, пуля задела сталь...

«Они недурно стреляют», — подумал анархист.

Молодой человек нагнулся, осторожно вынул бомбу из мешка и бережно уронил ее. Прошло несколько секунд... На земле, в неприятельском лагере, показался глухой зеленый свет, точно от бенгальского огня...

Взрыв... Оглушительный шум дошел до нашего авиатора.

«После этой бомбы они не замедлят выпустить из ангаров всю воздушную флотилию... Сейчас по небу разлетятся дирижабли, аэропланы, аэростаты... Будет весело...»

Аэроплан продолжал медленно подниматься в высь. Одним толчком анархист остановил подъем машины и начал проделывать в воздухе разные эволюции. Аэроплан то несся горизонтально, то стоял на месте, словно расправляя свои мощные, белые крылья, то кружился в ночном эфире, вертясь по прихотливому желанию ледящего ветра...

Жан Леклерк прислушивался. Шум пропеллеров доносился до него все сильнее.

Чуть заметно светало...

Медленно рождался день...

Гигантская тень появилась на алеющем горизонте...

Это «Парсифаль»... А там виднеется «Цеппелин»... Дальше идут бипланы...

Какой почет!... Вся воздушная немецкая флотилия против одного бедного, маленького аэроплана!... Вот еще другой большой моноплан...

«Ну что же... Начнем войну... Здесь надо проявить рекорд на скорость, на продолжительность, на ловкость и на смелость...»

Начался смертельный воздушный поединок, страшная дуэль в шестистах метрах от земли.

Моноплан остановился в ожидании противников... Величественный «Парсифаль» несся на него с неимоверной быстротой. Два моноплана и два биплана окружали его, чтобы загородить путь смелому французскому авиатору.

Жан Леклерк с невозмутимым спокойствием предоставлял им действовать... вокруг летали пули...

— Однако, довольно! — сказал анархист. — Хорошенького понемножку... Теперь посмотрим, с кем мы имеем дело...

Он повернул прожектор. Яркая электрическая струя осветила тех семерых человек, которые находились в «Парсифале»... В корзине «Цеппелина» сидели двенадцать.

— Начнем с этих!

Леклерк дал ходу.

Трепещущая птица разрезала воздух своим стальным клювом.

Еще несколько секунд — и аэроплан забрался так далеко, что его невозможно было достать...

— Не будет сказано, что французы плохие авиаторы...
Он отделился от флотилии, но вскоре вновь вернулся к ней.

И бросил бомбу в самый большой дирижабль. Раздался оглушительный взрыв, столб дыма и огня, и дирижабль исчез...

— Теперь очередь за вторым!

Пилот, предчувствуя опасность, начал маневрировать, но было поздно. Бомба уже упала сверху прямо на него...

Взрыв, пламя... и погиб второй великан...

— А вот и третий! — закричал анархист...

Со всех сторон неба стреляли. Жан застонал: пуля попала ему в живот...

— «Парсифаль» бы, если не поздно!..

Военная птица еще раз двинулась вперед. Раздался треск... Французский аэроплан и немецкий дирижабль встретились.

Аэроплан задел оболочку шара. Шар лопнул. Газ улетучился. Дирижабль полетел вниз со страшной быстротой. Жан употребил последние усилия. Еле мог управлять стальной птицей... Но возвратился.

* * *

— Кто там? Ах, это вы, Граншан? Что?

— Генерал... Авиатор прибыл. Патруль привел его в наш лагерь. Его аэроплан, вследствие недостатка энергии, опустился в ближайшем поле. Пилот опасно ранен. Желает вас видеть... Он здесь...

— Приведите его сюда, — сказал генерал Винскель.

Жана Леклерка внесли на носилках.

— Тебе удалось исполнить мое поручение?

— «Парсифаль» пробит. Я уничтожил два моноплана и один аэростат. Люди, находившиеся на «Парсифале», падая с высоты шестисот метров, понятно, разбились насмерть...

— Ты герой... Ты спасаешь Францию, армию...

— Я убийца... все же я исполнил свой долг до конца. Те-

перь оставьте меня... Я хочу спокойно умереть...

— Ты ранен?..

— Смертельно... Пуля застряла в желудке... Мне дурно...

Дайте воды...

Немного пены показалось у рта...

Жан Леклерк, анархист, отдавший свою жизнь за родину, умер смертью героя.

The Electrical Experimenter

THE RADIUM DESTROYER

See page 315.

Ж. Рони-старший

БИТВА

Фантастический рассказ

I

Австро-Венгрия переживала самый страшный кризис, какого ей не приходилось испытывать в новые времена.

Правда, Германия, занятая политической борьбой, допустила молодого императора беспрепятственно занять древний трон Габсбургов. Но теперь, после роспуска оппозиции, и имея военные кредиты уже вотированными, Вильгельм III следил за событиями.

Эти события представлялись в ужасном виде. Славяне возмущались открыто и так решительно, что министры колебались делать распоряжения, дабы не вызвать гражданской войны. Венгрия, готовая тесно соединиться с Австрией для репрессий, предъявляла такие требования, что если бы они были приняты, то обеспечивали бы ей перевес в империи. Армия при этом не была надежной. Можно было ждать неповиновения не только среди славянских солдат, но и среди офицеров. Затем и несчастное дело о сирийских соглашениях принимало угрожающий характер.

Втайне поощряемая Германией, Турция проявляла неприимчивость, даже грубость. Она отказалась возместить убытки и очень неохотно принимала меры против вожаков. Султан Мурад-Хан VI тайно отдал приказ о мобилизации, полный веры в свой главный штаб, в новое вооружение своих войск и в слабость Австро-Венгрии. Что касается России, то она в этот момент готовилась к столкновению на Дальнем Востоке с Японией, союзницей Китая.

Словом, по общепринятому в конце двадцатого века выражению, близился поворот истории. Франция употребляла отчаянные усилия, чтобы заставить Турцию пойти на уступки. Италия колебалась. Англия и Соединенные Штаты выжидали событий, будучи уверенными, что всеобщий пожар на европейском материке сделает их судьями (и сколь заинтересованными!) в судьбе земли.

В последних числах июня наступило успокоение. В славянской революции произошла как бы приостановка. Турция казалась готовой на уступки. Китай, Япония и Россия удовлетворились ультиматумами. Ввиду этого Европа была крайне поражена, когда узнала утром 29 июня, что между Австро-Венгерской империей и Высокой Портой прерваны всякие сношения. Причиной этого был живой спор между султаном и графом фон Блауэнбергом. Султан не ударил графа веером, но отпустил его так грубо, что не оставалось другого исхода, кроме извинений или войны, а в извинениях было отказано.

Это был жестокий удар для французской дипломатии. Наш министр иностранных дел хорошо знал, что, если австрийские армии потерпят существенное поражение, то Германия не преминет вмешаться в войну, и это вмешательство приведет к усилению Германии. Во избежание подобного исхода, казалось возможным только одно — франко-германская война. Решившись на нее, Франция ставила на карту свое будущее. Отказавшись от нее, она силой естественного хода вещей переходила во второй и даже третий разряд наций.

В ожидании совета, который должен был собраться после полудня, г. Вийяр лихорадочно пробегал телеграммы. Он живо чувствовал трагизм положения. Всякое действие в настоящий момент было напрасно. Оставалось только ждать в полной вооруженной готовности. Мудрое решение могло бы быть подсказано только событиями. Если Австро-Венгрия победит, то девять шансов на десять было за то, что Германия будет держаться мирно. Если же Австрия будет побеждена и Германия вмешается в войну, то надо будет начать действовать с большим риском.

Покуда министр размышлял об этих вещах, вошедший курьер передал ему карточку, на которой он рассеянно прочел: «Мюриэль и Дельстан, директора института Беккереля-Кюри».

В это время, институт Беккереля-Кюри был не только одним из славнейших учреждений Франции, но и положительной ее силой. Посредством оказанных человечеству услуг

и посредством открытий, важных с одной стороны для публики, а с другой — для отечественной обороны, г.г. Мюриэль, Дельстан и их достойные удивления сотрудники сумели, вопреки или благодаря своему бескорыстию и пренебрежению к почестям, создать себе привилегированное положение. Ввиду этого, г. Вийяр принял обоих ученых с большим почтением.

Г. Мюриэль, старик с лицом аскета, и г. Дельстан, солидный человек лет сорока, физиономия которого была бы незначительна, если бы не блеск, сила и мягкость его взгляда, прямо приступили к предмету, вызвавшему их посещение.

— Г. министр, — начал г. Мюриэль с присущей ему простотой, — мы хотим поговорить с вами о войне, которая только что объявлена между Австрией и Турцией. Я полагаю, что мы имеем возможность оказать услуги, которые могли бы принести пользу Франции.

Так как г. Вийяр с удивлением пристально на него взглянул, г. Дельстан сказал в свою очередь:

— Мы имеем основание думать, что мы можем дать некоторое преимущество той армии, победа которой была бы благоприятна для нашей страны... Вот уже два года, как мы работаем над усовершенствованием приборов, которые, несомненно, окажут влияние на будущие войны. Мы хотели бы применить их в текущей войне.

Г. Вийяр насторожился. Он разделял доверие нации к этим ученым, таким скромным и умеренным, и, немного взволнованный, спросил:

— Должен ли я понять, господа, что вы изобрели снаряды или такие вещи, которые можно было бы использовать на поле битвы?

— Мы скорее усовершенствовали некоторый метод, — ответил г. Мюриэль, — а для этого, естественно, нам надо было создать новые приборы... Наши опыты вполне определены в тех границах, в которых мы могли их предпринять. Все наши вычисления позволяют нам предвидеть, что эти опыты будут так же успешны и при более значительном масштабе. Посему мы были бы вам благодарны, если

бы вы нам сказали, что не видите ничего неудобного в том, чтобы г. Дельстан с отрядом наших сотрудников и избранных рабочих отправился предложить свои услуги австрийскому правительству.

Г. Вийяр почувствовал, что ученые не желают обнаружить, хотя бы косвенно, характер своего «метода» и, несмотря на все свое любопытство, не настаивал. С дипломатической предосторожностью он ограничился следующим ответом:

— Индивидуально и в качестве членов института Беккереля-Кюри вы, господа, свободны делать все, что вы хотите...

— Без сомнения, — возразил г. Дельстан с некоторым нетерпением. — Мы не просим у вас позволения, которого вы нам дать не можете. От министра иностранных дел мы домогаемся лишь совета, самого официального совета... и вы должны понять, что все останется в тайне.

Г. Вийяр на минуту поколебался, потом его чувства государственного человека и патриота одержали верх над его дипломатической осторожностью, и он ответил:

— Франция имеет высочайший интерес в том, чтобы в этой войне победила Австрия.

— Это все, что мы хотели знать, — сказал г. Мюриэль и поднялся, чтобы попрощаться.

— Рассчитываете ли вы серьезно на успех? — воскликнул министр.

— Теория вероятностей дает нам почти уверенность, — ответил ученый.

Г. Вийяр посмотрел, как они выходили и, когда они исчезли из виду, его доверие к ним испарилось. Он подумал, что странно, что величайшие ученые и самые искусные изобретатели стараются найти новый снаряд для войны.

II

Австро-Венгрия до последнего момента не верила в войну. Хотя уже были предначертаны некоторые передвиже-

ния войск, приняты самые общие меры и приготовлены приказы о мобилизации, но в решительный день было много беспорядка и несоответствия в действиях военного министерства и главного штаба. Священная империя производила такое впечатление, что почти не была готова к великой войне. Открытое несогласие, царившее между генералами, и брожение среди славянских элементов еще увеличивали замешательство.

Молодой Фердинанд Карл, преисполненный доброй воли в такой же мере, как и неопытности, пытался вмешаться в дело и в итоге скорее достигал опасных результатов. Однако, после недели стараний удалось предоставить около трехсот тысяч человек в распоряжение главнокомандующего, графа Августа фон Эбергардта, человека уже старого, самоуверенного и безрассудного, который решил, что врага, которого он глубоко презирал, можно скоро сразить смелым натиском. Он двинул армию через Боснию и Герцеговину и к концу июля перешел турецкую границу с двумястами с лишком тысяч человек; остальные должны были скоро последовать туда же.

Между тем, как Австро-Венгрия находилась в беспорядке и неопределенности, Высокая Порта или, скорее, турецкий генералиссимус, натурализованный немец, одаренный почти гениальными военными качествами и имея при себе главный штаб, состоящий в большей своей части также из германских элементов, постепенно подготавливал свою кампанию.

За пять недель до объявления войны все главные распоряжения уже были сделаны. Через несколько дней Лауфс-паша имел под своим началом более двухсот пятидесяти тысяч человек, которых он направлял из их обычных стоянок к западной границе.

В момент, когда императорские войска ворвались на турецкую территорию, Лауфс-паша имел возможность противопоставить им силы, гораздо более многочисленные. Кроме того, турецкое вооружение, особенно артиллерия, было лучше. Наконец, главный штаб Лауфс-паши был наивысшего качества, хотя заключал в себе несколько туземных

пашей, совершенно ничтожных, привыкших к пассивному выжиданию. Впрочем, среди них старый любимец Султана Солейман-паша был груб, жесток и полон предрассудков старой Турции, но полон также ретроградных военных инстинктов и завоевательных вожделений арабов и туранцев.

В первых числах августа обе армии встретились. Разделявшее их расстояние было еще слишком велико, чтобы начать битву, но достаточно было короткого перехода, чтобы артиллерия могла уже начать великую дуэль.

Несколько авангардных сражений были в итоге выгодны для турок и, по мнению компетентных людей, подготовлявшаяся большая битва должна была почти наверное упорочить эти маленькие победы.

Обе армии занимали обширное пространство. Однако австрийские войска были гораздо менее развернуты, чем войска противника, и фронт их был менее велик. Согласно новым правилам, Лауфс-паша широко раздвинул свои линии. Действительно, его правый и левый фланг старались окружить фланги австрийцев. Зная характер Эбергардта, он ждал нападения и все его распоряжения клонились к тому, чтобы начать битву в позиции оборонительной и окончить ее наступательно.

С той и с другой стороны сведения относительно положения противника были довольно точны. Воздухоплавание было еще в зачаточном состоянии, однако оно уже совершенно заменило кавалерию в разведочной службе, так как война 1916 года уже окончательно доказала, что сухим путем никакие разведки не были более возможны. Если кавалеристы, велосипедисты и автомобилисты приближались настолько, чтобы дать себе хотя бы неясный отчет в состоянии неприятельских сил, их сейчас же расстреливали. Значит, надо было заменить чем-либо этот метод разведки, сделавшийся доисторическим. Турки и австро-венгры имели свои флотилии дирижаблей и аэропланов. Последние, будучи более быстрыми и защищенными от капризов моторов, служили для быстрых набегов. Обе системы при случае могли сражаться или между собой, или против пеших войск. Аэростаты открывали возможность для артил-

лерийского огня, с аэропланов бросали взрывчатые снаряды или сражались посредством ружей и револьверов. До сих пор воздушная борьба была немного благоприятна для австро-венгерцев, несмотря на некоторое численное превосходство противника. Три турецких аэроплана и два их дирижабля были захвачены и выведены из строя.

Пятого августа, к концу дня, фельдмаршал фон Эбергардт собрал свой главный штаб. Несмотря на свой оптимизм и безрассудный темперамент, он был беспокоен. Сведения разведчиков говорили ему, что турецкая армия находится на хорошем месте, хорошо вооружена и превосходит противника численностью. Действовать непрямодушно не было в его натуре. Он сообщил все полученные им сведения и сделал вывод, что одержать победу над врагом можно только при быстром наступлении. Некоторые офицеры одобрили это. Другие молчали; некоторые критиковали вежливо, но настойчиво, установленные позиции. Главным возражателем был граф Зрини, пользовавшийся за границей славой самого искусного из австро-венгерских генералов.

— Если мы начнем битву при данных условиях, — закончил он, — мы будем окружены через несколько часов... и мы должны будем считать себя счастливыми, если оставим в руках врага только половину армии. Австро-венгерская армия имеет такой вид, точно она сгруппирована для капитуляции.

При этих словах генералиссимус вздрогнул, бледный от холодной ярости.

Это был маленький толстый человек, нервный, энергичный до жестокости, с лицом Суворова, с мистическими глазами, с жестким ртом, с энергичной и короткой речью. Он поднял свою волосатую руку и сказал:

— Капитуляция, если мы не исполним своего долга! Блестящая победа, если мы выкажем энергию и необходимую активность!

— Простите, ваше сиятельство, — тихо возразил Зрини, — но здесь дело не в активности и не в энергии. Я, конечно, разумею, что мы все исполним свой долг и сумеем умереть без слабости. Но одно из двух: или мы идем на врага, и

тогда мы подвергнемся разгрому, рассказ о котором возбуждает жалость даже в наших злейших врагах; или мы ожидаем нападения и тогда неизбежно, что мы будем окружены. Ваше сиятельство знает, что мы отнюдь не можем рассчитывать на штыковой бой!

Эбергардт в бешенстве кусал усы. В глубине души, под влиянием непобедимых инстинктов и по атавизму, унаследованному от целого ряда военных предков, он питал глухое доверие только к непосредственной схватке солдат. С другой стороны, при всей своей посредственности в качестве генералиссимуса, он сознавал, насколько разрушительна сила новых вооружений. Он спросил глухо:

— А что надо делать, по-вашему?

Граф Зрини на минуту поколебался. Затем, немного бледный, пониженным голосом, но с большой твердостью сказал:

— Мы погибли, если в эту же ночь вы не прикажете отступить...

— Это — поражение... это — позор, — пробормотал Эбергардт.

— Это — спасение. Мы можем занять в семи верстах отсюда назад превосходное для обороны поле сражения, откуда турки никогда нас не смогут вытеснить. Там мы будем ожидать подкреплений. Наше теперешнее худшее положение зависит только от немного медленной мобилизации. Но Австро-Венгрия гораздо более могущественный резервуар людей, чем Турция. В конечном итоге, у нас будет превосходство в численности...

— А если нас атакуют во время отступления?

— Если отступление хорошо задумано и выполнено, неприятель, в крайнем случае, может нас только беспокоить, и притом с большой опасностью для себя!

— Но вы оставляете без внимания моральный эффект! — горько заметил главнокомандующий... Отступление неизбежно будет похоже на поражение...

— Без сомнения, — пробормотал Зрини, — и только об этом я беспокоюсь. Но можно ли уравновешивать это беспокойство, хотя бы сильное, неизбежной катастрофой?

Наступило молчание. Все члены главного штаба, даже наиболее оптимистически настроенные, были омрачены заявлением графа, которого каждый считал искусным солдатом и человеком неподкупной честности. Если он советует отступление, это значит, что у него имеются основательные причины!

В момент, когда главнокомандующий хотел снова заговорить, в дверь зала, где заседал совет, постучали.

Эбергардт нахмурил брови и сказал:

— Господа, должно быть, есть новости.

В открытой двери увидели два силуэта. Один был начальником аэростатов, а в другом, одетом в штатском, генерал узнал г. Дельстана, делегата института Беккереля-Кюри. Эбергардт принял ученого и его сотрудников с крайним недоверием и с некоторого рода антипатией. Он совершенно не верил в этих «лабораторных крыс». Он полагал, что военными вопросами, идет ли речь о снарядах, веществах или методах, должна заниматься одна армия. Понадобилось нарочитое настояние императора и военного министра, чтобы он помог г. Дельстану в его миссии.

Однако, в этот вечер, озабоченный своей страшной ответственностью перед страной и историей, он почувствовал при виде изобретателя как бы некоторый проблеск надежды. Рапорт начальника аэростатов увеличил это настроение. Действительно, он заявил, что крайнее правое турецкое крыло продвинулось вперед. Каждый понял важность этого сообщения, и лица покрылись тенью. Но Эбергардт, отпустив начальника аэростатов, обратился к г. Дельстану и спросил его почти сердечным тоном:

— Имеете ли вы для нас какие-нибудь сообщения?

— Да, — ответил г. Дельстан. — Наши приборы готовы... Они могут начать свое действие даже сегодня ночью.

— И вы надеетесь получить удачный результат? — воскликнул маршал с жаром, смешанным с недоверием.

— Надеюсь, — ответил Дельстан твердым голосом. — Человеческие дела, как бы хорошо они ни были рассчитаны, подвержены сомнениям. Но я имею серьезные причины полагать, что наше содействие не будет недействительным.

Острое волнение и непреодолимый инстинкт чудесного охватили эти белые и седые головы. Особенно глубоко взволнованы были те, кто знал, как осторожны были ученые из института Беккереля-Кюри в обещании чего бы то ни было без почти полной уверенности.

— Хорошо! Хорошо! — сказал генералиссимус, зараженный волнением всего собрания. — И что же я могу для вас сделать?

— Для нас, — сказал химик тихо. — Я полагаю, что мы обеспечены от неожиданностей благодаря предоставленным нам вами многочисленным караулам. Наша частная служба аэростатов не указала нам поблизости ни одной турецкой группы... Значит, все говорит за то, что у нас будет время для действий... Если бы я осмелился дать вам совет, то я сказал бы, чтобы вы послали ускоренным шагом десять тысяч человек на крайний правый флаг неприятеля и столько же на крайний левый... Каждая из этих двух дивизий должна быть готовой окружить турецкую армию по первому приказанию...

— Кажется, вы предвидите с нашей стороны движение обхвата? — вмешался граф Зрини.

— Да, — сказал спокойно Дельстан. — Если наш опыт удастся, то обхват врага сделается возможным.

— Несмотря на меньшее количество моих войск?

— Несмотря на меньшее количество ваших войск.

Это произвело впечатление. Граф спросил снова:

— А когда, по вашему предположению, эта операция будет возможна?

— С рассвета завтрашнего дня.

— Сможете ли вы дать нам уверенность в этот момент?

— Я полагаю. Наши приборы позволят нам прийти к этой уверенности: если же нет, то всякая научная уверенность невозможна...

— Хорошо! — сказал Эбергардт, лицо которого сделалось красным, а глаза метали молнии... — Сейчас мы обсудим ваше предложение. Что касается меня, то я полагаю, что его можно принять.

— Да, — прибавил раздумчиво Зрини, — его можно принять... если не потерять соприкосновения...

Дельстан поклонился и вышел. Военный совет возобновил свое совещание.

III

Настала ночь, тихая и братская, испещренная бесконечным множеством серебряных звезд. Как только сумерки окончились, турецкие и австро-венгерские огни были погашены. Обширные равнины могли бы спать в полумраке, если бы не аэропланы и дирижабли, которые пересекали пространство. Последние выпускали длинные струи света, особенно на полосе, отделявшей обе армии (так как здесь можно было ожидать сюрприза), а также на флангах. Обширное пространство оставалось неисследованным. Из-за расстояния и разных препятствий, оно могло быть освещено только огнями занимавших его частей войск. Поэтому оттоманские разведчики не могли видеть удалявшейся инфантерии, за которой следовала пехота с крайнего правого и крайнего левого фланга австрийцев.

Время шло, а тишина все возрастала. Оба лагеря глубоко спали. Здесь и там едва можно было заметить несколько караульных пехотинцев, которые двигались медленно, — след прежних военных привычек.

К полночи внимание аэростатчиков было привлечено одним странным явлением: нечто вроде фосфоресценции распространялось с северо-востока на юго-восток на длинном эллипсе территории, охватывавшей турецкий лагерь. Эта фосфоресценция распространялась сначала волнами аметистового цвета; она была немного более блестяща в центре, чем в окружности. Мало-помалу, свет обозначился яснее; в то же время, он принял оттенок менее бледный, от цвета индиго до цвета апельсина. Затем оттенки сделались однообразными. Осталось только огромное зеленое пятно берилла, слегка окрашенное у краев в розовый цвет. Это

зрелище показалось сначала любопытным, но не особенно интересным. Оно обеспокоило одинаково аэростатчиков обоих лагерей: австро-венгерцы думали, что это какой-то таинственный маневр турок, а турки опасались какой-нибудь странной засады. Пошли донесения одно за другим. Со стороны турок генералиссимус и его помощники казались удивленными особенно потому, что для них фосфоресценция была невидима. Им казалось только, что звезды были менее блестящи, чем это допускала чистота неба. Будучи человеком вдумчивым и проницательным, Лауфс-паша приказал сделать новое расследование, для чего отдано было распоряжение дополнительному воздушному отряду.

Донесение новых разведчиков было во всем согласно с донесениями первых. Удивление Лауфс-паши возросло, но ни он, ни его офицеры, ни кто бы то ни было из присутствовавших многочисленных техников не могли понять, что это означает, и они остановились на предположении, что это явление естественное — теллурическая или электрическая радиация, — которая, во всяком случае, ни в хорошую, ни в худую сторону не действует на людей и на животных. Усталые от войны, генералиссимус и его помощники отложили решение этого вопроса на будущее время.

В австро-венгерском лагере граф фон Эбергардт тоже обнаруживал некоторое смущение, но оно было другого рода. Взобравшись на возвышение, он хорошо заметил место, откуда исходит таинственный свет и, оборотясь на северо-восток, затем в противоположную сторону, он испытующе осматривал горизонт с нетерпением, с беспокойством и суеверной надеждой...

IV

Заря уже начала белить звезды, когда Лауфс-паша проснулся. Несмотря на расстройство, лишившее его нескольких часов сна, он не хотел продолжить свой отдых. Впрочем, этот сухой, бодрый, трезвый, безболезненный чело-

век удивительно противился утомлению. Как только он оставил свою суровую спартанскую постель, он вполне уже владел всеми своими способностями и приготовился к решительному дню, от которого зависела не только судьба Турции, но и его собственная судьба, и также, до известной степени, судьба Германии, его настоящего отечества. Он съел бисквит, проглотил несколько глотков кофе и приготовился к событиям. Он почти не думал о ночном явлении: факты достаточно доказали его безвредность. Поэтому он без интереса пробежал последние ночные донесения; в них не было ничего нового... Напротив, первые утренние донесения заставили его насторожиться. Ему дали знать, что австро-венгерские войска издалека окружают его крайний левый и крайний правый фланг. Беспокойство его было сначала очень велико, потому что он предположил, что неприятель получил подкрепление. Мало-помалу событие выяснилось: по-видимому, дело шло о тактическом маневре. Он показался генералиссимусу немного странным. Казалось, что два указанных корпуса были брошены на произвол судьбы. Без сомнения, они сохранили некоторое соприкосновение с остальной частью армии, но соприкосновение неустойчивое и опасное.

Лауфс-паша сейчас же сообразил, какие меры принять, чтобы их изолировать во время битвы. Он отрядил многих артиллеристов на пункты, наиболее подверженные действию огня, и направил новые батареи к флангам. А когда эти действия стали выполняться, генералиссимус задумался. Ему казалось, что он все предусмотрел, чтобы превратить оборонительное действие в наступательно-окружное, но его удивляла неподвижность австро-венгерской армии. Он знал через своих шпионов, что Эбергардт решил сильно наступать, кроме того, этот план явно вытекал из всего начала кампании. К этому исходу Лауфс-паша приготовил турецкую армию и, хотя он считал себя в силах перейти в наступление, он предпочитал сражаться согласно зрело обдуманному прежнему соображению. Поэтому он был истинно удовлетворен, когда узнал, что неприятельский центр решил действовать.

Чтобы лучше дать себе отчет в происходящем, Лауфс сам поднялся на дирижабле и стал осматривать местность в подзорную трубу. Действительно, австро-венгерская армия была в походе. Туча стрелков шла по прямой линии на неприятеля, другие шли вкось и даже перпендикулярно, чтобы обеспечить себе более прочное сообщение с отдаленными корпусами. В то же время, двинулись многочисленные батареи. Почти все дирижабли и аэропланы роились в пространстве.

«Быть битве», — подумал генералиссимус.

Однако, обе стороны были еще на недосягаемом расстоянии. Впрочем, Лауфс стоял на том, что не надо торопиться. Он велел послать из своей подвижной обсерватории несколько герцовских телеграмм, чтобы артиллерия не произвела ни одного выстрела, покуда он не даст сигнала к битве. Подобные же меры он принял по отношению к стрелкам авангарда.

Через час армии находились почти на расстоянии выстрела. Турки могли бы двинуть вперед несколько больших пушек и начать действовать, но лучше было подождать.

«Если этот человек будет упорствовать в своем безумии, — сказал себе Лауфс-паша, — потребуется чудо, чтобы его спасти...»

Но одна вещь все еще удивляла его: вдали на горизонте отделенные неприятелем корпуса все продолжали свой непонятный маневр.

— Они дадут себя захватить, как крыс! — сказал он сопровождавшему его адъютанту...

Когда он это сказал, на возвышении, на фронте австро-венгерской армии, развернулось огромное белое знамя.

— Парламентер! — сказал маршал. — Какого дьявола хотят они от нас?

Он смотрел на адъютанта с тонкой улыбкой.

— Ей-Богу, ваше превосходительство, — ответил последний, — не могу понять, разве что они хотят говорить об условиях капитуляции!

Маршал пожал плечами и телеграфировал приказание выбросить белый флаг.

Через несколько минут два всадника быстро приблизились к турецким траншеям. Встреченные по дороге оттоманским отрядом, они вскоре появились с завязанными глазами перед генералиссимусом. Затем, в изолированной комнате, с них сняли повязки. Это были двое мужчин в цвете лет: один в офицерском мундире, а другой в скромном штатском костюме. Лауфс, окруженный несколькими офицерами штаба, принял их с невозмутимым видом.

— Мы посланы его сиятельством маршалом фон Эбергадтом, — сказал офицер после некоторого молчания, — чтобы сделать вам важное сообщение.

— Какое? — лаконически спросил генералиссимус.

Офицер с оттенком замешательства сказал:

— Маршал хотел бы избежать бесполезного пролития крови. Он полагает, что условия, в которых вы теперь находитесь, для вас настолько неблагоприятны, что у вас нет иного исхода, кроме почетной капитуляции.

Присутствовавшие офицеры посмотрели друг на друга с несказанным удивлением. Некоторые пожали плечами, другие не могли удержаться от смеха. Лауфс-паша смотрел серьезно, хотя был поражен больше всех.

— Невероятно, — сказал он, — чтобы его сиятельство вздумал послать мне такое известие, и было бы недостойно на него что-нибудь ответить. Я сейчас прикажу, чтобы вас отпустили назад. Честь имею кланяться.

Он резко поклонился и отвернул голову. Но тогда заговорил мужчина в штатском:

— Господин маршал, — сказал он на плохом немецком языке, — позвольте вас уверить, что в настоящий момент вы более не можете защищаться, если только не считаете возможным это сделать посредством холодного оружия. За исключением некоторого количества аэростатов, ваши орудия не годятся в дело... Вы убедитесь в этом, приказав кому-нибудь стрелять из какого угодно оружия...

Генералиссимус посмотрел на него, как на сумасшедшего, но ясные, острые и умные глаза этого человека внушили ему неясную тревогу. Однако, это показалось ему настолько нелепым, что почти сейчас же он начал смеяться

холодным и тихим смехом. Потом, как человек действия, не любящий бесполезных разговоров, он открыл дверь, позвал часового, стоявшего на карауле, — это был курдский солдат со спокойным и жестоким лицом, — и сказал ему:

— Выстрели в это оконное стекло.

Курд невозмутимо поднял ружье и выстрелил. Не слышно было звука, несколько заглушенного и невнятного на расстоянии, который был так характерен для пороха того времени. Генерал вздрогнул; офицеры сделались мрачными; солдат выкатил от поражения глаза.

— Еще, — приказал Лауфс.

Солдат выстрелил снова и с тем же результатом.

— Хорошо! Выходи! — крикнул маршал, сделавшийся бледным. — А вы, капитан Эттингер, прикажите прийти нескольким стрелкам.

Всеми овладело сильное волнение и суеверный страх. Турки и немцы едва смели смотреть друг на друга. Вошло много солдат и один за другим прицеливались и стреляли без результата, между тем, как с висков генералиссимуса струился холодный пот. Он обернулся к г. Дельстану и спросил его жестким голосом:

— Что вы для этого сделали?

— Посредством новых радиоактивных приборов мы частично разъединили ваши взрывчатые вещества, — тихо ответил ученый. — Как я уже сказал, все ваши орудия не годятся в дело. Если вы хотите в этом убедиться полнее, мы подождем здесь результата опытов.

Все молчали. Недавно еще столь страшный Лауфс и все офицеры, вполне уверенные в превосходстве своей армии, были поражены до глубины души. Истина предстала перед ними с силой катаклизма; они были похожи на людей, внезапно поднятых огромным землетрясением.

Лауфс первым вернул себе хладнокровие.

Без слабости, как и раньше без бахвальства, допуская отныне, что все возможно, он сказал офицеру:

— Не пройдет и получаса, как я буду иметь честь дать вам ответ.

В назначенное время он вновь явился, на этот раз в сопровождении всего своего штаба и, бледный, с расширенными глазами, с дрожащими руками, со смесью ярости и ужасного отчаяния в голосе воскликнул:

— Я готов обсудить предложения его сиятельства маршала фон Эбергадта.

Все наклонили головы. Только один, старый Солейман-паша, генерал третьего корпуса, турок старого закала, бесенный, героический и фаталистичный, воскликнул:

— Значит ли это, что мы сдадимся на капитуляцию?

— Нет другого исхода, — сказал Лауфс ледяным тоном.

Солейман протянул руку к синим оконным стеклам и закричал:

— У тех, кто согласен умереть, всегда есть исход.

V

После полудня австро-венгерские войска почти совершенно окружили оттоманскую армию, хотя позади и на флангах ряды их были для обхвата относительно мало густы. Несколько турецких полков и множество инфантерии смогли отступить, — вернее, бежать — еще вовремя. Но к полудню дальнобойные ружья австрийских стрелков и несколько легких батарей выпустили на беглецов тучу выстрелов. Тридцать тысяч солдат на двух флангах пожелали тогда сдаться. Остальные остались в ожидании вечера.

После страшного спора некоторые турецкие офицеры главного штаба, возбужденные Солейманом-пашой, выступили с воззванием к солдатам-курдам и албанцам, чтобы они арестовали немецких офицеров.

Совершив этот переворот, Солейман смело взял на себя командование армией. В страстных речах он убедил большинство офицеров-магометан, что Лауфс-паша — изменник и что армию можно спасти. Он даже попытался отступить среди белого дня, но скоро понял, что его ожидает страшное поражение, и отложил передвижение на вечер.

В сумерках он принял все меры. Они были просты, варварски примитивны, но именно поэтому самые лучшие для войска, вынужденного ограничиться оружием древних времен. Было избрано три выхода: первый — между двумя высокими холмами, на расстоянии многих верст от поля битвы, два других — на внешних скатах этих холмов. Солейман разделил свою армию на три корпуса и старательно указал солдатам пути следования и место соединения. По совету одного аэростатчика, несколько дирижаблей служили маяками посредством электрических зеленых, красных и белых огней. Другие аэропланы и дирижабли должны были замедлить воздушные операции австро-венгерской армии.

Наступил вечер, такой же нежный, тихий и великолепный, как и предыдущий. Звездные сферы наполнили пространство дрожащими сплетениями света. И все эти блестящие фигуры, с которыми мы связываем глубокие греческие и арабские легенды — Вега, тихо колеблющаяся на Лире, Капелла с широкими бороздами, Альтаир, Арктур, Андромеда, Персей, Офиук, Геркулес, Лебедь, Пегас, — дрожали над одной из великих драм человеческой истории. Как только наступила темнота, оттоманская армия устремилась вперед бешено. Она шла и бежала так же наугад, как первобытная орда. Она бросалась на дикий риск, спасаясь во мраке, руководимая только огромным и бешеным инстинктом самосохранения.

Вдали возвышались три группы огней, три снопа воздушных лучей, как маяки над необозримым морем, и это было единственной путеводной нитью, почти мистической, всех солдат. На зените — почти среди звезд — оттоманские и австрийские аэростатчики и авиаторы собирались к последнему бою...

Сначала бегство казалось счастливым: турки, курды, албанцы, сирийцы, арабы хорошо видели падение первых рядов, но эти снаряды, упавшие с большой высоты, причинили мало вреда. Затем бомбардировка участилась. Вскоре над войском начался дождь со стороны ближайших стрелков. Люди падали кучами. С высоты холмов широкие по-

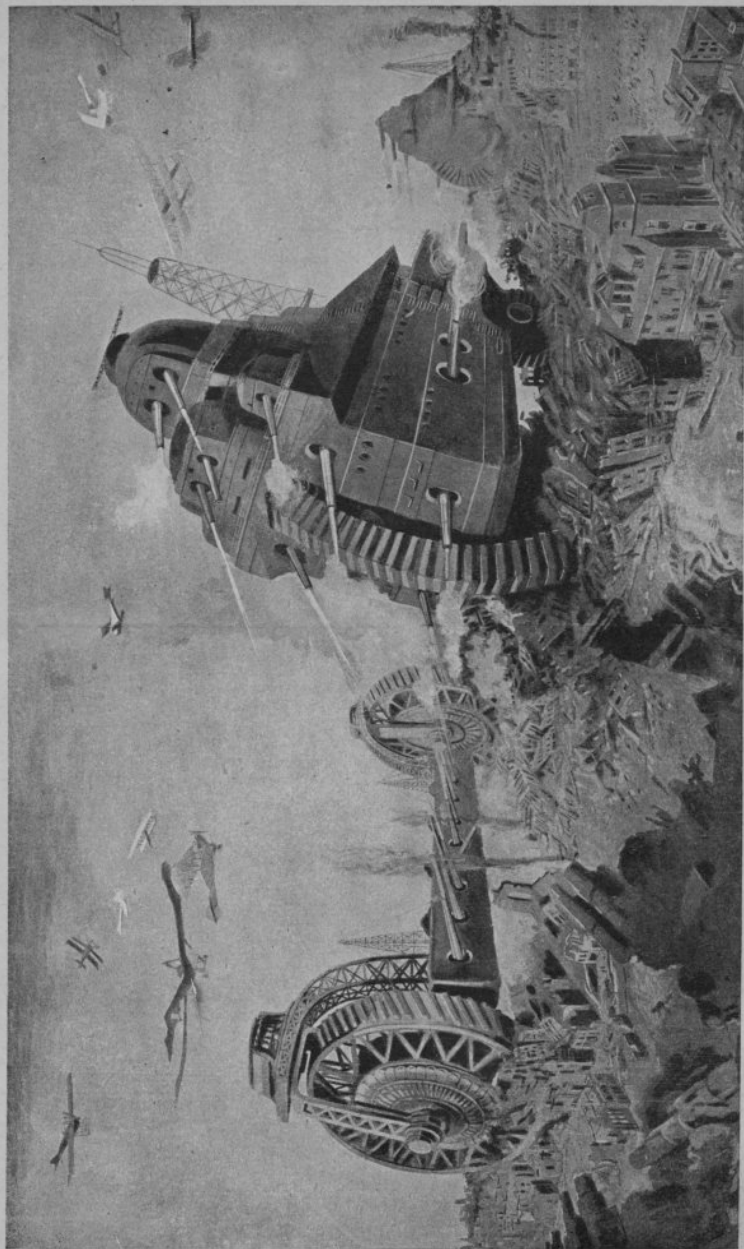
лосы серебряного света пронизывали массы беглецов. Мало-помалу, гроза артиллерии и ужасный ливень пуль все возрастали, надвигаясь со всех сторон через тела и кости. Слышались жалобные крики, печальные призывы и стенания раненых. Но огромная беспорядочная толпа не останавливалась. Несмотря на тысячи убитых, она думала лишь о том, чтобы добраться до спасительной области маяков. Даже неимоверное побоище при приближении к неприятелю, когда в пять минут погибли более пятнадцать тысяч человек, не могло сломить их могущественного стремления. Турки пришли в соприкосновение с врагом. Произошел ужасный рукопашный бой. В один момент десять тысяч человек австро-венгерского авангарда, несмотря на весьма геройское сопротивление, были окружены, подавлены, сломлены, уничтожены... затем воюющая толпа устремилась в ночи вперед...

Впрочем, ничто не могло ее одолеть. Руководивший ей инстинкт, странная смесь героизма и ужаса, продолжался до тех пор, пока оттоманская армия не вышла из линии огня и достигла спасительных огней маяков.

С той минуты отступление было обеспечено. Оно стоило пятнадцать тысяч убитых, сорока тысяч раненых, двадцати тысяч пленных. Но дикий Солейман все же увел за собой более ста пятидесяти тысяч солдат.

ВИДѢНІЕ БУДУЩАГО. — ВОЙНА ЧЕРЕЗЪ НѢСКОЛЬКО ДЕСЯТКОВЪ ЛѢТЪ.

Рисунокъ С. Ероуна (Д'Тис Спратчъ).

Кашперъ, военной техники.

Тутъ, людей не видно. Это—борьба машинъ. Титаническіе бронированные самолѣты вьсплываютъ въ 600 ст. высоты колоссальной трапезной таранной батареи. Электроническая война, доизгнана жгъ фантастическими чудовища, вьрждаетъ безкромельными оплодоби въ дѣлго отъ фронта отступающей стали, откуда оруди разбухаютъ и ухлываютъ.

Уильям Лекье

**ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ФИРМЫ КАРНА
И МЕДЕНЪАЛЬДА В БЕРЛИНЕ**

Хью Donovanу предстояло трудное дело. Но как приступить к нему? — этого Хью себе еще не уяснил. Так как некоторые подозрительные личности следили за Хью, то он предпочел тайно перебраться из своей роскошной квартиры в грязноватую меблированную комнату на окраине города. Был дождливый, холодный день. В комнате было уютно. Хью с озабоченным лицом нервно шагал взад и вперед.

— А что, если... — пробормотал он, вдруг останавливаясь у мутного окна. — Нет, это безумная мысль... Но если она оказалась бы удачной, тогда...

Быстро подойдя к столу, он открыл карту северной Европы, потом взял путеводитель и погрузился в размышления.

Хью был решительным человеком и, наметив себе какой-нибудь план, всегда действовал энергично.

Так было и теперь. Десять минут спустя он подошел к шкафу, отпер его и вынул стеклянную реторту и спиртовку. Из нескольких пузырьков сделал он в реторте смесь, которую и поставил вариться на спиртовку. В воздухе почти сейчас же запахло гвоздикой. Donovan торопливо схватил безобразную маску, из употребляемых против ядовитых газов, и быстро надел ее. В это время постучали в дверь.

— Кто там? — нетерпеливо спросил Хью.

— Это я — Беттинсон.

— Ах, это вы! Отойдите от двери. Я занимаюсь опытами.

— Как хорошо пахнет гвоздикой...

— Да, но вам вредно дышать этим воздухом. Идите вниз, я вас позову немного погодя.

Беттинсон, помощник Хью, покорно сошел вниз, а Хью, взяв еще два флакона, вылил их содержимое в реторту. Приятный, но ядовитый запах гвоздики сейчас же исчез. Тогда Donovan открыл окно, снял маску и позвал Беттинсона.

— Я уезжаю завтра из Лондона, — сказал он ему. — Возьмите это письмо и расшифруйте его завтра капитану Черстону. Капитан даст вам ответ, тоже зашифрованный, и вы привезете его мне ни вокзал завтра в четыре часа.

— Больше ничего?

— Ничего, Прощайте, Беттинсон.

На следующий день, в назначенный час Беттинсон встретил Донована на вокзале. Донован был в платье заграничного покроя. Непрактичность его и широкополая мягкая шляпа ясно говорили, что хозяин этой одежды итальянец. Беттинсон передал ему зашифрованную записочку, прочтя которую, Хью пошел и купил себе билет.

Две недели спустя Рудольф Хейм, представитель фирмы Карна и Меденальда в Берлине, торговец табаком, гулял по улицам пропахшего рыбой городка Тромзе в Норвегии. Он остановился в недорогой гостинице и, вообще, был неудачником в своей специальности, так как до сих пор еще никому не сумел навязать ни одного из своих образцов. Но ему это и не нужно было, так как под именем Рудольфа Хейма скрывался Хью Донован, а образцы товара были закуплены на улице Альдерлот в Лондоне.

Хью спустился к зеркальному фиорду и задумчиво смотрел на черневшие вдали берега Лапландии. В это время к нему подошел человек в непромокаемой одежде и шепнул ему что-то по-французски. Хейм сейчас же любезно зажег и передал ему спичку, быстро шепнув что-то в ответ. Рыбак зажег трубку о спичку Хейма и, поблагодарив, отошел. Представитель немецкой фирмы равнодушно постоял на месте и потом не спеша отправился домой. Он знал, что за ним следят.

В маленьком отеле он забрал свои немногочисленные вещи, расплатился и пошел к набережной. Там в моторной лодке ждал его человек в непромокаемой одежде, которому Донован дал закутить на берегу фиорда.

Через минуту мотор заработал, оживляя своим шумом тихую набережную, и лодка понеслась по фиорду в открытое море. Кругом была черная ночь, ледяной воздух резал лицо. Далеко впереди виднелся одинокий огонек — какой-

нибудь торговый пароход на пути в Архангельск. Вдруг рядом с этим огоньком из мрака вынырнул второй.

— Ого, — сказал человек в непромокаемой одежде, — пароход задерживают. Смотрите.

Донован увидел, как с парохода стали подавать сигналы.

— Да, — продолжал спутник Хью, — в этих водах творится много неладного. Недаром норвежцы так осторожны.

Прошла ночь, утро, настал полдень, а лодка все мчалась и мчалась вперед по стальным волнам. Вот показался одинокий каменистый островок Сёрё, лежащий как раз напротив одного из самых северных городов — Хаммсрфеста. Лодка въехала тут в маленький залив, на берегу которого и высадился Донован. Лодка же с маленьким человеком повернула и умчалась обратно, оставляя за собой волнующуюся дорогу. Хью взял свой саквояж и пошел в гору, откуда увидел раскинувшееся в котловине село Рольхосвик. Туда и направился Донован.

«Ну и местечко, — подумал он про себя, зажимая нос. — Да это край света!»

Воздух был пропитан запахом разлагающейся рыбы. Кругом была грязь.

Лапландцы, сидя на корточках у невзрачных домов, чинили сети. Через полчаса ему удалось найти старого норвежца, говорящего по-немецки и приютившего за плату Рудольфа Хейма, коммивояжера.

Старый норвежец весь заскоруз в этой мрачной ледяной стране. Он был рыбаком и всю жизнь провел в борьбе со стальными волнами Северного моря.

Сидя в низкой, вонючей комнатке, он за трубкой скверного табака стал словоохотлив.

— Теперь, во время войны, все суда из Англии в Россию проходят мимо нашего острова, — рассказывал он Хью. — А вы действительно немец? — перебил он вдруг себя.

— Конечно, — Донован протянул ему свой паспорт, внутренне улыбаясь.

Выбор острова Сёрё не был случайностью для него, и о старом норвежце он знал еще в Лондоне.

— Теперь я спокоен, — продолжал старик. — Ведь в душе я немец. Мой отец из Германии, и я знаю, какая великая страна его фатерланд. Знаете, даже здесь, на острове, с дюжину человек работают для кайзера.

— Да? Каким образом?

— Германия устроила ловушку английским и русским судам, — хихикнул старик. — Сейчас мы ждем известий о выходе из Шотландии английских пароходов, и тогда найдется дело для нашей подводной лодки «U-00», которая уже три недели, как стоит здесь. Я доставляю ей провизию и, если хотите, возьму вас завтра с собой.

— Ах, пожалуйста, — радостно воскликнул Донован, — я еще не видел ни одной из наших славных подводных лодок.

В эту ночь Хью прислушивался к храпу старика. Потом встал и вынул из саквояжа коробку с сотней сигар. Он долго нюхал коробку, пока не убедился, что она ничем не пахнет.

— Хорошенький подарок, — пробормотал он с тихим смехом и, спрятав коробку обратно, лег и заснул.

На следующий день вечером Хью со старым рыбаком спустились к морю. Минут через двадцать невдалеке показался перископ подводной лодки. Потом вынырнула и вся лодка, и в шлюпке, спущенной с нее, к берегу подъехали несколько офицеров. Старый рыбак представил коммивояжера морякам, и они радостно приветствовали его. Недаром же его привел их верный помощник и слуга фатерланда.

Со скромностью, подобающей представителю табачной фирмы, Хейм попросил разрешения преподнести экипажу несколько трубок, которые были, кстати, с ним как образцы. Предложение было принято, и Хью поехал вместе с офицерами к стоявшей вдали «U-00».

Экипаж лодки был в восторге от новеньких трубок, и Хейма угостили пивом. Уходя, коммивояжер расчувствовался и достал коробку с сотней сигар.

— Вот вам, голубчики, еще маленький подарок, — сказал он. — Курите их и вспоминайте наш дорогой фатерланд, откуда я их вывез.

Хью продолжал жить в грязном домишке старого рыбака, играя роль яркого патриота своего фатерланда. Но старику пришлось уехать в Хаммерфест за провизией для подводной лодки и в его отсутствие один из его друзей в своих странствованиях по морю наткнулся на «U-00».

— Тут что-то нечисто, — волнуясь, рассказывал он Хью, к которому прибежал поделиться новостью. — Все люки были открыты и ее наполовину залило водой. Мы подъехали к ней и увидели, что весь экипаж, все офицеры мертвы.

— Странно, — заметил Донован. — Смерть, верно, была моментальной.

— Да, производит впечатление, что они задохнулись. Кому-то, верно, пришлось в голову всплыть на поверхность и открыть люки, но и тот погиб. Германскому консулу в Хаммерфесте дали знать, а лодка пока стоит за теми скалами.

Через десять минут Донован ехал с приятелем старого рыбака в лодке, чтобы взглянуть на «U-OO».

Вот он опять входит на мостик подводной лодки. Спускаясь вниз, он почувствовал легкий запах гвоздики. В трюме лежали мертвые матросы в разных позах, а на столе стояла открытая коробка с сигарами. Донован взял коробку и спрятал ее в карман. Возвращаясь же обратно на берег, Хью незаметно выбросил ее в море.

Три дня спустя английский пароход, которого так нетерпеливо поджидала «U-OO», благополучно прошел мимо черных скал в Белое море.

В немецких газетах умолчали о гибели подводной лодки «U-OO».

10 CENTS

MAY, 1916

The Electrical Experimenter

POPULAR ELECTRICAL NEWS ILLUSTRATED

THE ANTI-GRAVITATION RAY

SEE PAGE 14

LARGEST CIRCULATION OF ANY ELECTRICAL PUBLICATION

Уильям Лекье

ДВЕ БЕЛЫЕ ЯГОДЫ ОМЕЛЫ

Это было ноябрьским утром, мрачным, пасмурным, сырым. За ночь туман окутал Лондон точно саваном, но к одиннадцати часам утра он рассеялся, хотя утро все-таки больше походило на сумерки, чем на утро. Хью Донован стоял у окна комнаты, служившей ему и гостиной, и фотографическим ателье, и задумчиво глядел на унылую Пакингтон-стрит.

Окрестности Эссекс-род вообще не живописны и не смотрят привлекательными, особенно в пасмурный зимний день, когда лондонское небо кажется сделанным из свинца, а тротуары — вымазанными черным жиром.

Хью Донован сегодня встал необычайно поздно. Было уже одиннадцать, а он все еще стоял у окна в стареньком халате, небритый и нечесаный. Обыкновенно он вскакивал с постели уже в семь утра и одевался в пять минут, как все люди, которым приходится много путешествовать. Но, сказать правду, предыдущая ночь его прошла довольно бурно.

В семь часов он пообедал вместе со своей невестой, мисс Мабель Меткаф, и ее братом в модном ресторане, потом был с ними в театре, потом, все с ними же, поужинал в «Савой-Отеле», проводил их домой, поцеловал невесту, пожелал ей спокойной ночи и, взяв такси, отправился к себе домой, на Хаф-Мун-стрит. А там переделался из фрака в пиджачную темно-коричневую пару, надел потертую мягкую войлочную шляпу и, пожелав «приятных сновидений» своему тощему камердинеру Беттинсону, вышел на улицу и зашагал по Пикадилли, небрежно помахивая тросточкой, словно беспутный фланер, вышедший из дома, чтобы окунуться в ночную жизнь столицы.

На площади Цирка он взял такси и велел везти себя на Майда-вэль, где отпустил такси и снова зашагал по длинной и широкой улице. Дойдя до угла соседней улицы, он остановился, закурил папироску, постоял немного, как будто в нерешимости, потом перешел на другую сторону улицы и принялся внимательно разглядывать соседний дом, в особенности одно из окон бельэтажа. Потом, укрывшись в тени подъезда, стал ждать.

Подняв воротник и поеживаясь от сырости, он простоял

так с полчаса, пока до слуха его не донеслось пыхтение подъезжавшего мотора. Тогда он стрелой перебежал дорогу и стал возле подъезда дома, к которому приглядывался раньше.

Из подкатившегося таксомотора вышел господин лет под сорок и помог выйти даме без шляпы, в изящном светлом манто. Мужчина расплатился с шофером и повел свою даму в подъезд, когда внезапно Хью, притворяясь пьяным, заступил им дорогу.

— Пошел прочь, пьяная скотина, — прикрикнул на него господин, беря под руку даму.

— Из-виняюсь, — бормотал Хью. — Прошу прощения, мадам.

Он в свою очередь взял даму за руку; она вскрикнула, спутник ее схватил Хью за шиворот и отшвырнул его:

— Проваливай. Как тебе не стыдно! Пьян, как стелька.

— Пьян. Это точно. Выпил — с вашего позволения. Ведь вот потеха-то. Я думал — вы мой брат Чарли. Но до чего похожи. Две капли воды. Из-виняю-юсь. Вы извините меня?

— Пойдем же, милый, — взмолилась женщина, и по акценту ее Хью сразу услышал, что она не англичанка. И, быстро вытащив из кармана электрический фонарик, направил свет его на лица обоих — господина и дамы.

— Идем же, ради Бога, — взволнованно воскликнул господин. Он отпер дверь своим ключом, и оба скрылись за дверью.

— Гм, недурно сыграно, — бормотал Хью, с наслаждением затягиваясь папироской. — Я не ошибся. Лицо то самое, которое я видел на площади Массена в Ницце три года назад; этих мелких складочек по углам рта не узнать невозможно.

В тумане он дошел пешком до Эджвер-род, отсюда доехал в такси до Ислингтона и потом опять пешком до дома.

Но и добравшись, наконец, домой, он лег не сразу, а еще часа два возился с какими-то странными приборами, которые хранились у него под ключом в шкафу, дистиллируя какую-то темную жидкость в большой стеклянной реторте и внимательно следя, как эта жидкость кипела, по-

крываясь пузырьками, на бледно-голубом огне спиртовки.

Потом вынул из шкафа небольшую записную книжку в кожаном переплете, перехваченную резинкой. Снял резинку, нажал пружину, и тогда обнаружилось, что записная книжечка совсем не книжечка, а четырехугольный стальной ящичек с двумя тонкими стеклянными трубочками, наполненными до половины какой-то розоватой жидкостью.

Полчаса спустя, в резиновых перчатках и уродливой противогазовой маске, он толк в ступке что-то темное, густое — на вид, морские водоросли; потом вынул из крохотной коробочки две высохших беленьких ягодки — ягоды прошлогодней омелы, истолок их в той же ступке, смешал с толченой водорослью и прибавил немного темной жидкости, которую он дистиллировал.

Не успел он сделать этого, как по полу комнаты поползло облако зеленоватого дыма, но окно было закрыто наглухо, а щель под дверью заткнута мокрым полотенцем, так что ни единая частица смертоносного газа не могла проникнуть в соседние комнаты.

С величайшими предосторожностями Хью наполнил невинную на первый взгляд записную книжечку опасным составом, изготовленным им, составом, самовозгорающимся при соприкосновении с воздухом и распространяющим вокруг жар нестерпимый — одним из наиболее сильных горючих веществ, известных современной науке.

Снова скрепив книжечку резинкой, он обмакнул мягкую щеточку в какую-то кислоту и провел ею по всей поверхности стального ящичка, чтобы проверить, нет ли где трещины, хотя бы самой маленькой. Затем, убедившись, что книжечка надежна и можно безопасно носить ее в кармане, отложил ее в сторону и начал смешивать вместе несколько жидкостей. Потом эту смесь вылил на остаток водорослей, чтобы обезвредить их, и из пульверизатора опрыскал комнату дезинфицирующей жидкостью, рассеяв остатки зеленого дыма, приникшие к позе.

На другое утро в одиннадцать часов он стоял в халате у окна и смотрел на улицу, соображая, что ему делать дальше.

— Гм, грудная задача! — бормотал он про себя. — Я верю безусловно тому, что мне сказал Стефан Стефанович. Только бы нам раскопать правду, какой эффект бы это произвело на Балканах. Одно, по крайней мере, хорошо: я убедился, что мой друг Новкович живет на Майда-вэль. И, по видимому, живет недурно, получше, чем в Белграде. К счастью, он не узнал меня вчера.

Без четверти два Хью Донован, в безукоризненном черном утреннем костюме, вошел в уютный салон «Риц-Отеля», где его поджидала невеста, мисс Мабель Меткаф, ее отец, бывший посланник, и несколько друзей. Глазки молодой девушки радостно улыбнулись жениху. Он наклонился над ее рукой.

Компания, усевшаяся завтракать, состояла из шести человек, в том числе худого, высокого, с впалыми глазами человека с седой головой и манерами дипломата, говорившего по-французски и дружески стиснувшего руку Хью. То был полковник Стефан Стефанович, личный адъютант его величества короля Петра Сербского, изгнанного австрийцами из пределов своего государства.

Хью Доновану весь путь от Вены до Константинополя, через Будапешт, Зимоны, Белград, Пирот и Софию, был так же хорошо знаком, как клубы на Сент-Джемской улице. До войны он был в Белграде любимцем всех министров и самого короля, так как приезжал с важными депешами, привозил последние анекдоты и уезжал, нагруженный всевозможными пакетами, пересылаемыми с курьером министерства иностранных дел.

Хью сидел между своей невестой и сербским дипломатом и говорил больше с этим последним, понижая голос, но Мабель, зная, в чем дело, не обижалась и не мешала их беседе, видимо, составлявшей продолжение ранее начатого разговора.

— Только бы нам узнать истину, — шепотом говорил по-французски серб, — все положение сразу изменилось бы. Его величество боится, как бы наша доблестная армия не попала в ловушку, расставленную ей австрийцами и болгарями. Фердинанд ненавидит сербов, а император Франц-Ио-

сиф еще после захвата Боснии и Герцеговины клялся, что через три года Сербия будет австрийской. Есть только один способ разбить их козни — выведать от этой госпожи то, что только она одна может нам сообщить.

— Это не так-то просто, — задумчиво заметил Хью. — Ее хорошо стерегут. Я все обдумал вчера и предвижу много затруднений и опасностей.

— О да, это будет опасно, — подтвердил дипломат. — Вас слишком хорошо знают в Белграде.

— Увы! и популярность иной раз бывает неудобной, — засмеялся Хью.

После завтрака он отвел в сторону невесту, в уголок, где никто не мог их подслушать, и стал просить ее, чтоб она вернула ему слово не уезжать из Лондона и разрешила бы ему уехать за границу — в последний раз.

— Пойми, Мабель, это необходимо. Вспомни, что выстрадала несчастная Сербия, что выстрадал ее король, который был так добр ко мне, вспомни, что у нас с Сербией общие интересы... Ну, отпусти меня только на этот раз, и обещаю тебе, что до конца войны я никуда уж больше не уеду. И, когда я вернусь, мы обвенчаемся. Согласна, милая?

— А если, если ты не вернешься? — вздрогнув, прошептала она.

— Если я не вернусь, ты будешь знать, что я сложил свою голову за родину, как делают сотни и тысячи других! Но, мне думается, это не так уж страшно.

Она молчала. Мимо прошел лакей, и она медлила с ответом.

— Ты — ты считаешь необходимым это, Хью? — выговорила она едва слышно.

— Да, я хочу сделать попытку спасти нашу доблестную союзницу Сербию в интересах нашей родины. Неужели же ты, моя Мабель, станешь мешать мне в этом?

Девушка вскинула голову.

— Ты прав Хью. Поезжай. Мои мысли всюду будут с тобой, ты это знаешь.

Он склонился над ее маленькой ручкой.

— Благодарю, родная. Этого нашего прощания я никог-

да не забуду.

Три недели спустя мистер Джон Турман, главный секретарь Иммиграционного департамента в Вашингтоне, предъявил свой паспорт и бумаги на просмотр нейтральному чиновнику в паспортном бюро Южной дороги в Вене, этом центральном железнодорожном узле, через который в мирное время, три раза в неделю, проходит Восточный экспресс из Остенде в Константинополь.

Огромный вокзал со множеством лестниц, бегущих вверх и вниз, был весь запружен солдатами и офицерами, возвращающимися из отпуска на фронты, русский и румынский. Колыхались флаги, звенели песни, смех. Американец, в мягкой серой шляпе, чуть сдвинутой набок, усмехаясь, заметил офицеру, тщательно проверявшему его бумаги:

— Однако, какое у вас тут оживление. У нас в Америке не знают, что в Австрии царит такой энтузиазм.

— Еще бы, господин Турман! Мы ведь уверены в победе. Она лишь вопрос времени. Сербия уже наша, — и седоусый офицер вручил американцу паспорт, провизированный и дающий право на въезд в Белград, оккупированную австрийцами столицу Сербии. И Хью Донован, — так как это был он, — чуть улыбаясь, вышел на платформу: ждать Балканского поезда, новый хваленый экспресс из Берлина к берегам Босфора.

На другой день, в венгерском пограничном городке Зимоны на берегу Дуная, напротив Белграда, «американцу» пришлось пройти через ряд новых и еще более строгих формальностей при просмотре его бумаг, так как въезд в Сербию был фактически воспрещен всем, кроме военных: и, хотя к паспорту приложена была фотографическая карточка и письма, адресованные мистеру Джону Турману в Бостон, Нью-Йорк и Вашингтон, три офицера в форме, сидев-

шие за столом, посматривали па него далеко не дружелюбно, а двое полицейских в штатском, слонявшиеся возле, пристально разглядывали его со всех сторон. Однако, официальное положение американца было таково, что старший из жандармских офицеров выдал ему разрешение на переход заново отстроенного моста через Саву и на въезд в Белград.

Очень довольный успехом своей хитрости и своего перевоплощения в американца, Хью вышел на платформу — и едва не столкнулся с хорошо одетой пожилой дамой с темными глазами и выдающимися скулами, лицо которой было ему, увы! слишком хорошо знакомо. Она была вся укутана в меха, с огромной муфтой, так как на дворе стоял мороз, и, видимо, поджидала тот же балканский поезд, что и Хью Донован.

Эта женщина была не кто иная, как мадам Гирш, одна из самых ловких представительниц австрийской тайной полиции, до войны жившая зимой во Франции, а летом на Ривьере.

У Хью захватило дыхание. Узнала ли она его? Во всяком случае, если и узнала, не подала виду, даже не оглянулась на него. Как быть? Положение получилось весьма серьезное. Правда, до войны они были почти друзьями, но теперь — долг ее выдать его, как и его долг был бы следить за ней, встретить он ее теперь на Бонд-стрит.

Узнала ли она его? Ведь его искусственно обесцвеченные волосы теперь совсем седые, и это состарило его на двадцать лет, если не больше... но все-таки...

Хью Донован был не такой человек, чтоб понапрасну рисковать. Живой, энергичный, находчивый, он сразу понял, что надо выкручиваться из этого крайне неудобного положения. И, словно мимоходом заглянув в свое отдельное купе, вынул из чемоданов бумаги и разные вещи, которыми набил себе карманы пальто; пачку патронов, на вид глядевшую толстым портфелем, взял в руки и, пройдя по коридору, стал в дверях, украдкой следя за женщиной в мехах, — сядет ли она в этот поезд.

На платформе поднялась сутолока, давка; кондукторы кричали, паровоз пыхтел; кто-то трубил в трубу, подавая сигнал к отходу поезда.

Хью видел, как г-жа Гирш забежала сначала в паспортное отделение, затем в буфет, что-то спросила мимоходом у жандармского начальника и, по-видимому, успокоившись, села в вагон рядом с тем, где находилось купе Хью. Она, без сомнения, разыскивала англичанина, которого узнала — факт серьезный и не ускользнувший от внимания Донована.

Поезд уже тронулся, когда американец неожиданно уронил на платформу крепко перевязанный тесьмой пакет и с испуганным криком сам выскочил вслед за ним и принялся подбирать на снегу рассыпавшиеся бумаги.

Служащие на станции видели, что произошло, и криками предостерегли его, но было уже поздно — поезд уже подходил к длинному железному мосту через Саву, разрушенному сербами и восстановленному австрийцами.

Подобрав свой пакет, Хью стряхнул снег с рукавов и, подойдя к одному из офицеров, проверявших паспорта, спросил скороговоркой на американский лад:

— Туда, кажется, недалеко — а?

Тот не понял. Хью повторил вопрос по-немецки и осведомился, когда идет следующий поезд в Белград. «Через два часа», — был ответ. Тогда Хью храбро зашел на телеграф и дал телеграмму в Белград, чтобы на станции вынули багаж пассажира из такого-то № купе и оставили его на хранение. А затем мистер Джон Турман вышел пройтись, чтобы убить как-нибудь два часа, оставшиеся до отхода следующего поезда.

«Однако, чуть было не попался! — восклицал он про себя. — Ну и кремень же эта Гиршиха! Глазом не моргнула. Она уверена, конечно, что я в поезде. Вот-то будет разочарована».

Посмеиваясь про себя, он поднялся на холм, с которого открывался чудесный вид на милый приречный городок Зимоны, или Землин, как именуют некоторые карты, на роскошные прибрежные сады, летом такие густые и тенистые,

и на бескрайнюю венгерскую равнину, теперь покрытую снегом. Вдоль берега тянулась гладкая дорога, излюбленное место для гулянья, внизу катил свои желтые волны Дунай. Накосок, на противоположном берегу, громоздился Белград, изрядно пострадавший от австрийской бомбардировки, но все еще хмурый и грязный — типичная старая турецкая крепость.

Хью знал, что Землин теперь весь кишит солдатами, — значит, туда лучше не заходить. Знал он, что и на станцию обратно теперь ему нельзя идти. Конечно, мадам Гирш, тотчас по прибытии в Белград, протелефонирует начальнику полиции в Землине, и через час начнутся розыски... Хью присел на скамью, закурил папироску и крепко задумался... Он думал о родине, и о Мабель, и о том, что австрийская полиция славится своим умением отыскивать шпионов, что у нее на службе много женщин, и мадам Гирш — одна из самых талантливых женщин-сыщиц...

Быстрые зимние сумерки уже спустились на оснеженную землю, и желтые воды Дуная стали темно-свинцовыми, когда американец быстро поднялся и зашагал по берегу, далеко обходя таможду, в которой, как он знал, тоже сидели офицеры, паспортисты, таможенники и всякого рода чиновники, следившие за тем, чтобы никто контрабандой не перебрался через Дунай. У «американца» оставался еще один шанс перебраться незамеченным на ту сторону — его старый приятель, Карл, и его сын, оба истые сербы, непоколебимо преданные своей родине... Только найдет ли он их?.. И уцелели ли они в эту пору общей разрухи?.. Однако же, даться живым в руки врагам — это было не в характере Хью Донована... И, час спустя, сделав большой обход, он уже стучался в дверь скромного домика на берегу реки.

А два часа спустя, в непроглядную темень, еще усугубляемую падавшим густым снегом, Хью сел в лодку, одетый в старый коричневый крестьянский зипун из домотканой крашенины, данный ему Карлом, стариком-сербом, который два года служил старшим лакеем в «Гранд-Отеле» в Белграде, в шерстяные чулки, вязаный шарф и заячьего меха круглую шапку с наушниками, — костюм, менявший его наруж-

ность, как ему казалось, до неузнаваемости.

Карл и сын его сидели на веслах и гребли усердно в темноте по направлению к другому берегу, к тому месту, где на утесе темным силуэтом вырисовывался Белград. Ни звука не было слышно, кроме тяжелого дыхания гребцов. Оба хорошо знали Донована и в свое время немало перебрали от него подачек, но теперь, узнав, зачем он едет в Белград, они отказались взять от него деньги.

Два часа спустя — так как приходилось далеко объезжать патрульные суда — Хью в непроглядной тьме вышел на берег, пожал руки обоим сербам, сказавшим ему на прощанье: «С Богом!» и скрылся во мраке.

А в одиннадцать утра на другой день по главной улице Белграда, мимо домов, полуразрушенных бомбардировкой, шел статный молодой крестьянин в домотканом зипуне и меловой шапке с наушниками, чуть прихрамывавший и опиравшийся на палку. Он прошел мимо британского посольства, куда в былые дни он часто привозил депеши — теперь оно стояло с выбитыми окнами, с обуглившимися стенами, в которых зияли огромные отверстия от ядер... А над цитаделью развевался, увы, австрийский флаг.

Невдалеке от посольства молодой крестьянин свернул в переулок, куда выходил боковым фасадом большой белый дом, тоже с развевавшимся над ним австрийским флагом, видимо, отремонтированный после бомбардировки, и позвонил с черного хода.

Высокий старый слуга-австриец в полувоенной форме, отпер ему дверь. Крестьянин по-немецки попросил позволения повидать графиню фон Сепер.

— Графиня никого не принимает, — ответил лакей, надменно смерив взглядом мужика.

— А вы доложите графине, будьте ласковы, что я от графини Замойской из Семендии со спешным поручением.

Лакей помедлил, но все же пошел докладывать; потом вернулся и повел крестьянина, прихрамывавшего, опираясь на палку, по коридору в небольшую уютную гостиную. Минуту спустя на пороге появилась пожилая, но еще красивая женщина — и вздрогнула, узнав посетителя.

— Вы, мистер Донован? — Она поспешила плотно притворить за собой дверь. — Как вам удалось пробраться в Белград? — шепотом спрашивала она. — Вам угрожает страшная опасность — и мне тоже, если узнают, что вы были у меня...

— Не узнают, графиня, — так же шепотом, скороговоркой отвечал он по-английски. — Вы жена военного губернатора Белграда и вас все считают правоверной австриячкой... Никто не знает, что вы по рождению сербка, дочь славного патриота Николая Остовича, и что...

— Тсс! — прервала она. — Скажите, зачем вы здесь? Вас ищут. Мой муж лишь вчера вечером подписал приказ о вашем аресте.

— У меня поручение к вам от Стефана Стефановича, от его величества короля.

И он торопливо принялся задавать ей вопросы относительно защиты города и о многом другом, что крайне важно было знать союзникам и возрождающейся сербской армии.

— Счастье, что муж мой в крепости, на заседании военного суда, — шепнула она. — Пойдите, может быть, в его бумагах я найду сведения, которые вам нужны.

Она ушла на несколько минут и, вернувшись, вытащила из-под крепдешиновой блузки несколько казенного вида бумаг, из которых гость в пять минут сделал нужные ему выдержки. Потом снова спрятала бумаги под платье и только что хотела выйти, чтобы положить их на место, как дверь отворилась и высокий лакей доложил:

— Госпожа Гирш.

Мгновенно Хью бросился к письменному столу в оконной нише и заслонил его собой. Еще минута и австрийская шпионка очутилась лицом к лицу с тайным британским агентом. На этот раз даже она не сумела скрыть своего изумления, узнав в скромно одетом сербском мужике человека, таинственно исчезнувшего из балканского экспресса в Землине.

Но через мгновение мадам Гирш уже превосходно владела собой.

— Как это удачно! — выговорила она сухо и резко. —

Знаете ли вы, графиня, что это — Донован, тайный агент Великобритании, которого мы проследили от Вены до Землина?

Графиня звонко рассмеялась.

— Это? Полноте, это Милан Протич с фермы моего мужа в Топшидере. Он привез мне письмо оттуда.

— Вы ошибаетесь, — и Гирш быстрым движением заперла на ключ дверь и спрятала ключ в карман.

Глаза графини и крестьянина встретились. Оба поняли, что гибель настигает их.

Первым побуждением Хью было броситься на шпионку и силой отнять у нее ключ. Но видя, что она подошла к письменному столу, взяла листок бумаги и что-то пишет — очевидно, записку начальнику полиции, прося прислать людей на помощь, — он быстро увлек графиню к самой двери, выхватил из кармана записную книжку, нажал пружинку и бросил книжку через всю комнату к тому месту, где села сыщица.

Затем внезапно всей тяжестью налег на дверь. С первого раза она не поддавалась, а мадам Гирш уже звонила. Но после второго отчаянного натиска дверь распахнулась наружу. В то же мгновение раздался глухой взрыв, что-то сверкнуло кровавым блеском — и мгновенно комната превратилась в пылающий костер с бесчувственной женщиной на полу посередине.

Донован только успел выгащить растерявшуюся графиню в коридор, а оттуда во двор. И тут поднял тревогу. Терять времени было нельзя.

— Не бойтесь ничего, — шепнул он ей. — Правды никогда не узнают. До свидания — после войны...

И, пока сбежались слуги, он скрылся, унося с собой сведения, оказавшие потом неоценимые услуги союзным армиям.

Весь этот день он просидел в развалинах загородного дома, вышел лишь ночью и слышал в темноте, как один прохожий рассказывал другому о том, что сербские шпионы ухитрились поджечь дом военного губернатора, и он сгорел дотла, и в нем сгорела дама, бывшая в гостях у губер-

наторши.

В три часа ночи он был уже на условленном месте берега, куда Карл с сыном по уговору приехали, чтобы доставить его обратно; а на заре, все в той же крестьянской одежде, уже шагал по гладкому широкому шоссе, вьющемуся вдоль плодородной долины Савы и живописной речки Бозут к Винковичу. Целую неделю он шел через эту долину, изредка прося встречных крестьян немножко подвезти его, но мадам Гирш была устранена, и никто нигде не задержал его.

К счастью, денег при нем было достаточно; сохранил он и паспорт на имя мистера Джона Турмана. В Винковиче он купил себе приличное платье и плюшевую шляпу и снова преобразился в американца, и благополучно добрался до Вены, а затем и до Брюсселя.

Здесь его ждала новая неожиданность. Выходя из канцелярии немецкого губернатора, где три военных чиновника рассмотрели его бумаги, не нашли в них ничего подозрительного, наложили штемпель и дали ему разрешение на выезд в Голландию, он столкнулся со Штиммелем, немецким агентом, с которым он еще недавно ехал из Остенде в Брюссель. Немец с первого взгляда узнал его.

— Ах, господин Донован! Какая приятная встреча.

Но не успел он выговорить этих слов, как ловкий удар в грудь отшвырнул его к стене, а мнимый американец со всех ног кинулся вниз по лестнице и вон из здания. И затерялся в лабиринте узких улочек и переулков.

В самый последний момент эта встреча испортила ему все дело. Правда, паспорт его был уже визирован, но он знал, что на границе его арестуют по телеграфному приказу из Брюсселя. Однако ж, это не смутило находчивого Донована. Он купил себе другое платье и шляпу, при помощи грима и накладных волос значительно изменил свою внешность и на другой день был уже на пограничной станции Неерпельт, через которую и проехал благополучно в Роттердам.

Паспорт, представленный им строгому немецкому чиновнику в мундире и в темных очках, в Неерпельте, был хотя

и снабжен его фотографической карточкой, но выдан был на имя шведского доктора медицины Дриссена, уроженца Мальме. Это был второй запасной паспорт, захваченный Хью с собой на всякий случай.

В качестве д-ра Дриссена он благополучно проехал через Северное море и вечером в сочельник поспел как раз к святочному обеду в дом своей невесты.

Через две недели была их свадьба, и свадебным подарком жениха была брошка — эмалевая веточка омелы с двумя жемчужинами-ягодками в память тех двух, что спасли его в грозный момент столкновения с австрийской шпионкой.

А еще через неделю весь мир прочел в газетах о грандиозной победе союзников над австрийцами в Сербии и о возвращении сербам Белграда.

OCT.
1918
15 CTS.

ELECTRICAL EXPERIMENTER

SCIENCE AND INVENTION

OVER
175
ILLUST.

THE AUTOMATIC
SOLDIER
SEE PAGE 372

LARGEST CIRCULATION OF ANY ELECTRICAL PUBLICATION

Уильям Лекье

СТЕКЛЯННЫЕ БОМБЫ

СТЕКЛЯННЫЕ БОМБЫ.

Рассказъ Вильяма Ле Ке.

Я шел по набережной Лендедио вместе с моей невестой Клотильдой. Стоял холодный унылый день, но, не обращая внимания на сырость и ветер, мы серьезно обсуждали выроставшую перед нами затруднительную проблему.

С тех пор, как я покинул свою деятельность оператора при беспроводном телеграфном аппарате Маркони и был приглашен правительством Британии на службу тайного агентства для выслеживания германских шпионов, мне удалось удачно довести до конца несколько трудных расследований, всегда с помощью моей дорогой Клотильды. И вот перед нами выросло что-то новое.

Вместе с майором Макдональдом и с нашим постоянным сотрудником, верным шофером Дейем, мы только что открыли значение световых сигналов, являвшихся по ночам на валлийском берегу и обращенных к неприятельским подводным лодкам. Наша тайная миссия кончилась арестом трех германских шпионов. После этого Дей отвез майора обратно в Лондон, я же остался в Лендедио и наполнял дни отдыха прогулками с моей невестой.

Мы остановились и посмотрели на горизонт. Сердитый ветер взметал серые волны; они поднимались высоко, били в утесы и с пеной рассыпались по берегу.

Несколько времени мы молча шли по дорожке, летом всегда наполненной толпой, теперь же пустынной, и оба думали о той загадке, которая с неделю тому назад наметилась перед нами.

Изложу дело вкратце. По внешности очень приличная дама, как предполагалось, англичанка, называвшая себя миссис Норман, около месяца прожила в одном из лучших отелей Гааги «Морская звезда». С ней был ее сын Джордж, белокурый молодой человек лет двадцати. В один прекрасный день наш голландский тайный агент совершенно случайно открыл, что эта дама совсем не англичанка, а известная германская шпионка Бланка Нейман. Из сведений, добытых от прислуги гаагского отеля, выяснилось, что «миссис Норман» постоянно получала множество писем и газет из Англии, так как ее сын (или молодой человек, называвший себя ее сыном), по-видимому, занимался изучением лондонских повременных изданий.

Это было немедленно донесено в главную полицию; там тотчас же поняли, что жившая в Голландии германская шпионка, без сомнения, получала тайные рапорты из Великобритании и, по всем вероятностям, пересылала их в Германию. Через несколько дней нашему гаагскому агенту повезло достать из печки в комнате шпионки лоскут газеты, где под некоторыми буквами стояли сделанные химическими чернилами точки.

Несомненно, кто-то посылал шпионке тайные сообщения шифром, ставя точки под буквами или словами. Казалось также ясным, что Нейман (одна из самых ловких и опасных женщин-агентов Германии) расшифровывала полученные ею сообщения, посылала письма в Германию, а потом уже уничтожала газету.

Со времени этого открытия лондонское отделение почтовой цензуры стало наблюдать за всеми письмами и газетами, отправлявшимися в Голландию на имя миссис Норман. Но странно; с той поры, как фамилия шпионки попа-

ла в список подозрительных, лиц, не было найдено ничего в этом роде; мы сообразили, что Норман получала корреспонденцию какими-то окольными путями, вероятнее всего, через амстердамское отделение писем до востребования; это было тем вероятнее, что из Гааги нам сообщили о продолжавшейся необыкновенно оживленной корреспонденции, которую вели Бланка Нейман и ее «сын». К несчастью, их письма, посланные в Германию из нейтральной страны, не могли подвергаться осмотру.

Продолжая свои расследования, наш голландский агент открыл, что миссис Норман была знакома с Генри Гардингом, который жил в Лондоне. Разведка лондонской тайной полиции доказала, что м-р Гардинг крайне почтенный человек без малейшей примеси тевтонской крови в жилах. Этот шестидесятивосьмилетний джентльмен жил на покое, уже несколько лет как оставив свои прежние занятия маклера. Его корреспонденцию тоже стали просматривать, но не нашли в ней ничего подозрительного.

Промелькнуло несколько дней; не случилось ничего ненормального. Вдруг в полиции получилось тревожное известие. Миссис Норман, говорившая по-английски без малейшего акцента, только несколько резко произносившая букву «р» (недостаток, которым страдают многие лица британского происхождения), исчезла из отеля «Морская звезда»; говорили, что она отправилась в Англию. Ее «сын» уехал в Германию.

Начались розыски; скоро узнали, что за три часа до получения тревожного известия женщина, по описанию похожая на шпионку кайзера, высадилась в Тильбери и отправилась в Лондон.

Агенты, посланные к дому м-ра Гардинга, услышали от соседей, что в этот декабрьский день дама, по описанию похожая на миссис Норман, приехала в квартиру старика, пробывла у него около часа, потом отправилась неизвестно куда.

Нам поручили узнать, где она скрывалась.

— Право, не понимаю, как мы можем найти эту женщину, Гарри, не возбуждая подозрений м-ра Гардинга, —

заметила Клотильда, прервав долгое молчание и продолжая смотреть на свирепые прыжки волн.

— Да-да, дорогая, — согласился я. — Этот Гардинг не только ее друг; он ее родственник, и она, без сомнения, попросила его держать все в тайне. Даже не подозревая, что она шпионка, он, конечно, постарается скрыть, что она, германская подданная, в Англии.

Мы помолчали.

— Ну, Клотильда, — сказал я наконец, — очевидно, Нейман опасная личность, а потому мы должны во что бы то ни стало найти ее.

— Да, но как? — ответила Клотильда. — У нас нет ее фотографии; никто не знает ее в лицо; описание же довольно неясно. А все-таки, Гарри, у вас есть какие-нибудь планы?

— В настоящую минуту нет, — признался я, — но я убежден, что, разыскивая эту женщину, мы натолкнемся на важные вещи.

Вскоре после этого разговора мы вернулись в Лондон; я к себе в мое помещение, в доме Вернон, Клотильда к себе.

После долгих размышлений у меня, наконец, явился план, и я начал приводить его в исполнение. Мы с Клотильдой положили маленькую деревяшку в небольшую картонку, дюймов в девять длины и в пять ширины. Картонку я завернул в несколько листов коричневой бумаги, которую запечатал несколькими печатями, имевшими очень внушительный вид; наконец, сверху написал: «Миссис Норман, площадь ***, дом № 4; квартира м-ра Генри Гардинга, эскв., Лондон». Выше адреса я наклеил красный ярлык с напечатанным белыми буквами словом: «Застраховано». Затем в сопроводительный бланк одной из известных континентальных пересылочных контор я внес заявление, что пакет, застрахованный в 200 фунтов, выслан в Лондон по поручению дирекции гаагского отеля «Морская звезда».

Закончив эти приготовления, я надел старый пиджак, голову прикрыл фуражкой служащих в агентстве, приехал к дому м-ра Гардинга и поднялся на лестницу, держа под мышкой «драгоценный» пакет.

Дверь мне открыла опрятно одетая горничная и на мой

вопрос, дома ли миссис Норман, коротко ответила:

— Миссис Норман здесь нет.

— А у меня посылка на ее имя. Кажется, это драгоценности; судя по страховой квитанции, вещи эти остались в Голландии. Вам не известно, где она теперь?

— Нет, — ответила девушка. — Здесь она пробыла всего один день, вернее, несколько часов, потом опять уехала.

Я стал снова спрашивать горничную, но, увидав, что она ровно ничего не знает, попросил ее вызвать м-ра Гардинга.

— Он занят, — был ответ. — У него гости; они играют в бридж.

Я попросил девушку передать м-ру Гардингу, что приходил агент конторы с посылкой, в которой были оставленные в Гааге драгоценности и что я зайду к нему в этот же вечер в восемь часов.

Я, действительно, вернулся в дом 4, на площади ***; на этот раз ко мне вышел высокий седой господин.

Я повторил ему всю историю.

— Да, да, — сказал он. — Миссис Норман моя родственница. Она, вероятно, дала мой адрес портье отеля «Морская звезда», чтобы он пересылал сюда ее письма. Но она уехала. Оставьте же мне посылку; я распишусь в получении.

— К сожалению, не смею, сэр, — ответил я, — мы можем отдавать застрахованные посылки только под расписку адресата.

— Какая нелепость, — сказал м-р Гардинг. — Ведь я же принимаю на себя всю ответственность!

Я покачал головой, повторив, что не смею отдать пакета кому-нибудь, кроме самой миссис Норман. Теперь для меня наступила самая важная минута. Я сказал:

— Дело легко устроить. Мы имеем агентов в каждом городе королевства. Если вы дадите мне адрес миссис Норман, я перешлю посылку одному из них, а он передаст ее адресатке.

М-р Гардинг задумался; очевидно, фрау Нейман просила его не открывать ее места пребывания; тем не менее, застрахованный пакет с многозначительными печатями подей-

ствовал. Заметив это, я прибавил беспечным тоном:

— Конечно, если мы не доставим посылку по адресу, она будет возвращена в Голландию.

Еще несколько минут размышления, несколько фраз негодования на нелепость правил пересылочного агентства, и м-р Гардинг сказал:

— Хорошо, я скажу вам ее адрес.

И он передал мне листок из блокнота с адресом ловкой германской шпионки.

Поблагодарив его, я быстро спустился с лестницы, унося с собой запечатанную деревяшку, сел на извозчика и уехал.

Побывав в полиции и передав главному инспектору адрес фрау Нейман, я зашел к Клотильде и рассказал ей все.

В одиннадцать часов того же вечера мы с майором Макдональдом сидели в узком спальном купе экспресса, который нес нас на север.

— Я полагаю, Нетльфильд, — сказал он мне, — что эта особа явилась сюда с особенно злыми намерениями.

— Да, — согласился я. — Но помните, майор, она опытная птица.

Мы тоже действовали очень осторожно, скоро сделали несколько интересных открытий, и я донес о них нашему шефу в Лондоне, куда мы вернулись через три дня.

В скучной официальной комнате я сидел против нашего шефа, приветливого человека средних лет, управлявшего сыскным департаментом военного министерства и адмиралтейства. Я рассказал ему следующее:

— Я узнал, что эта Нейман — центр гнезда опасных шпионов в большом и густонаселенном городе Ф. Ее уважают, считают природной англичанкой. А в городе около 300 мастерских, выделяющих военные припасы. Нейман постоянно видится с обществом натурализованных германцев; они собираются в различных домах, чтобы играть в бридж; но это, конечно, только ширма.

В числе игроков — родившийся в Германии, но принявший английское подданство директор компании для вырезывания торфа из болот и доставления его в Лондон как топлива и для рассылки в другие части страны в виде под-

стилки для лошадей. Кроме того, компания добывает из торфа некоторые ценные побочные продукты. Настоящее имя этого прекрасного химика Вильгельм Бухвальд; но он называет себя Уильямом Бартоном и желает казаться истинным великобританцем. Наблюдения показали нам, что он и фрау Нейман часто тайно видятся.

— Ну, а чем же пахнет дело? — нетерпеливым тоном спросил меня мой шеф.

— В настоящее время я открыл один заговор, хотя, конечно, затеваются и другие.

— Что же вы открыли?

— Вероятно, сделают попытку уничтожить главную железнодорожную линию между Лондоном и Шотландией; по-видимому, взорвут вал подле канала и, таким образом, зальют водой всю долину, через которую проходит линия.

— Ого, Нетльфильд, — заметил шеф, рассматривая лежавшую перед ним на столе карту. — Если воду не остановят, наводнение окажется серьезным делом.

— Вряд ли воду можно остановить. Железная дорога, канал и река (кстати, широкая и глубокая) сближаются в том пункте, где, вероятно, произведут попытку взрыва. Канал гораздо выше железной дороги, и если попытка заговорщиков удастся, произойдет такое несчастье, какого давно у нас не было.

Сидевший подле меня майор подтвердил мои слова.

На следующий вечер я снова уже был в городе Ф., куда Дей отвез меня в автомобиле; машина была мне необходима, так как я решил объездить болотистую местность, из которой компания добывала торф.

Изобретательная Клотильда тоже приехала в Ф., наняла меблированную комнату у одной старушки и приняла роль учительницы музыки. Для реальности, она поместила объявление в местной газете, предлагая свои услуги особам, желающим учиться играть на рояле. К ней явились только две ученицы.

Моя невеста всегда помогала нам и для этой цели делалась то экономкой, то гувернанткой, то няней, то сиделкой; один раз даже исполняла роль женщины-кондуктора

трамвая.

На следующее же утро я сел в автомобиль и встретился с Клотильдой в условленном месте, на шоссе. Я привез ее теплую шубу и моторную шапочку с вуалем. В мехах она перестала походить на скромную учительницу музыки.

Целый день мы ездили по широкой низине, окутанной серым декабрьским туманом. Унылое, дикое было это место. Кое-где, близ дороги, виднелись ямы, образовавшиеся там, где был вырезан торф. Большую его часть увезли, но лежали и торфяные груды, приготовленные для доставки на завод, — одноэтажное низкое здание, стоявшее невдалеке от Ф. Там именно и добывались различные побочные продукты.

Через несколько часов мы направились к городу и медленно проехали мимо упомянутого завода. Он стоял в стороне от дороги; в одном конце этого продолговатого кирпичного строения поднималась короткая заводская труба. Кругом лежали плетенки, очевидно, служившие защитой для круглых стеклянных сосудов, в которых обыкновенно перевозятся кислоты; подле ворот стояла платформа, а на ней были крепкие деревянные ящики.

Маленький завод, по-видимому, выстроенный всего года два-три тому назад, помещался на склоне холма. Невдалеке от него тянулся канал с толстыми сдерживающими валами; в одном конце долины из туннеля выходила железнодорожная линия, пересекала ее и снова исчезала в противоположном холме, на вершине которого раскидывалась мшистая заросль.

С первого взгляда становилось понятно, что после взрыва одного из валов канала вода залила бы и долину, и оба туннеля, и маленькую деревню.

— Ясно, что вы правы, Гарри, — заметила Клотильда.

Прошли еще две недели. Пододвигались рождественские праздники — второе Рождество со времени начала великой войны. В Ф. приехали три агента департамента гражданской тайной полиции. Один поселился в отеле «Корона», где жил и я; двое других разместились по частным квартирам. Все усиленно работали, но ничего нового пока не от-

крывали. Мы узнали только, что фрау Нейман чуть ли не каждый день ездила на торфяной завод и проводила там по несколько часов.

Раз, утром, Мерсер, сыщик, живший в моем отеле под видом инспектора от департамента заготовки военных снарядов, сообщил мне, что торфяной завод получил большой запас страшного взрывчатого вещества — нитроглицерина.

Я предложил осмотреть завод ночью, но Мерсер не согласился на это; он говорил, что подле завода всегда стоит сторож и что наше посещение возбудит только подозрительность заговорщиков.

— Но они хотят взорвать берег канала, — заметил я. — Значит, каждая минута дорога. Почему бы не обыскать завод и не удостовериться, что происходит там?

— Да ведь он работает, — заметил Мерсер. — Кроме сторожа, туда входят только Бухвальд, его помощник Цейген, который со времени начала войны принял фамилию Гардинера, и миссис Норман.

Мы спорили около часа, и я не убедил Мерсера. Он отказался наотрез. Поэтому вечером я донес в главную полицию Лондона, что помощь гражданских полицейских агентов бесполезна; сыщики были отозваны.

Затем я по телефону вызвал майора и его помощника Тедди Бенса из сыскного департамента военного и морского министерств и, когда на следующий день они приехали в Ф., мы составили совещание. Результатом его было решение, в случае необходимости, силой ворваться в здание химического завода в эту же ночь и рассмотреть все.

Мы собрались в одиннадцать часов вечера в пункте мили за полторы от химического завода. С этого места виднелись огоньки фонарей города Ф. Там день и ночь работало триста заводов, которые выделяли снаряды и другие военные припасы для союзников.

Мы до тонкости выработали наш план. Майор Макдональд, Тедди, Клотильда и я двигались парами, делая неровные переходы по темной дороге. Дей шел один.

У каждого было по револьверу и по электрическому фонарю, а Дей, быстрый, сильный и ловкий, взял с собой еще

серый шелковый шарф, веревку и стеклянку с хлороформом.

Мы осторожно подкрались к заводу; остальные немного отстали, а мы с Деем подошли к самой стене кирпичного здания, и я принялся кричать на шофера.

Приманка подействовала; дверь открылась, и оттуда вышел плотный точной сторож. Я заметил что-то блестящее у него в руке и, направив на его лицо свет моего фонарика, ослепил немца; в то же время я разглядел в его руке крупный револьвер. Дей мгновенно налил хлороформа из склянки на шелковый шарф и с неописуемой быстротой прижал его ко рту и носу сторожа; германец не успел произнести ни слова — он лишился сознания.

В несколько минут мы заткнули ему рот, связали его и все пятеро вошли в таинственное здание через дверь, которую сторож оставил открытой.

Сначала мы прошли через большую залу, полную машин для размельчения торфа; потом через комнату с котлами, топки которых были потушены и не топились несколько недель; миновали коридор и, наконец, очутились в просторной, прекрасно оборудованной лаборатории.

— Странная вещь, — с удивлением заметил Макдональд. — Посмотрите-ка; здесь все приспособления, необходимые для культуры бактерий и наблюдений за ними. Комната походит на лабораторию госпиталя.

Я осмотрелся кругом.

— Смотрите, — продолжал майор. — Здесь разводятся бактерии. Они их культивируют. Я слушал курсы бактериологии, а потому знаю.

И он с глубоким любопытством смотрел на закрытые стеклянные шкафы. Комната содержалась поразительно опрятно; в ней стояло много столов из зеркального стекла; горели несколько спиртовых ламп; в стаканах виднелось множество пробирок с желатином, бульоном и другими веществами, в которых бактерии процветают и множатся.

— Правда, — сказал я. — Очевидно, они мастерят здесь что-то, кроме побочных продуктов из торфа.

В эту минуту до нас долетел женский вопль.

Я узнал голос Клотильды и быстро повернулся; моей невесты не было в лаборатории.

Я понял, что она, взяв свой электрический фонарь, пошла осматривать соседнее помещение.

Что-то зазвенело; послышался звук осколков разбитого стекла; второй звон и второй вопль. Мы все кинулись в коридор. И не успел я опомниться, как увидел, что в руках Дея бьется женщина, которую мы знали под фамилией Норман. Очевидно, она собиралась убежать из здания завода.

Громкое немецкое ругательство, произнесенное грубым горловым голосом мужчины; опять звон разбитого стекла, на этот раз совсем вблизи, и несколько осколков попали мне в лицо. Мы увидели, что Вильгельм Бухвальд бросил в нас большую бомбу из очень тонкого стекла.

— Берегитесь, Гарри! — крикнула Клотильда. — В этих стеклянных бомбах зародыши каких-то страшных болезней. Они уже разбили три... Одна попала мне прямо в лицо. Смотрите!

Я направил на Клотильду свет моего электрического фонаря и увидел, что из большой раны на ее белой щеке струйкой текла кровь; в то же мгновение, заметив, что Бухвальд старается поспешно скрыться, чтобы ускользнуть от меня, я, не размышляя, кинулся на него.

Он оказался страшно сильным и, охватив мой стан одной рукой, другой сжал мне горло, а потом отбросил, как терьер бросает крысу. Но майор и Тедди моментально кинулись на него, а я, успев оправиться, вынул из кармана веревку, ловко накинул затяжную петлю на сгиб его левой руки и быстро привязал к ней правую.

— Будьте вы прокляты, английские псы! — заревел он по-немецки. — Но вы умрете, умрете все. Наши стеклянные бомбы полны бациллами бубонной чумы; когда мы побросаем их с наших «таубе», они убьют больше ваших солдат, чем до сих пор их перебила наша армия. Будьте покойны! — И, связанный, он насмешливо захохотал.

Хвастливое уверение этого человека поразило нас. Весь ужас дьявольского заговора предстал пред нами. Они задумали не только уничтожить нашу армию, но и произвести

опустошения среди мирного населения страны.

Мы передали фрау Нейман и Бухвальда в руки местной полиции, сами же отправились к врачу, который применил к нам антисептические средства. Узнав истину, местная санитарная власть приказала полить керосином лабораторию,

все другие комнаты и коридор, где были разбиты бомбы, и затем поджечь завод.

Это было исполнено; огонь стерилизовал место, где стояло зловещее здание.

Узников отправили в изоляционный госпиталь в Ф., мы тоже поместились в таком же лазарете в соседнем городе И. и остались там под наблюдением врачей.

Заболела только моя дорогая Клотильда; мы, остальные, уцелели. Нейман и бактериолог Бухвальд, оба порезавшие руки, заразились; их железы распухли, и через двое суток они в ужасных мучениях умерли от бубонной чумы.

Две недели Клотильда висела между жизнью и смертью. Мне, сходявшему с ума от отчаяния, не позволялось ее посещать. Наконец, однажды вечером я узнал, что кризис миновал, хотя несколько часов Клотильда стояла на краю могилы.

Через десять дней моя невеста вернулась в Лондон. Понятно, после такого несчастья ее отец, м-р Эшертон, не позволил ей снова подвергаться опасности и согласился на нашу свадьбу только с тем условием, чтобы моя жена никогда не принимала участия в разыскивании шпионов.

Теперь, хотя великая война все еще кипит и мы с Макдональдом продолжаем отыскивать шпионов, Клотильда остается дома в нашем приветливом коттедже в графстве Суррей и только мысленно сопровождает меня во время моих опасных предприятий.

SPECIAL SUPPLEMENT WITH THIS ISSUE

THE ELECTRICAL EXPERIMENTER.

SEPT.
1915
10 CTS.

THE WIRELESS TORPEDO

(See page 16.)

[Без подписи]

ВО ВЛАСТИ ГЕРМАНСКИХ ШПИОНОВ

Сенсационный рассказ-факт

В комнате, выкрашенной в белую краску, не стояло никакой мебели, кроме тяжелого дубового стола, двух стульев и кровати. Окно было забрано толстой решеткой.

На постели лежал человек в полном одеянии, скорчившись в неудобной позе.

— Господи! — зевнул он.

Он схватился рукой за лоб и с отчаянным видом начал раскачиваться назад и вперед.

Он сполз с постели и, шатаясь, подошел к окну. Минуту или две он смотрел в него.

— Странно! — промолвил он. — Что за чертовщина?'

Он направился к массивной двери, у которой не было ручки, и налег на нее плечом; потом медленно отошел на середину комнаты, озабоченно почесывая затылок.

Это был молодой англичанин, хорошо одетый, с наружностью воспитанного и богатого джентльмена и веселым, жизнерадостным лицом.

— Что такого мог я натворить вчера, что привело меня сюда? — сказал он. — Это тюрьма, по всей видимости. На этот раз мы попались, мой мальчик!.. — обратился он к самому себе. Считайте себя посрамленным, Джон Аддерлей!

В этот момент снаружи раздались шаги, дверь отворилась и в комнату вошел пожилой господин в очках, низкого роста, сгорбленный и с добрым, приветливым выражением лица.

— Господи помилуй! — вскричал он, останавливаясь в изумлении. — Вы здесь, Аддерлей?

— Профессор! — удивленно сказал тот.

— Это в высшей степени необычайно! — промолвил старый джентльмен.

— Я в полном недоумении. Где мы?

— Этого я не могу сказать вам даже и приблизительно.

— Вот это славно!

Они дружно обернулись к двери, откуда раздался стук за-
соров.

— Благодарю! — промолвил юноша. — Что касается меня, — спокойно продолжал он, — то я припоминаю только, что я ужинал в клубе и внезапно странным образом опя-

нел. Двое человек любезно посадили меня в кэб и больше я ничего не помню, кроме того, что пять минут тому назад проснулся на этой кровати, чувствуя себя отвратительно. Но, очевидно, я вел себя неприлично, иначе я не был бы тут.

— Правда, — задумчиво согласился профессор. — Правда...

— Но вы-то как попались, профессор? Я не ожидал этого от вас. Я искренне сконфужен за вас.

— Если бы это было так, я заслуживал бы строгого осуждения, — возразил профессор. — Но вы сами знаете, что я очень воздержанный человек. И я твердо убежден, что и вы тоже не были пьяны вчера вечером. Могу я спросить вас: вы одни ужинали?

— Да. Но потом — теперь я припоминаю это — я разговаривал с двумя иностранцами, приличными малыми, и мы распили вместе бутылку вина.

— Они же и помогли вам сесть в кэб?

— Теперь, когда вы сказали это, мне кажется, что это были они.

— И сели с вами?

— Я... я не уверен. Я заснул мертвым сном.

— Ну так позвольте мне сказать вам, что эти люди опоили вас, чтобы сделать своим пленником.

— Еще что! — недоверчиво рассмеялся Аддерлей. — Ведь мы, как будто, в двадцатом веке!

— И все же я вполне уверен, что я прав.

— Но отчего, скажите на милость?

Профессор серьезно посмотрел на него.

— Вы должны были бы знать... — молвил он.

Аддерлей вскочил на ноги и уставился на него изумленными глазами.

— Истребитель! — воскликнул он.

— Послушайте, — сказал профессор, садясь и указывая на другой стул. — Вчера вечером, в четверг, я прочел свою лекцию в Институте молекулярных исследований и возвратился домой в обычный час, около четверти одиннадцатого. Как вы знаете, перед моим домом есть большой и тем-

ный сад. При входе в него на меня неожиданно с ожесточением накинулись двое людей, оглушили ударом по голове, а потом захлороформировали меня, но неумело. Благодаря этому, мне удалось отчасти сохранить сознание и запомнить, что было дальше. Меня поспешно перевезли на моторе куда-то за Кройдон и там усадили внутрь аэроплана новейшей конструкции. Мне связали руки и ноги, но забыли завязать глаза. Сквозь стеклянный пол я, несмотря на темноту, мог приблизительно уловить направление, по которому мы двигались. Англия скоро осталась позади и мы долго летели над морем; потом быстро понеслись над спящей, хорошо обработанной страной. Между тем, рассветало все больше и больше и наконец мы спустились здесь, около этой, по-видимому, уединенной тюрьмы на опушке густого, темного леса. Мне дали поесть и привели сюда, к вам. С вами, очевидно, случилось такое же удивительное приключение?

Аддерлей перегнулся через стол и слушал с напряженным вниманием.

— Не в обиду вам будь сказано, профессор, — заметил он, — вы не дурачите меня, говоря, что мы за несколько сот миль от Англии?

— Это истинная правда, друг мой.

— Что же это значит, по-вашему?

— Только одно: мы в руках врагов Англии, в руках немцев.

Аддерлей откинулся на спинку стула и сунул руку в карман за портсигаром.

— В таком случае, мы можем ожидать интересных событий, — молвил он и, встав, начал бесцельно бродить по комнате.

— А как насчет Бальдвина? — спросил он, останавливаясь у окна.

— Я уже думал о нем, — ответил профессор. — Я бы не удивился, если бы они и ему оказали свои услуги.

— Вы совершенно правы, — сказал в этот момент Аддерлей. — Вон как раз Бальдвин идет через двор и с ним стража с ружьями и обнаженными штыками.

— Боже мой!—сказал профессор, вставая, чтобы посмотреть. — Это действительно очень странно.

— Теперь они поймали нас троих, — засмеялся Аддерлей. — Что же они намерены делать с нами?

— Об этом я тоже думаю, — молвил профессор. — Для меня непостижимо, каким образом они узнали, что мы трое были сообщниками. Их система шпионства, должно быть, замечательна по своему устройству и распространению.

— Без сомнения, да. Смотрите! Вот и Бальдвин.

Снова раздался ляг отодвигаемых засовов. Дверь распахнулась и вошел маленький, проворный человек с крупными губами, одетый в рабочую куртку и запыленные жиром брюки и штиблеты. С первого взгляда было ясно, что он представлял собой продукт нового порядка вещей: существо, чье сердце и голова были сосредоточены на механике и машинах.

— Хэлло, вы двое! — сказал он. — Они сцапали и вас точно так же?

— Мы налицо! — весело ответил Аддерлей.

— Они доставили меня сюда на моем собственном 220-сильном «Коршуне». Вообразите их бесстыдство! Но они извлекли из него всего сто сорок, тогда как он дает добрых две сотни, если им управлять, как следует.

— Они охотятся за нашим истребителем, старина. Никакого сомнения тут быть не может.

— Шш! — предостерегающе произнес профессор. — Дверь открыта.

Бальдвин быстро направился к окну и внимательно осмотрел железные перекладины решетки. Он обернулся на звук приближающихся шагов. Вошли четыре солдата и, взяв ружья к ноге, стали по двое с каждой стороны двери. Вслед за ними появился высокий, широкоплечий человек в штатском, с белокурыми усами, закругленными кверху, и щетинистыми волосами. Он учтиво поклонился и с холодной, слащавой улыбкой обратился к трем англичанам:

— Джентльмены, я должен глубоко извиниться перед вами за беспокойство, которому вы подверглись. Если вы будете добры уделить мне ваше внимание, я объясню вам при-

чины моего поступка. До меня дошло, джентльмены, что вы трое являетесь участниками изобретения нового ужасного аппарата-истребителя, который автоматически будет находить все аэропланы, находящиеся поблизости от него, и в то же время направлять на них орудие, так что одним нажатием кнопки они могут быть уничтожены. Я не могу открыть вам источник моих сведений, но не думаю, чтобы вы стали отрицать этот факт. Это изобретение вы предложили британскому правительству. Я хочу сам купить это изобретение. Поэтому я предлагаю вам вашу собственную цену за изобретение.

— Как бы то ни было, мы не понимаем, о чем вы говорите, — сказал ему Бальдвин.

— Простите, вы принуждаете меня к дальнейшим подробностям. Вы, профессор Мейзон, дали идею этого открытия. Мистер Бальдвин осуществил ее, а мистер Аддерлей, пользующийся влиянием в Военном департаменте, представил планы лицам компетентным. Разве это не так?

— Если это так, — возразил Бальдвин, — и если, как вы говорите, планы в их руках, что толку обращаться к нам за их покупкой? Ступайте к британскому правительству, вот где место переговоров.

— Простите еще раз. Вы слишком предусмотрительны, чтобы изложить все, что вы знаете, на бумаге. Без вашей помощи и объяснений планы неприложимы на практике.

— Но откуда вы то знаете это?

— Вы должны извинить меня, если я умолчу об этом.

— Я всегда говорил, — вставил Аддерлей, — что шпионы найдутся даже в самых уединенных уголках страны.

Профессор сделал ему знак предоставить беседу Бальдвину.

— Кто вы такой, сэр? — резко спросил тот.

— Вы можете называть меня полковником Икс.

— Ладно. Кто бы вы ни были, вас постыдно обманули. И я бы посоветовал вам немедленно вернуть мне моего «Коршуна», чтобы мы могли вернуться в Англию, не затрудняя вас более своим присутствием. Я человек занятой, смею уверить вас. И у меня найдется дело кроме того, чтобы выслу-

шивать всю эту нелепую чушь.

— Вы заставляете меня быть еще более обстоятельным, — ответил полковник Икс, несколько не смутившись. — По причинам, для вас неважным, передача изобретения должна состояться без всякого промедления. Так что, если вы будете продолжать быть неблагоразумными, если вы откажетесь войти в переговоры по продаже, я принужден буду прибегнуть к крайней мере, которая доставит мне величайшее огорчение. Я прикажу вывести вас во двор этой тюрьмы и *расстрелять*. Приготовления уже сделаны.

Полковник издал короткое приказание. Солдаты бросились вперед; двое из них схватили Аддерлея за руки, а двое других приставили штыки к его горлу. На лицах их была написана безжалостная решимость.

— Не защищайтесь, Аддерлей, — спокойно посоветовал Бальдвин.

— Я протестую! — крикнул профессор, вскакивая с волнением. — Освободите этого джентльмена. Вы, сэр...

— Джентльмены, — продолжал полковник, — я серьезно предупреждаю вас, что, если вы не согласитесь на мое предложение, то вашего молодого друга выведут во двор и казнят — благодаря вашему упорству.

— И вашему невыразимому бесчеловечию! — кинул ему профессор.

Полковник Икс неожиданно вынул револьвер и прицелился в Бальдина, который приближался к нему проворной тигриной походкой.

— Станьте у окна, — вежливо приказал он. — Отсюда вы сможете видеть то, что происходит на дворе. Здесь вам представится последняя возможность спасти вашего друга. Я буду держать в руках платок. Если вы махнете своим, я буду знать, что вы переменяли намерение. Если упадет мой, мистер Аддерлей окончит свою жизнь.

Бальдвин, стиснув зубы, двинулся к окну. Профессор упал на стул, закрывая лицо руками.

— Вон он там, — сказал Бальдвин. — Они поставили его к стене и завязали ему глаза. Там шесть человек с ружья-

ми... Аддерлей стоит твердо и прямо. Полковник отдает приказания и сейчас взглянет сюда.

Профессор вскочил в паническом ужасе и, шатаясь, побежал к окну.

— Мы смотрим на отважный подвиг, профессор, — сказал Бальдвин. — Смотрим на смерть, если хотите. Вы думаете, я лишу его этого? За ним наступит и наша очередь...

Профессор закрыл глаза руками. Раздался залп. Из груди Бальдвина вырвалось продолжительное, свистящее «А-х!» Он прислонился к решетке, глядя сквозь нее со свирепой энергией. Профессор зарыдал, как ребенок.

— Мы видели, как надо умирать, — сказал Бальдвин, и в эту минуту дверь снова открылась и вошли полковник и солдаты, державшие ружья на прицел.

— Вы видели, джентльмены? — спросил полковник.

— Теперь, вероятно, моя очередь, — просто сказал профессор.

— Вас не принуждают, сэр. Как фанатично упрямы вы все, англичане! Я куплю это изобретение за вашу собственную цену — за миллион фунтов стерлингов, если хотите — и только вы двое разделите эту сумму. Подумайте, прежде чем решать опрометчиво. Потом не будет возврата, как вы знаете.

— После того, там, на дворе? — сказал ему Бальдвин с жестким смехом. — Вы не знаете нас, приятель. Продолжайте вашу бойню.

— Уведите этого человека! — распорядился полковник, указывая на профессора.

Полковник остался в комнате. Затворив дверь, он быстрой крадущейся походкой приблизился к Бальдвину.

— Теперь послушайте, — прошептал он. — Те двое ничего не значили. Это вы главное лицо. Никто не узнает о нашем договоре. Вы легко можете убедить британское правительство, что опыты с вашим открытием не оправдали ожиданий. Подумайте, что такое миллион фунтов стерлингов для вас — лучшего аэронавта Европы! Мы обставим всеми удобствами вашу работу тут. — Бальдвин обернулся к нему с насмешливой улыбкой. — Подумайте! — продолжал полков-

ник. — От вас зависит спасти жизнь профессора: мне стоит только подать знак из окна.

Он подошел к окну, следя за Бальдвином горящими глазами. Выражение лица Бальвина изменилось. Он пытли-во оглянулся назад.

— Подите сюда, — махнул ему полковник.

Бальвин подошел и остановился рядом с ним, следя за направлением его протянутой руки.

— Если я уроню мой платок, — сказал полковник, — ваш друг перестанет жить. Какой ваш ответ?

Совершенно незаметно рука Бальвина скользнула в карман сюртука его собеседника.

— А? Что вы сказали? — спросил он.

— Какой ваш ответ?

— Вот какой! — крикнул Бальвин, внезапно отступая с револьвером полковника, крепко зажатым в правой руке. — Стойте смирно! — пригрозил он. — Если вы опустите руку...

Под влиянием удивления и неожиданного испуга полковник выпустил из рук платок.

— Проклятие! — воскликнул Бальвин.

Снаружи раздался обрывистый залп. Полковник прыгнул назад и, как кот, съежился в углу. Бальвин быстро прицелился и выстрелил.

— Один для вас, — сказал он.

Он выстрелил еще раз и полковник упал вперед, хватая воздух руками.

Бальвин быстро повернулся. Дверь распахнулась и в комнату вбежали солдаты со сверкающими штыками и свирепым выражением на лицах. Он выстрелил дважды — направо и налево — со смертоносной точностью. Двое упали. Остальные ответили недружными выстрелами.

Бальвин упал, прижимая рукой сердце и дико смеясь сквозь зубы. Он с усилиями приподнялся на локте и насмешливым жестом указал на себя пальцем.

— Все вперед! — с торжеством крикнул он.

Они побежали на него с опущенными штыками.

NOTICE TO READER: When you finish reading this magazine place a "used" stamp on this cover, send same to the editor, together with 10¢ in stamps or the funds of any publisher or carrier of the trade. We appreciate the address—A. S. BUCKLEIGH, Philadelphia, Pa.

JAN.
15
CENTS

Electrical Experimenter

OVER
175
ILLUST.

POPULAR ELECTRICAL NEWS ILLUSTRATED

**ELECTRO-MAGNETIC
DEPTH-BOMBS**

SEE PAGE 594

LARGEST CIRCULATION OF ANY ELECTRICAL PUBLICATION

Эдвард Филлипс Оппенгейм

**ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ МОГ
ПРЕКРАТИТЬ ВОЙНУ**

Один из самых посещаемых в Лондоне баров был переполнен публикой. Но среди банальных типов деловых людей, журналистов, американцев обращал на себя внимание маленький, невзрачный человечек в очках. Пальцы руки, в которой он держал стакан вермута, были выпачканы не то какой-то жидкостью, не то табаком. Он напряженно прислушивался к разговору двух офицеров и, наконец, нерешительно обратился к ним с вопросом:

— Скажите, что сегодня нового в газетах? Я еще не успел прочесть.

Офицер взглянул на человека и ответил:

— Вчера немцам с помощью ядовитых газов удалось отеснить нас от Ипра.

Тут произошло нечто странное. Невзрачный человек расхохотался так громко и пронзительно, что все невольно оглянулись на него. Потом так же неожиданно выпил остатки вина в стакане и пошел к выходу.

— Вовремя убрался, — рассерженно крикнул ему вслед офицер. — Посадить бы его на несколько дней в окопы...

Молодой человек, стоявший до сих пор в стороне, обратился к лакею:

— Кто это?

— Не знаю, сударь, но думаю, что он не совсем к уме. Все, что известно, это, — что он приехал вчера из Америки.

Молодой человек пожал плечами и перешел из бара в находившийся рядом с ним ресторан. За маленьким столом в углу он увидел человечка, так нелепо державшегося в баре. Тогда Амброз Левендель обратился к лакею:

— Я займу этот стол.

Он указал на стол рядом со странным человечком. Заказав то, что ему было нужно, он откинулся на спинку стула и оглядел зал.

Сразу же внимание его было приковано к прелестной молодой женщине, сидевшей за соседним столиком. Ее темная, изящная головка склонилась над газетой, и Левендель свободно мог разглядывать ее. Бледное лицо, глаза, окруженные синевой, узкие черные брови, точно на японских гравиюрах, и яркий, красиво очерченный рот. Теперь молодая

женщина слегка подняла голову, и Левендель заметил, что она тоже заинтересована его невзрачным соседом.

Минуту спустя Амброз прибегнул к обычному способу и обратился с расспросами к лакею:

— Это мисс де Фрейн, сударь, — шепнул ему тот. — Она писательница.

За время завтрака Амброз Левендель пришел к двум умо- заключениям. Первое было, что его прелестная соседка тоже заинтересована странным человечком, второе — что с ней не так-то легко познакомиться. При встрече с его взглядом она не опускала глаз, и в них он прочел даже интерес к себе, но держалась она с большим достоинством и это сбивало Левенделя. По отношению же к своему соседу он пришел к определенному решению. Кончив завтрак, он встал и подошел к нему.

— Извините, — сказал он, — я не знаком с вами, но хотел бы задать вам вопрос.

Говоря это, Левендель все время чувствовал на себе взгляд прелестной соседки. Ему было видно, как она поставила чашку с кофе на блюдечко и слегка наклонилась вперед.

— Задать мне вопрос? — воскликнул человечек. — Да пожалуйста! Только не обещаю вам отвечать на него.

— Я был в баре и слышал ваш разговор с офицером. Не скажете ли вы мне, что значит ваш смех?

— Присядьте, молодой человек, — помолчав, сказал незнакомец. — Вы американец?

— Да. Меня зовут Амброз Левендель и до августа месяца я был атташе при местном посольстве.

— Мое имя Хёрн и, так как я никого в Лондоне не знаю и вы можете мне пригодиться, то стану вам отвечать. Мой

смех не был злым, скорее он был эгоистичен. Теперь слушайте меня внимательно и не сочтите мои слова за бред сумасшедшего. Я могу прекратить войну...

Левендель улыбнулся: «Этот человек сумасшедший!»

— Право? — воскликнул он. — Так вы были бы благодетелем всего мира.

— Я говорю истину и вы можете мне помочь.

Левендель перевел свой взгляд на соседку. Они переглянулись теперь, как люди, понимающие друг друга. Амброз заговорил громче, так, чтобы ей яснее был слышен разговор.

— Чем же я могу быть полезен?

— Не знаете ли вы кого-нибудь в генеральном штабе?

— Кое-кого знаю.

— А в приемной комиссии?

— Там у меня есть друг. — Левендель начинал интересоваться.

— Он сейчас на службе?

— Да.

— Так едемте к нему, — человек уже успел расчитаться с лакеем.

Левендель нерешительно встал и взглянул па соседку. Она о чем-то говорила с лакеем, смотря в их сторону. Но задерживаться долго он не мог, так как Хёрн быстро засеменил к двери.

Автомобиль домчал их через несколько минут. Длинным коридором дошли они до двери, охраняемой бойскаутом. Левендель попросил своего спутника подождать его у входа.

Реджи Мериль, друг Амброза, приветливо кивнул ему головой из-за целой горы всяких бумаг.

— Слушай, голубчик, — начал Левендель, — быть может, я глупо делаю, что беспокою тебя. Я привез одного американца, очень странного человека, которому нужно поговорить с кем-нибудь из приемной комиссии. Конечно, все это может оказаться большой чепухой, но, по-моему, никогда ничем не надо пренебрегать. Кто знает?

— Устали мы все здесь очень, ну, да уж ради тебя сделаю это. Пойдем к генералу Бемориджу.

Левендель познакомил друга с Хёрном, и они втроем отправились в другой конец коридора. На стук им открыл дверь адъютант и сейчас же пропустил посетителей. Высокий и худой генерал был занят какими-то бумагами. Мериль представил ему посетителей.

— В чем же дело? — обратился генерал к Хёрну.

— Я пришел сказать вам, что могу прекратить войну, — ответил тот. — Не смейтесь и не сердитесь. Поедемте сейчас за город, и вы сами убедитесь. А вот эта бумага даст вам обо мне некоторое представление.

Генерал прочел: «Школа химических изысканий в Чикаго. Мистер Хёрн — почетный член общества. Мы рекомендуем его изобретения вниманию английского генерального штаба». Генерал вздохнул.

— Что ж! Завтра утром я проеду на батарее в Хаттоне. Будьте в четверть девятого у ворот в парк.

— Благодарю вас и до скорого свидания, генерал.

На улице Хёрн скатал Левенделю:

— Вы оказали мне услугу и поэтому имеете право поехать завтра со мной.

— Отлично, — улыбаясь, согласился молодой человек. — Я заеду за вами на автомобиле.

В назначенный час оба были у ворот обширного парка. Хёрн окинул быстрым взглядом окрестности.

— Жаль, что я вчера не упомянул, что, кроме вас, никто бы не должен был видеть того, что я вам покажу, — озабоченно сказал он.

— Да кому же и быть здесь в такой час?..

Подъехал генерал с Мерилем.

— Это хорошо, что вы аккуратны, — сказал он Хёрну. — Ну, показывайте свое изобретение.

Хёрн собрал всю компанию шагах в двадцати от купы деревьев у дороги и сказал:

— Я покажу вам сейчас в маленьком масштабе разрушение, которое вы сможете усилить как угодно. Смотрите.

Торжественно вынул он из кармана маленький детский пращ и коробочку. Из коробочки он достал шарик.

Генерал насупился. Левендель чувствовал себя пришибленным. Как он будет извиняться перед генералом за этого сумасшедшего!..

Хёрн выстрелил. Произошло странное явление. Взрыв, посыпались ветви деревьев и поднялся вверх серый дым. На глазах стали серыми и мертвыми зелень травы и деревьев кругом. Все стояли в недоумении.

— Теперь вы можете подойти ближе, только не дышите глубоко, — сказал Хёрн. — Видите, какое разрушение произвел мой шарик. Представьте себе бомбу с тысячью таких шариков!

Компания обошла опустошенное место. Вдруг Левендель вскрикнул. По ту сторону купы деревьев лежала женщина. Молодой человек наклонился к ней и узнал свою престелную соседку по ресторану. Хёрн вытащил из кармана

какую-то лепешечку и сунул ей довольно бесцеремонно в рот.

— Это противоядие, — объяснил он.

— Скажите-ка, сударыня, — обратился он к ней, когда она очнулась, — зачем вы попали сюда?

Она широко открыла большие, наивные глаза.

— Я каталась на автомобиле и вышла пройтись.

Все молчали.

— Быть может, вы скажете нам ваше имя и адрес? — сказал Мериль.

— Пожалуйста, — она удивленно приподняла брови. — Меня зовут Сюзанна де Фрейн и живу я в отеле «Милан». Но ведь я не сделала ничего дурного?

ALFONSO GUTH

— Ничего решительно, — успокоил ее Левендель, — это мы виноваты перед вами.

Генерал любезно взял девушку под руку и провел ее к своему автомобилю.

— Сударыня, капитан Мериль доведет вас до вашего автомобиля, а вы окажете большую услугу вашей родине, если забудете обо всем виденном.

— Уверяю вас, что никогда больше не захочу вспоминать это неприятное приключение, — улыбнулась очаровательная незнакомка.

Генерал задумчиво смотрел вслед автомобилю.

— Все-таки надо будет навести кое-какие справки относительно этой девицы, — сказал он. — А теперь, — обратился он к Хёрну, — мое время принадлежит вам.

Вечером этого дня Левендель опять увидел в ресторане мисс де Фрейн. Она вся ушла в чтение газеты, и Левендель заметил, что она немножко бледней обыкновенного.

Молодой человек должен был обедать вместе с Хёрном, но тот заставлял себя ждать. Тогда Левендель решил пройти к нему в номер. Быть может, странный человек забыл час обеда.

Лифт поднял его на четвертый этаж, и он постучался у восемьдесят девятого номера. Никто не отзывался.

— Мистер Хёрн! — крикнул Амброз в замочную скважину.

Ответа не было. Амброз нажал ручку двери и она подавалась. В комнате было темно и тихо. Левенделю стало не по себе. Он отыскал выключатель у двери и осветил комнату. Хёрн сидел прямо перед ним на кресле. Голова его откинулась и у шеи болтался шелковый шнур.

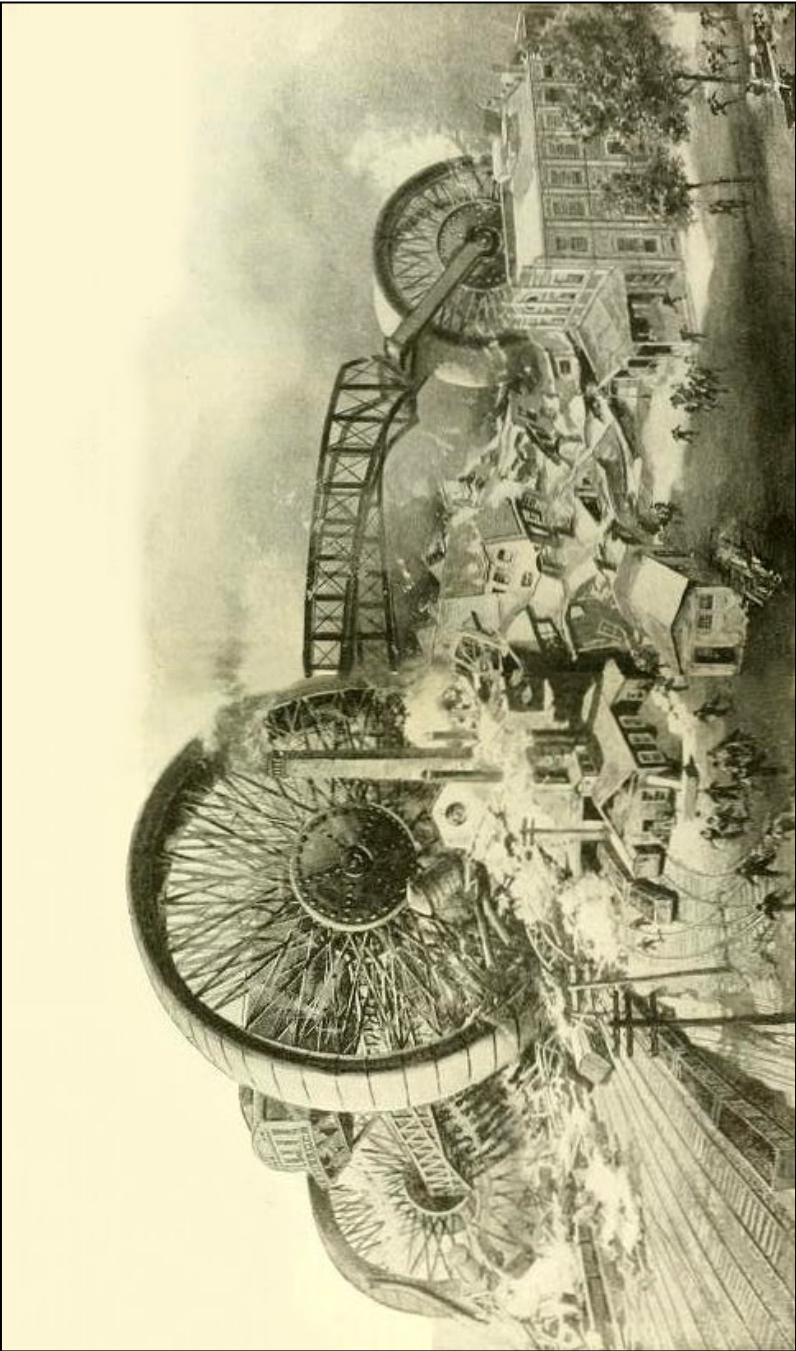
Лицо его было бледно и страшно...

Левендель стоял, как прикованный к месту, потом быстро выбежал из комнаты, запер ее на ключ и вынул его.

— Позовите управляющего! — крикнул он прибежавшему лакею.

— Что-нибудь случилось, сударь?

— Там убили человека, — шепнул Левендель, кивнув головой на дверь.

Сапёр
(Герман Сирил Макнили)

КОНЕЦ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ

Столько нелепых вымыслов и ложных толкований преподносилось публике и обществу по поводу внезапного я загадочного окончания великой войны в конце лета 1917 года, что, поразмыслив хорошенько, я решил дать самую широкую огласку фактам и рассказать, как это произошло на самом деле, тем более, что необычайности инцидента это отнюдь не умаляет.

Почему эти факты не были оглашены раньше, — на то имеется много причин, о которых не след распространяться, и главная из них — страх человека, покончившего войну, что Центральные Державы, тяжко оскорбленные и униженные своим поражением, выместят свою злобу на нем, и что он погибнет жертвой их мести.

Но теперь уже 1920-й год, и Мервин Росситер — человек, изобретательности которого мир обязан прекращением этой безумной бойни — недавно умер в неизвестности, не почтенный и не вознагражденный миром за эту великую услугу. Я посетил его па смертном одре, и тут он дал мне разрешение опубликовать то, что известно мне, если я пожелаю или найду необходимым. И ввиду нелепости слухов, которые продолжают распространять о внезапном конце войны, выдавая их за «самое верное», я хочу рискнуть огласить правду — более изумительную, чем все вымыслы.

Для начала вкратце напомним, как обстояло дело весной 1917 года. Уже два с половиной года, и даже больше, длилась война, длительность которой вначале «опытные люди» высчитывали в шесть недель, а конца ей не предвиделось.

С обеих сторон систематически предпринимались попытки прорвать тонкие линии крови и костей и грязи, разделенные лишь несколькими ярдами царства смерти и опустошения. Положение на западном фронте было приблизительно, то же, что и в ноябре 1914 года: на несколько километров ближе в одном месте, на несколько километров дальше — в другом, но, в общем, то же.

За много месяцев такого постоянного стояния друг перед другом, враги пригляделись друг к другу, так сказать, вошли в соприкосновение. Каждая из воюющих сторон отлично знала цену неприятелю, стоявшему против нее, и чем дальше, тем это особое чутье обострялось и становилось более надежным. И донесения из окопов копились и копились в канцеляриях главных штабов, составляя целые огромные книги. Знали, что на этой неделе, например, там-то стоят саксонцы — и значит, сопротивление германцев будет сравнительно слабое; на следующей неделе саксонцев сменили пруссаки, тут, значит, гляди в оба, но зато саксонцы где-нибудь на другом участке фронта, и там можно будет наверстать потерянное здесь. Так одно уравновешивало другое, и положение, в общем, мало менялось.

Я умышленно подчеркиваю это взаимоощущение соприкосновения враждебных армий, так как мне еще придется вернуться к нему. Само настроение на фронте и в тылу и ощущения однообразной и тягостной жизни в окопах еще слишком в памяти у всех, чтобы надо было говорить о них. Перейду теперь к главному — к тому, что происходило во Франции и в Фландрии перед концом войны. Но прежде хочу отметить курьезное явление, наблюдавшееся в британских окопах в конце января. Я говорю: курьезное, — мне-то оно теперь кажется вполне естественным, — потому что в то время оно вызывало много разговоров и шуток, до тех пор, пока о нем не позабыли, — что также было вполне естественно, — во время общего финального наступления. Если бы тогда знали...

Приведу типичный пример.

В миле или двух от передовых позиций офицеры кавалерийского эскадрона сидели за обедом в уцелевших покоях некогда красивого замка на севере Мира. День был чудесный; кругом тишина. Разговор шел о молодом офицере, который отправился в отпуск в Англию и застрял там. Эскадронный командир, перевернув вверх дном тарелку, на которой он ел мясо, только что положил себе на чистое донышко ломтик сладкого пирога и хотел разрезать его, как с его ножом начало твориться что-то странное. Прервав свои

жалобы на распущенность нынешних молодых офицеров, о какой в его молодые годы и не слыхали, эскадронный энергично выругался и воскликнул:

— Кой черт! Голова у меня кругом идет, что ли? Посмотрите, господа, на этот нож. Что с ним такое делается? Да вы помолчите немного, — глядите.

Нож, слабо двигавшийся вокруг по тарелке, остановился рукояткой к говорившему; затем, без всякого толчка, постепенно снова начал двигаться и поворачиваться до тех пор, пока не повернулся лезвием к эскадронному. Затем еще раз описал дугу в несколько градусов и вернулся назад, еще покачался немного и остановился совсем.

— Черт возьми. Ловко! — озадаченно вскричал капитан, почесывая в затылке.

— Как вы это ухитрились, Питер? А ну-ка, проделайте это еще раз.

Эскадронный снова повернул нож к себе рукояткой, и снова результат получился тот же.

Тогда все стали пробовать это на своих тарелках, и на шести различных тарелках шесть ножей после долгих качаний повернулись все лезвием в одну сторону. Один даже по пути очистил с тарелки прилипшие к ней крошки, мешавшие ему двигаться. В это время раздался голос доктора, тоже обедавшего с офицерами:

— Глядите-ка, ребятки. Мой нож лежит параллельно вашим, но лезвие направлено в другую сторону — туда, где у вас рукоятки.

Действительно, так это и было.

— А ну, попробуйте положить его иначе, — посоветовал военный инженер. — Боже мой! Смотрите! Что же это такое?

Докторский нож, положенный иначе, завертелся сам по себе с все возрастающей скоростью, описал полукруг и, показавшись, успокоился, только теперь лег лезвием в сторону, противоположную той, куда он раньше был направлен.

— Послушайте, господа, может быть, все мы пьяны?

Инженер набил трубку.

— Насколько я могу судить, это можно объяснить только одним — магнитным притяжением. Нож играет здесь роль

стрелки компаса. Как вам известно, стрелка компаса указывает не прямо на север, а на магнитный полюс. Возможно...

— Но, черт возьми, — перебил его старший офицер, — эти ножи указывают не на север, а на восток. Магнитный полюс ведь не на востоке.

— Верно, голубчик. Я и не говорю, что он на востоке. Я же только говорю, что где-то на земле произошел какой-то переворот, создавший, так сказать, местный магнитный полюс. И притом силы огромной и близко отсюда, ибо для того, чтобы заставить вертеться эти ножи, даже и на гладкой тарелке, магнитное притяжение должно быть очень сильным.

Как вы увидите впоследствии, догадка инженера была недалеко от истины.

Это был лишь один из многих тысяч мелких инцидентов, наблюдавшихся во Фландрии перед концом войны и, по большей части, оставляемых без внимания. Потом эти странные явления прекратились, и о них позабыли.

II

В марте, когда союзные армии готовились к большому общему наступлению, пошли странные слухи. Из окопов, французских и английских, приходили донесения о том, что германский огонь значительно уменьшился, что неприятель обнаруживает упадок духа, об огромном количестве сдающихся и перебежчиков. Дезертиры жаловались на дороговизну пороха и снарядов; шепотом рассказывали, что у Круппа на заводе что-то неладно. Не то он взлетел на воздух, не то разрушен неприятельскими летчиками, учинившими на него грандиозный налет.

Оптимисты уже шептали волшебное слово: *Рейн*. Пессимисты криво усмехались я говорили, что *это* они уже слышали раньше. Но люди, которые *знали*, которые оценивали факты с точки зрения фактов, а не газетных предпо-

ложений и выводов, за несколько дней до общего наступления переглядывались как-то странно. И за объяснением ходить было недалеко...

Я уже говорил, что на фронтах слабость сопротивления в одном участке уравнивалась более упорным противодействием на другом, так что, в общем, положение оставалось неизменным. Но так как война шла на истощение, знающие люди ждали постепенного <падения> сопротивления неприятеля вообще и, хотя старались подтолкнуть его отдельными удачно рассчитанными ударами, но все же знали, что оно наступит еще не скоро.

Но вот, — если только можно было верить ежедневно, почти ежечасно поступающим донесениям, — обнаружилось необычайное ослабление противодействия неприятеля. Моральный эффект, для получения которого при нормальных условиях потребовалось бы несколько месяцев, тут получился в несколько часов. И, вдобавок, причина была необъяснима. Нигде, ни на одном из театров военных действий германцы за последнее время не понесли решительного поражения.

И, наконец, настал день, — величайший день в истории человечества. Все подробности этого дня начертаны буквами в сердце Мира, и я только вкратце напомним факты. Великое совместное наступление России, Италии, Франции и Англии, которому предшествовал убийственный ураганный огонь па всех фронтах, началось в 3 часа пополудни 15 марта 1917 года и мгновенно, словно телепатическим путем, на всех фронтах, — кроме только итальянского — все, до одного человека поняли, что конец настал — *Германия разбита*.

В течение нескольких часов неприятель бойко отстреливался, затем вдруг перестал. Казачьи войска преследовали бегущих германцев на восточном фронте; на западном французы и англичане миллионными армиями продвигались вперед беспрепятственно. Это было уже не продвижение на четыре или на двадцать километров; нет, германцы повсюду обратились в беспорядочное бегство. В двух-трех местах только они оказывали упорное сопротивление, но

оно, разумеется, было раздавлено. В вершине железнодорожного узла Ла-Бассей рота прусских гвардейцев отказалась сдаться и, перебив вчетверо больше своего состава, полегла вся до одного человека. А офицер, командовавший ею, застрелился в момент появления шотландской резервной дивизии — и был похоронен с подобающими воинскими почестями.

И так было на всех фронтах. Воспитанное прежними опытами убеждение, что с одной пехотой ничего не поделаешь и при каждом продвижении вперед надо ждать, пока будут поставлены на новые позиции тяжелые орудия, не оправдалось. Тяжелая артиллерия осталась позади в этом стремительном наступлении и, однако ж, оно шло успешно. Кавалерия предпринимала лихие объезды и заезды, разрезала неприятельские ряды, как бумагу. Наступление приняло такой бурный характер, что пришлось сдерживать войска, чтоб они не вышли из-под контроля... Тогда генеральные штабы союзных держав еще не верили, что с германцами действительно покончено, и опасались ловушки...

Распространяться не стану — факты у всех еще свежи в памяти — это была победа, полная и несомненная — Победа такая, о какой не мечтали и наибольшие оптимисты. Словно, действительно, сам Господь Сил вмешался, чтобы прекратить эту страшную бойню. Этого и назвать нельзя было иначе, как чудом. Ибо, когда война окончилась и стали доискиваться причин, изумленный мир убедился, что нелепые слухи, передаваемые германскими перебежчиками, были верны. Крупп был стерт с лица земли; Эссен превращен в груды трупов и железного лома.

Единственное мое желание — правильно изложить факты, хотя бы это и разбило неверные толкования многих. Теперь, когда человек, прекративший войну, умер, нелепо было бы далее скрывать истину. Тайна его умерла вместе с ним; быть может, кто-нибудь раскроет ее. Он натолкнулся на нее случайно, и сразу, со свойственной ему живостью ума, понял, какое огромное может иметь она значение.

Один — ибо правительствам он не доверял — один, одиночно, он выполнил свой замысел, без надежды на наг-

раду, только потому, что война была ему противна. И, когда сделал это и понял, что он сделал, когда осознал факт, что, хотя война и прекратилась, одним тем, что он смешал два порошка и полил их водой, он отправил на тот свет десятки тысяч мужчин, женщин и детей, — когда все это дошло до его сознания, он помешался. И в лечебнице, куда его поместили, часами сидел на полу, играя песком и водой. Он был совершенно безобиден и, так как часто говорил о Круппе, все думали, что его свели с ума детали титанической картины гибели этих заводов. Но через полгода он пришел в разум — почти так же внезапно, как и утратил его — и от его душевного недуга осталась лишь глубокая меланхолия и страх, преследовавший уже до конца его жизни.

В эти последние полгода своей жизни он и поведал мне истицу.

III

— Я думаю, и вы такой же любопытный, как все люди, — заметил неожиданно Росситер, так сказать, ни к селу, ни к городу, закуривая сигару, — и вам хотелось бы знать, что, собственно, случилось с Крупном. Признайтесь.

Мы обедали вместе в «Элит-Отеле».

— Бог мой! С чего это вам вздумалось вернуться к этой старой теме? — вскричал я, не без тревоги вглядываясь в него: быть может, он снова на границе сумасшествия.

Мервин Росситер поглядел на меня и слегка улыбнулся; глаза его блестели под очками; руки слегка дрожали.

— Какая же тут может быть причина? — продолжал я. — Случайность. Небрежность рабочих. Не могу же я, в самом деле, предполагать тут непосредственное вмешательство высшей власти.

— Вы ошибаетесь, — возразил он. — Это была не случайность. И не небрежность. Это было — *дело моих рук*.

— Ну, конечно, конечно, старина, — поспешил согласиться я и кивнул лакею, чтобы он подавал счет. Очевидно, ду-

мал я, старый недуг его возвращается и, хотя Росситер был и в болезни спокоен, все же не место сумасшедшему в столовой большого отеля.

— Вы мне не верите? Он говорил без малейшего волнения. — Я знаю, что последние четыре года я был не совсем нормален; мы, помешанные, — он криво усмехнулся, — знаем иной раз больше, чем думают наши сторожа. Но те-

перь я вполне здоров.

— Голубчик мой, конечно...

Он перебил меня:

— Хотите, я покажу вам маленький эксперимент?

Он пошарил в кармане брюк и вынул оттуда небольшую, плотно закупоренную трубочку-пробирку, какие употребляются при всяких химических опытах, и осторожно положил ее на стол перед собой. Она была до половины наполнена светло-желтыми мелкими кристалликами.

Затем подозвал проходившего мимо лакея.

— Принесите мне немного соли — только самой обыкновенной соли, без всяких примесей.

Лакей сказал, что он не уверен, найдется ли такая, но что он спросит на кухне.

— Благодарю вас, — Росситер откинулся на спинку стула. — И еще, пожалуйста, немного простой воды в стакане.

Лакей ушел. Росситер слегка усмехнулся, глядя на меня.

— С помощью этих двух простых ингредиентов и *вот этого*, — он указал на трубочку, — я уничтожил Круша.

Это было сказано необычайно просто; неудивительно, что на лице моем изобразилось недоверие.

— Вы полегче, Росситер. Я человек сырой.

Он сразу стал серьезен.

— Я знал, что мои уверения покажутся вам дикими. А между тем, я говорю вам правду, истинную правду. Погодите. Сами увидите, — он умолк и тихонько забарабанил пальцами по скатерти.

Помимо воли, я начинал поддаваться его влиянию. Возможно ли, что он говорил правду, что он не сумасшедший, не жертва собственных галлюцинаций?

Лакей принес воду и соль. Росситер всыпал две чайных ложечки в стакан и начал их размешивать.

— Сейчас я произведу маленький опыт. Восстановлю для вас в миниатюре то, что я сделал в марте 1917 года. Результаты будут неопасны — скорей, даже забавны... Как вам известно, я всегда увлекался химией... Еще до войны я изучал свойства двух-трех довольно редких соединений вольфрама. И во время своих изысканий, случайно наткнулся на от-

крытие, результатом которого был вот этот желтый порошок. Он состоит из нескольких солей, в основе которых лежат металлы: сурьма и вольфрам; точный состав и пропорциональность частей известны только мне. И я совершенно серьезно утверждаю, что мое случайное открытие может перевернуть, да и перевернет весь мир. Затруднение только в том, что наилучший способ применения этой колоссальной силы умрет со мной.

Он умолк и задумался, помешивая воду с солью. Но я уже не мог спокойно ждать. На этот раз я очень заинтересовался.

— Вам известны принципы магнетизма? — неожиданно заговорил он снова. — Если вы спросите первого встречного на улице, что такое магнетизм, он, вероятно, скажет вам, что это свойство некоторых предметов притягивать к себе другие, сделанные из железа или стали, без всякой видимой причины. Иными словами, что это невидимая сила, действующая на расстоянии, через воздух. Если вы предложите тот же вопрос ученому, — он насмешливо хихикнул, — он скажет вам немногим больше.

Мы еще очень мало знаем об электричестве и магнетизме. Мы подчинили их себе; знаем, что они управляются известными законами; знаем также, что в них скрыты огромные возможности, которых мы не можем использовать, потому что они за пределами нашего знания. Завтра, быть может, мы будем знать то, что сегодня для нас запечатанная книга, но каждый раз имеется неведомое «завтра»...

Однако, к делу... Вы, вероятно, знаете — это общеизвестный факт — что некоторые местности богаты магнитной рудой и в таких местах компас становится ненадежен и уже не указывает на магнитный полюс. Ну, так вот, однажды, у себя в лаборатории, мне почему-то захотелось взглянуть на компас, который я ношу в виде брелока на часах, и, к изумлению своему, я заметил, что стрелка его указывает на восток. Я перешел через комнату — стрелка снова указывала на юг. Очевидно, на другом конце комнаты было что-то, неведомое мне и вызывавшее отклонение магнитной стрелки. Вы слушаете меня?

Я нетерпеливо кивнул головой. Я слушал жадно.

— С компасом в руках, внимательно следя за стрелкой, я обошел всю комнату. Все время стрелка указывала на юг, пока я не дошел до ниши в одном из углов, где она начала вертеться, как бешеная. Как бы я ни повернул компас, стрелка все время поворачивалась острием к небольшому количеству грязно-желтого порошка, лежавшего посредине бассейна с водой.

Вначале это забавляло меня, но вскоре живо заинтересовало. Я понял, что я на пути к важному открытию. Не стану докучать вам подробным рассказом о моих опытах и изысканиях, длившихся многие месяцы, о моих удачах и неудачах, которые я претерпел, прежде чем получил вот *это*. — Он постучал по трубочке. — Когда я осознал всю важность моего открытия, мне стало жутко. В моих руках была такая сила, что страшно было даже представить себе все возможные в ней возможности. Не знаю, как и назвать ее, если не Концентрированная Сущность Магнитного Притяжения.

Он снова раскурил потухшую сигару.

— Так ли я вас понял? — немного недоверчиво переспросил я. — Вы хотите сказать, что в этой трубочке заключена сила, способная выбрасывать волны магнитного притяжения в степени, несравнимой с притяжением магнитной субстанции соответствующего объема? Да?

— Вот именно. Больше того. Хотя тут очень трудно высчитывать, я вычислил, что магнитное притяжение вот этой щепотки порошка в пятьсот миллионов раз больше притяжения наиболее сильного, известного науке, магнита равного объема.

Я смотрел на него в безмолвном изумлении. Если это правда, даже я, профан, мог предвидеть, какие это могло иметь последствия.

— Сейчас я докажу вам это. — Он осторожно вынул из пробирки немного потускневшую пробочку и влил туда две ложечки соляного раствора, тотчас же закупорил ее снова и тихонько встряхнул.

— В самом начале своих опытов я понял, что, произво-

дя опыты с такой силой, я должен прежде всего найти способ эту силу обузывать — иными словами, субстанцию, которая могла удерживать ее в замкнутых пределах. И нашел. Эта трубочка *не* из стекла, хотя и кажется стеклянной — она из того же состава, но с большой примесью бария, почти не пропускающего эманаций магнитного притяжения. Притом же, пока соли сухи, они неопасны: опасность начинается с момента смачивания их соляным раствором.

Он вынул перочинный ножик из кармана, открыл его и положил на стол.

— Как вы сейчас увидите, эта трубочка, однако ж, не совсем непроницаема — и в том виде, как она есть, с пробкой и закупоренная, она является сильным магнитом. — Он слегка приблизил ее к ножичку и лезвие тотчас подскочило и прилипло к ней, как стальная проволока. — Но вот, когда мы вынем пробку, — он усмехнулся, как проказливый школьник, — тогда начнется потеха. Воображаю, как публика перемолнется!..

Росситер вынул пробку, прикрыв отверстие ее мизинцем и, без предупреждения, повернул ее ко мне. И я мгновенно почувствовал, словно меня тянут за карман брюк и чем дальше, тем сильнее тянут. Сзади меня звякнули упавшие ножи, стальная цепочка из гибких звеньев, к которой было прикреплено мое маленькое портмоне для золотых монет, выскользнула у меня из кармана и стала горизонтально в воздухе. Затем цепочка опустилась и приняла нормальный вид.

— Я закрыл трубочку пробкой, — пояснил Росситер. — Ну, как вам нравится такая шутка?

— Боже МОЙ! Это невероятно! — пробормотал я. — Меня точно кто-то изо всей силы тянул за цепочку, прикрепленную к моему карману. Послушайте, вы будьте осторожны.

— Сейчас я подойду к оркестру, — сказал Росситер, расшалившись, как школьник.

Первое, что произошло — это то, что все пюпитры с треском опрокинулись, и ноты разлетелись во все стороны; некоторые задержались, уткнувшись в стулья или в музыкантов, и некоторое время раскачивались, как пьяные, по-

том повалились и растянулись на полу.

Затем внимание наше привлёк яростный крик одного из посетителей, накинувшегося на лакея, — зачем тот залез ему в карман: очевидно, с ним случилось то же, что и со мной. Полная дама за соседним столиком сердито уверяла, что кто-то пытается раздеть ее — очевидно, ее навело на эту мысль стремление крючков и петель, которыми застегивался футляр ее увесистых туфов.

Все ножи потянулись через столы к силе, притягивавшей их, и попадали па пол; некоторые и по полу тянулись к нам, пока им не преграждало путь какое-нибудь препятствие. В то же время, свет ламп начал тускнеть. Какая-то женщина взвизгнула и, словно по сигналу, все вдруг прекратилось. Лампы по-прежнему горели ярко; ножи перестали вертеться; толстая дама успокоилась; музыканты подобрали свои ноты, а пюпитры уже не опрокидывались. Мервин Росситер снова закупорил трубочку.

— Ради Бога, Росситер, не повторяйте этого — не то вы вызовете панику, — взмолился я.

Вокруг нас были испуганные лица; ресторан имел такой вид, словно через него пронёсся тайфун; всюду оживленно комментировали происшедшее...

— Расплачивайтесь и пойдём, — хрипло выговорил Росситер. — Вы видели потеху — идемте ко мне на квартиру, я вам расскажу нешуточные вещи.

Глаза у него были усталые...

Всю дорогу мы не сказали ни слова. Долговязый Росситер шагал с невероятной быстротой; занятый своими мыслями, я молча следовал за ним. Мне и теперь не верилось, что я сейчас услышу разгадку тайны, занимавшей всю Европу. И, однако же, странная сцена, разыгравшаяся на моих глазах, могла подготовить ко всему... Придя домой, Росситер зажег электричество и молча опустился в кресло... Не сразу он заговорил:

— Если не ошибаюсь, это было 20 февраля 1917 г. Я выехал из Англии на пароходе, идущем в Амстердам, — дрожащими пальцами он набил трубку. — Очень трудно было выбраться из Англии, но я все-таки ухитрился и день прошел

без приключений. Проклятая война длилась уже два с половиной года и могла затянуться еще на два, и я решил попробовать остановить се... И для этой цели взял с собой десять фунтов редкостной вольфрамовой соли, заключающей в себе часть порошка, который вы только что видели. Другой ингредиент, я знал, можно было добыть на месте. Если б я сказал кому-нибудь, что еду разрушать заводы Крупна, меня посадили бы в сумасшедший дом. И я никому ничего не сказал.

Взял я с собой еще створчатую ширмочку из того же вещества, как и пробирка. После многих мелких приключений я, наконец, добрался до Арнгейма, города, находящегося в 10 милях от германской границы. Натурально, голландские жандармы следили за мной, но, так как я не делал ничего подозрительного, меня не трогали.

Повторяю, город, куда я прибыл, стоял на 10 миль от германской границы, ближайший в Голландии к Эссену. Крупновские заводы находилась на расстоянии пятидесяти миль.

26-го февраля в 9 часов утра я пошел к себе в спальню и, поставив трехстворчатую ширмочку так, чтобы открытой стороной она стояла к юго-востоку, полил свои ингредиенты соляным раствором. А затем сидел и ждал четыре дня, после чего сжег магнитные порошки и уехал обратно в Англию. Я не знал, что было бы достаточно и четырех часов, и даже четырех минут...

Он долго смотрел в огонь невидящими глазами, потом встал, подошел к письменному столу, отпер один из ящиков и достал оттуда какую-то бумагу.

— Здесь перевод отчета о том, что произошло. Он собран по кусочкам, из рассказов многих очевидцев, которым удалось спастись. Прочтите.

Он подал мне бумагу, сам же снова опустился в кресло и уставился в огонь.

Документ был озаглавлен: «*Катастрофа на заводах Крупна*». Воспроизвожу его слово в слово: он лежит передо мной в то время, как я пишу.

«Нижеизложенные факты установлены показаниями очевидцев, присутствовавших при ужасающей катастрофе на заводах Круша 26-го февраля, в день посещения заводов его императорским величеством Вильгельмом II — катастрофы, несомненно, бывшей причиной полной капитуляции германской армии несколько недель спустя.

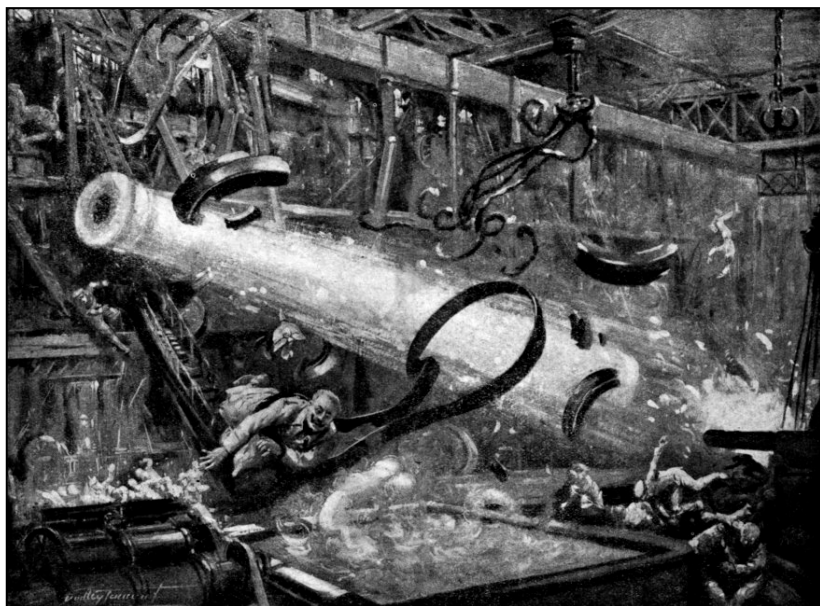
Около полудня Кайзер наблюдал один из процессов изготовления тяжелого полевого орудия. Подвешенная на цепях, снизу опираясь на лежни, гигантская пушка, раскаленная докрасна, недвижно висела в воздухе, и августейший посетитель с интересом следил за возившимися около нее пигмеями-людьми.

И тут произошло нечто ужасное. Внезапно, как бы охваченная невидимой силой, пушка повернулась вертикально, придавив нескольких рабочих, умерших тут же на месте; затем подпрыгнула кверху, как будто кто-то дернул цепь. Почти тотчас же цепь оборвалась, и вся эта громада с глухим грохотом упала на пол. Почти одновременно с этим, гигантское маховое колесо сорвалось с приводных ремней, упало и разбилось на тысячу кусков, разлетевшихся во все стороны, ударяясь о стены, словно осколки снаряда.

Один из рабочих, чудом спасшийся от смерти, уверяет, что причиной смерти императора был приводной ремень того самого махового колеса. Этот ремень, когда колесо выпало из него, взвился на воздух благодаря необычайной скорости вращения, сохраняя свою эллиптическую форму. Ударившись об пол, он запрыгал, как живой чертов мяч. И, должно быть, в один из прыжков обвился вокруг тела императора и, отшвырнув его от всех, стоявших рядом, бросил в котел с кипящим маслом. Без сомнения, смерть последовала мгновенная...

По всем направлениям носились в воздухе массы железа, падали и давили людей. Крики жертв сливались в общий стон. В течение каких-нибудь пяти минут все мастерские в Эссене пришли в такой же вид: всюду разыгралась

та же катастрофа. Вдобавок, всюду катастрофа закончилась пожаром.

Но худшее еще впереди. Два больших гироскопа, весом каждый в две-три тонны, сорвались с привязей и покатились с все возрастающей быстротой по направлению к северо-западу, продолжая вертеться вокруг своей оси и потому сохраняя стоячее положение. Первый уничтожил на своем пути ряд домов, разрезая стены, как нож масло, разрезая надвое обезумевших людей, не успевавших отскочить и, наконец, разлетелся в куски, повалив церковь, о которую он с разбега ударился.

Второй докатился таким же манером до фабрики, на которой было сложено несколько тысяч тонн взрывчатых веществ. Что тут произошло, наверное никто не знает, так как единственный уцелевший свидетель этого сошел с ума. О силе взрыва может дать понятие тот факт, что дома, находившиеся на расстоянии двухсот миль оттуда, тряслись и некоторые обрушились.

В Эссене не осталось ни одного целого дома, а пожары, начавшиеся с заводов, скоро уничтожили и далекую от фабричной часть города. Тушить их было некому: люди с испуга обезумели и уж не думали о том, чтобы спасти имущество...

Мужчины и женщины, с безумными глазами, в один день поседевшие, с трясущимися руками и дрожащими ногами, бродили вокруг пожарищ, чудом спасенные от смерти для жизни, худшей, чем смерть.

В одном Эссене погибли четыреста тысяч мужчин, женщин и детей. В тот же день произошли подобные инциденты и в других частях района, но все это не могло сравниться с катастрофой на заводах Круппа. Поезда сходили с рельс; пушки опрокидывались; в западной и северо-западной части Германии все заводы перестали работать; близ голландской границы большой стальной мост без всякой видимой причины обрушился в реку.

Всего погибли, от той же неведомой причины, которая уничтожила заводы Круппа в Эссене, по точному подсчету, не менее пятисот тысяч человек.

Причина всех этих бедствий так и осталась неразгаданной. Что она была естественной, в том не может быть сомнения; несомненно также, что в ней было замешано электричество... Остальное — только догадки и предположения. Еще подмечены два странных факта, которые, однако же, не разъясняют, а только затемняют тайну.

Во-первых, атмосферические расстройство, по-видимому, усиливались в напряженности по мере приближения к голландской границе: например, ребенок был убит ножом, вонзившимся ему в сердце, причем нож сам сорвался со стола, а между тем, в нескольких милях по *ту сторону* от голландской границы ничего подобного не происходило.

Во-вторых, 30-го февраля все эти странные явления внезапно прекратились».

Я поднял глаза от документа, который прочел, и встретил мрачный взгляд Росситера.

— Боже мой! — растерянно пробормотал я. — И все это сделали *вы*?

— Ну да, я. Разве я плохо сделал?

— Бог ведает! Это первый правдивый рассказ о случившемся, который мне довелось прочесть.

— Да, немцы всячески старались затушевать это. Я получил это от одного моего приятеля, ученого, из Берлина. Народ остался в убеждении, что сам Бог вмешался в это дело, чтобы низвергнуть Гогенцоллернов. Да, кажется, и при дворе были того же мнения.

Мы просидели далеко за полночь, обсуждая случившееся.

— Женщины! — говорил Росситер. — Подумайте о женщинах и детях! Сотни тысяч их погибли из-за меня. Мне мерещатся их лица, день и ночь... Я не могу забыть о них...

Я ушел от него уже под утро. Он остался сидеть над потухшими угольями, согбенный, как дряхлый старик...

Через две недели после того он умер, и смерть его дает мне право опубликовать истину. Странная ирония судьбы: в то время, как на воинов и дипломатов сыпались награды и изъявления признательности, человек, который на самом деле прекратил войну и дал нам победу, покоится, никем не оплакиваемый и не прославляемый, на безвестном деревенском кладбище.

И тайна его спит с ним в могиле, поросшей молодой травкой.

JULY, 1917

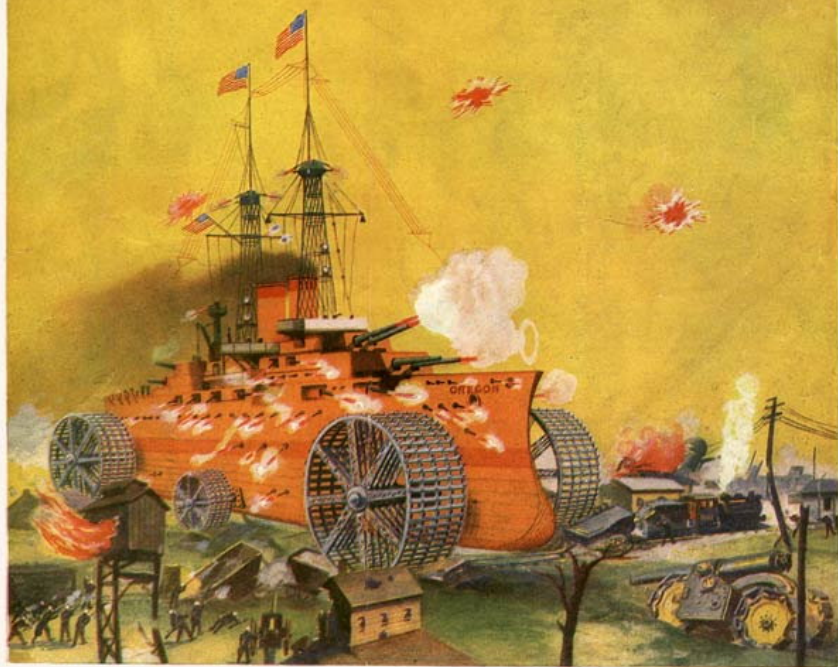
15 CENTS

The Electrical Experimenter

POPULAR ELECTRICAL NEWS ILLUSTRATED

OLD U.S. BATTLESHIPS
TO THE FRONT

SEE PAGE 170

LARGEST CIRCULATION OF ANY ELECTRICAL PUBLICATION

Д. Мидос

КАК ОНИ ПРЕКРАТИЛИ ВОЙНУ

История одного необычайного изобретения

I

— Война? — с добродушной улыбкой сказал старик Грейстон, — нет, войны не будет. Я прекращу ее.

Карнэби, сидевший напротив, посмотрел на него недоверчиво. Но он хорошо знал, что старик не хвастун и не бросает слов на ветер, и чутье подсказывало ему, что тут пахнет сенсационнейшей заметкой для его газеты.

II

Карнэби был журналист и притом неудачник. Он ждал, как манны небесной, этой войны между Францией и Германией, надеясь выдвинуться в качестве военного корреспондента, создать себе имя и положение, так как только при таких условиях он мог рассчитывать жениться на Эллен.

Но скрытого таланта мало. Редакторы имеют привычку судить по результатам, а Карнэби пока еще ничем не выдвинулся и, когда редакция стала выбирать военных корреспондентов для отправки их на театр военных действий, о Карнэби никто и не вспомнил.

Надежда выдвинуться улыбнулась, а с ней и мечты о женитьбе на Эллен.

В этот день он ушел из редакции «Утренней почты» совсем убитый, согнувшись под бременем своего горького разочарования, и на улице встретился с Грейстоном.

Курьезный старичок был этот Грейстон, маленький, толстенький, с седенькими бакенбардами; на носу очки в золотой оправе, на голове какая-то невозможная шляпа и костюм под стать ей, а на губах милейшая, добродушнейшая улыбка.

Жизнь свою он проводил в изобретении каких-то чрезвычайно сложных приборов, творящих чудеса, но, увы, таких дорогих, что никто не решался пользоваться ими. Но Грейстон не огорчался этим. У него было недурное состоя-

ние и большой старый дом возле Барнета и он изобретал по страсти, а не по нужде, не заботясь о барышах.

Он сразу заметил удрученный вид Карнэби и необычайную сутуловатость его могучих плеч, и его широкое лицо расплылось в благодушную улыбку.

— Вы сейчас ничем не заняты? Зайдите ко мне выпить рюмочку виски и выкурить сигару.

III

— Что вы такое говорите? — спрашивал Карнэби. — Как это так: «остановить войну»? Германия поставила ультиматум, срок которого истекает завтра в шесть часов утра. Обе армии уже на границе: Леблан — в Реймсе, Турасье — в Нанси, немцы — в Страсбурге и Мюльгаузене. И флоты также: эскадра под начальством адмирала принца Фридриха идет к голландским берегам, — она уже возле Гааги. Эскадра Ламоньера — на пути к Средиземному морю. Сейчас она уже, наверное, за Шербургом. Не пройдет и трех часов, как разыграется сражение.

— Я остановлю их до рассвета, — возразил Грейстон так спокойно, как будто он говорил о том, что ему надо попасть на поезд. Если желаете Карнэби, едемте со мною и вы увидите, как это делается. И поместите в вашей газете такую сенсационную статью, какой не удалось еще написать ни одному журналисту.

Он заметил, как заблестели глаза Карнэби, и улыбнулся еще добродушнее.

— Я предлагаю это вам потому, что вы мне нравитесь. И я думаю, что, если вас немножко подтолкнуть, — вы можете выдвинуться.

Он поднялся с кресла.

— Пожалуйте сюда.

Он отпер шкаф и вынул из него два тяжелых непромокаемых, подбитых кожей пальто с капюшонами — и две пары выпуклых очков, какие надевают для езды в автомо-

биле. Молча он подал один костюм Карнэби и сам надел другой. Затем повел его в сад.

Карнэби шел за ним, заинтересованный, безмолвный, не понимая, в чем дело и продолжая не доверять. Но, когда они вышли на воздух, у него невольно вырвался крик удивления!

На широкой лужайке, тянувшейся позади дома, стояли на якоре два больших серых дирижабля. В полумраке Карнэби смутно различал темные фигуры людей в гондолах, подвешенных под цилиндрическими мешками, наполненными газом.

— Это мои любимые игрушки, — махнув рукой в сторону их, пояснил Грейстон.

Карнэби уцепился за себя, чтобы убедиться, что он видит это не во сне. Но дирижабли, действительно, были на месте, и Грейстон, добродушно улыбаясь из-под капюшона, жестом приглашал его сесть в ближайшую гондолу.

Они уселись оба. Загудела машина, отрубили якоря, зажужжали пропеллеры, раздался оглушительный рев. Карнэби вдруг показалось, будто земля провалилась куда-то в бездну, оставив его висящим в воздухе.

Он осмотрелся кругом. Слева доносился издали треск пропеллера второго дирижабля, но сам воздушный корабль в темноте был невидим. На заднем конце хрупкой лодочки, в которой он сидел, человек пять возились над какой-то загадочного вида машиной, все время издававшей глухое жужжание. Впереди него сидел пилот, не снимая рук с руля, поглядывая то на компас, то на иллюминированную карту, постепенно развертывавшуюся по мере того, как воздушный корабль совершал свой путь. А рядом с ним сидел Грейстон, и лицо у него было торжествующее.

— Я вам сейчас объясню, Карнэби, что мы будем делать. Вы понимаете, что эту войну прямо-таки необходимо прекратить в самом начале. Иначе произойдет такая катастрофа, какой еще не знала история. Ведь тут не одни только Германия и Франция. Тут, рано или поздно, в войну вмешаются все великие европейские державы — Россия и Австрия, Италия и Англия. Вы только представьте себе, что это

будет за колоссальная резня. Очень скоро в войну будет втянута вся Европа.

— Но как же вы можете остановить ее? Как вообще можно остановить войну? Война — дело стихийное. Третейский суд? Но ведь это уже было им предложено, и обе стороны отказались. Как же можно заставить их?

— Над этим вопросом уже столетия ломают себе голову государственные люди. Но если государства ведут себя неблагоразумно, с ними надо поступать, как поступают в таких случаях с частными людьми.

— Я понимаю вашу мысль, — задумчиво сказал Карнэби. — Мировая полиция, которая хватала бы за шиворот державы, как хватают обывателей, когда они вступают в драку? Но ведь это химера. Этого вы не добьетесь. Между державами слишком много зависти и соперничества, чтобы они решились предоставить одной из них такую власть.

Грейстон кивнул головой.

— Совершенно верно. Поэтому власть должна взять в руки не какая-нибудь держава, а отдельная личность, гражданин мира, вроде меня, которому война ненавистна и который готов остановить ее любой ценой. И у него должно быть оружие, которым он может разнять дерущихся, но такое оружие, которого нельзя было бы пустить в ход с целью нападения — именно дубинка полицейского.

— Но это невозможно.

— Возможно, дорогой мой. Вот оно, это оружие — здесь, в моих руках. Еще часок-другой, и вы увидите его на деле.

Он громко позвал:

— Телеграфист!

Вперед выдвинулась темная фигура.

— Пошлите депешу.

Телеграфист поднял крышку углубления, где помещался аппарат для беспроводного телеграфирования, и сел, обхватив пальцами клавиши передаточного аппарата.

«Примус — Секундусу, — лаконически диктовал Грейстон. — От Нью-Гэвена летите по направлению к Дьешпу. Посмотрите, где находится германский флот».

Клавиши аппарата щелкали с невероятной быстротой. Затем наступила пауза. Немного погодя, телеграфист обернулся к Грейстону.

— Секундус говорит: будет исполнено, сэр.

Треск пропеллера другого шара доносился все слабее и, наконец, затих вдали.

— Держите курс на Литтлгэмптон, — сказал Грейстон пилоту, — а оттуда прямо на юг.

День занимался над Ла-Маншем. Холодно поблескивали серые гребни валов; предрассветный холод щипал лицо; дирижабль летел низко над водой и, кроме гудения пропеллера, не было слышно ни звука.

С запада надвигалась военная эскадра, три длинных колонны огромных серых броненосцев. Над трубами вился тонкий дымок.

— Французы! — взволнованно вскрикнул Карнэби.

— Ну-ка, посмотрите на них повнимательнее в этот бинокль. Что они делают?

— Очевидно, готовятся к бою.

Грейстон, слегка вздрогнув, повернулся лицом к востоку.

Там, на горизонте, в 20 милях отсюда, невидимо для французов, но уже в поле зрения находящихся на дирижабле, на всех парах шла немецкая эскадра.

— Посмотрите хорошенько, не увидите ли над ними Секундуса? — сказал Грейстон.

Карнэби с трудом разглядел в бинокль высоко в небе темное пятнышко над немецким флотом.

— Отлично. Торп справится с немцами один. Славный малый этот Торп. Телеграфист!

Телеграфист мгновенно очутился на своем посту.

— Посылайте депешу: **«Начальник Мировой Полиции адмиралу Ламоньеру. Запрещаю вам нападать на германский флот. Возвращайтесь немедленно в Брест и становитесь там на якорь, иначе вы будете лишены возможности действовать»** .

Снова защелкали клавиши; затем наступила долгая пауза.

— Не отвечают, сэр, — доложил телеграфист.

— Нет? Должно быть, думают, что я с ума сошел. Ну что ж, сами виноваты. Пусть будет по-ихнему.

Грейстон встал и направился к загадочной машине, помещавшейся на другом конце гондолы.

Карнэби вскочил, кинулся вслед за ним и схватил его за руку.

— Грейстон! Что вы хотите делать?! Неужели перебить их всех?

Лицо Грейстона расплылось в улыбку.

— Конечно, нет, голубчик. Мое оружие совершенно безвредное. Это просто-напросто сильнейший магнетический ток. Все уверяли, что это невозможно, а вот я достиг этого. Мой механизм так мал и легок, что его можно поместить на дирижабле, а между тем, он силы непомерной. Стоит мне пустить ток, чтобы намагнетизировать все остальные предметы, находящиеся в пределах радиуса действия этого магнетического тока; и все, что сделано из стали, придя между собой в соприкосновение, слипается с такой силой, что разъединить две слипшиеся части можно было бы только взрывом.

— И значит...

— И значит, как только я пущу ток, поршни в машинах перестанут двигаться, винты вертеться, и корабли мгновенно остановятся. Орудия потеряют силу, так как ядра прилипнут к дулу, и нельзя даже будет зарядить их.

— Господи Боже!

— Переведите вот эту стрелку, — сказал Грейстон.

Загадочная машина вдруг издала пронзительный свист. Гондола дирижабля нырнула, словно лодка, зарывшаяся носом в волны. Карнэби был сбит с ног. Грейстон очутился на другом конце гондолы. Затем она выпрямилась, но продолжала вся дрожать от носа до нормы.

— Боже мой, смотрите, смотрите! — крикнул Карнэби, перегнувшись через борт гондолы.

Первые броненосцы сразу замедлили ход, завертелись на месте, как иглы компаса и, наконец, остановились так, что их носы указывали на север, а кормы на юг.

Задние суда восприняли ток не сразу и первое время

продолжали идти полным ходом. Карнэби, не отрывавший глаз от бинокля, видел, как на них бегала и суетилась команда, тормозя машины, чтобы избежать столкновения. Над машинным отделением пар валил из-под крышек предохранительных клапанов — единственные машинные части, которые не были приведены в бездействие.

Столкновения, к счастью, удалось избежать, и через несколько минут вся эскадра стояла на месте, беспомощно покачиваясь на волнах, и все суда были обращены носом на север.

При этом, так как все они были превращены в гигантские магниты, естественное притяжение между ними увеличилось в тысячу раз, и они постепенно придвигались один и другому, сбиваясь в кучу, как испуганные овцы.

Карнэби видел, как матросы хлопотали около орудий, сиюсья направить их на дирижабль. Но с орудиями, очевидно, ничего нельзя было поделать.

Вся эскадра была обезврежена и обессилена.

— И сколько же это времени они будут там стоять? — спросил Карнэби.

— Ровно 24 часа, — сказал Грейстон. — За это время я надеюсь образумить оба правительства. Отметьте, если желаете, что радиус моего магнетического тока — 12 миль вниз и по диагонали. Мне надо было устроить так, чтобы он не действовал ни вверх, ни в горизонтальном направлении, не то и мои собственные машины остановились бы.

— Деша с Секундуса, сэр, — доложил телеграфист. — **«Немецкий флот замagnetизирован и обезврежен. Лечу дальше к немецкой границе»** .

— Хорошо, — сказал Грейстон и повернулся к Карнэби, весь сияя улыбкой.

— Ну-с, а теперь мы то же самое сделаем с враждующими армиями.

Дирижабль несся по воздуху с быстротой, изумлявшей Карнэби. Через два часа они были уже над франко-германской границей, возле самого Лилля. Впереди их, как гигантские стрекозы, реяли в воздухе аэропланы, высланные на разведку неприятельскими армиями.

— Не трогать их, — скомандовал Грейстон, — если только они сами не нападут на нас или не вздумают бросать бомбы. Спуститесь ниже: надо посмотреть, что делают солдаты.

Как только дирижабль приблизился к земле, навстречу ему понесся грохот орудий и треск ружейных выстрелов. Внизу передовая линия французской пехоты, занявшая длинную цепь холмов, усерднейшим образом обстреливала немцев, стоявших на расстоянии 1000 шагов от них. Позади тянулась двойная цепь солдат; еще дальше — темные массы резервов. В арьергарде порой вспыхивавшие огоньки и подымавшийся затем беленький дымок обозначали положение артиллерийских батарей.

Сражение только еще начиналось, но местами в рядах стреляющих были уже пробелы и люди лежали распостертыми на траве.

— Куда же девался Секундус? — сердито допытывался Грейстон, впервые проявляя раздражение.

— Я не вижу его — ах, нет — вот он — как раз над немецкой армией.

— Отлично. Телеграфист, велите Секундусу пускать ток. Мы не можем тратить времени на предупреждения. Теперь не до учтивостей. Передвигайте стрелку.

Снова раздался свистящий звук, и снова гондола нырнула носом, но на этот раз сидевшие в ней были уже приготовлены.

А внизу разыгрывалась еще более изумительная сцена, чем во время магнетизации флота. Ружейная пальба и грохот пушек мгновенно смолкли, словно по мановению волшебного жезла. Курки не взводились, орудия не действо-

вали.

Карнэби был недостаточно близко, чтобы разглядеть лица солдат, но позы их выражали полное недоумение. Он увидел, как офицеры делали знаки солдатам, приказывая им стрелять, а те в ответ растерянно указывали на непослушные ружья.

Вдоль линии аванпостов скакал верхом офицер, очевидно, отдавая приказ «ударить в штыки» — но штыки не вынимались из футляров. Офицер, видимо, силился выхватить собственную пашку из ножен, но и пашка не вынималась. И его поза, выражавшая полное изумление и отчаяние, была почти комична. Правда, можно было бить неприятеля прикладами, но для этого люди слишком растерялись.

Тем временем, Грейстон неистово телеграфировал в главные штабы действующих армий и в военное министерство в Париже, приказывая немедленно вернуть войска обратно, а по другую сторону границы Торп с Секундуса телеграфировал тот же приказ в Берлин.

Вскоре за тем начал работать беспроволочный телеграф между Парижем и Берлином, между военными министрами и главнокомандующими; а дирижабли парили над замолкшими орудиями, готовые, в случае надобности, снова выбросить парализующий ток или же лететь к Парижу и Берлину и привести в бездействие все машины в обеих столицах.

Так шли часы. Наконец, возле линии французских аванпостов показался всадник. Это был вестовой с писанным указом об отступлении. Солдаты закинули за плечи свои бесполезные ружья и повернули обратно, молча, без веселых песен, обыкновенно сопутствовавших французской армии. Люди были слишком огорошены даже для разговоров.

Вдали Карнэби смутно различал плоские фуражки так же угрюмо отступавших немцев.

Зато лицо Грейстона сияло радостной улыбкой.

Франция и Германия, возмущенные, негодующие, захваченные врасплох этой внезапной напастью, которая словно саалилась на них с неба, не зная, какие неожиданности она

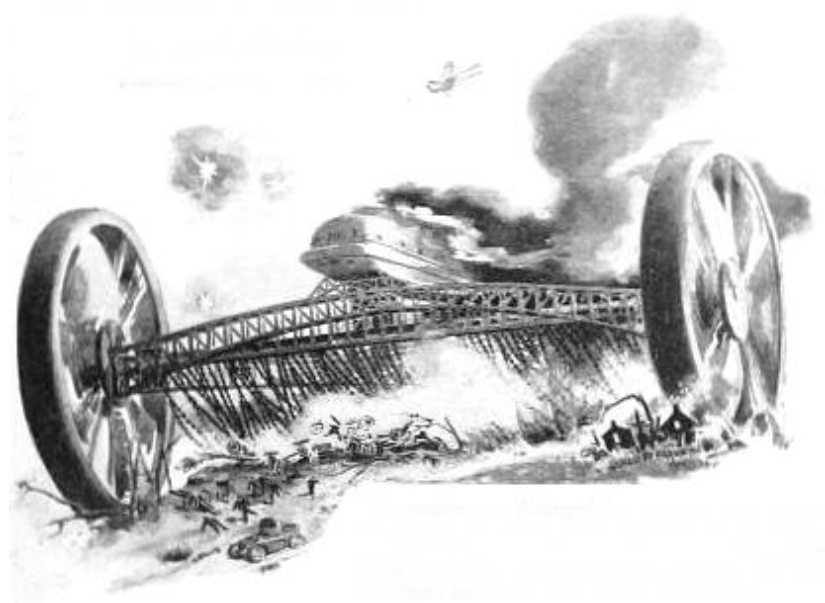
еще сулит им впереди, в бессильной злобе согласились передать свой спор на разрешение третейского суда. Грейстон прекратил войну в самом начале.

А Карнэби диктовал по беспроволочному телеграфу длинную депешу в «Утреннюю почту», где редактор иностранного отдела плясал от радости, крича:

— Карнэби! Боже мой, Карнэби! Да его надо посадить в палату лордов!

Никогда еще ни одна газета не расходилась в таком огромном количестве экземпляров, как этот номер «Утренней почты», единственной газеты, поместившей полный отчет о том, каким образом была прекращена война. На другой день не было человека в Лондоне, который бы не повторял с похвалой и сочувствием имени Карнэби.

Вот каким образом Карнэби завоевал себе имя, положение, гонорар, от которого он сам разинул рот — и, вдобавок, руку Эллен.

Приложения

С.

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ ИЗОБРЕТЕНИЯ

Как и все войны, лишь в значительно больших размерах, нынешняя великая война открыла целую эпоху изобретательного остроумия и находчивости.

Многое оказалось действительно практичным и выполнимым и уже нашло себе полезное применение; но еще большее количество изобретений по сложности замысла или его фантастичности должно быть отнесено к области курьезов. С некоторыми из них мы и познакомим читателей.

Для начала остановимся на шутовском проекте известного французского писателя Альфонса Алле, который предлагал покрыть броненосцы с наружной стороны сплошными зеркалами. Эти зеркала будут отражать весь окружающий океан, и неприятельское судно при приближении увидит в них и свое отражение, которое примет за другое судно своей же страны, почему и не станет стрелять. Снабженный же зеркалами броненосец, подпустив врага, расстреляет его с близкой дистанции в упор.

Другой проект имел в виду предохранение судов от сорвавшихся и блуждающих мин. Для этой цели подводная часть судна снабжается как бы чехлом из стальной сетки, состоящим из двух половин, вращающихся на шарнирах вокруг килевой линии. С помощью блоков эти сетки можно отодвигать от судна или приближать. При столкновении с миной страдает слегка только сетка. Изобретатель не принял в расчет, что чрезмерное расширение подводной части сильно замедлит ход судна.

Предлагалось также изобретение для отталкивания мин, выпущенных подводными лодками или миноносцами. Оно заключалось в том, что из открывающегося в носовой части люка по приближающейся мине выпускается мощная струя жидкости или сжатого воздуха. Несомненно, сильная струя способна отклонить направление мины, но она должна быть настолько велика, что она по принципу «отдачи» сможет зато дать судну задний ход, и оно рискует напороться на мину кормовой частью.

Часто изобретатели вместе с остроумием проявляют и утонченную жестокость. Так, один предлагал специальный вид «тарана-жала» для протаранивания подводных лодок

и одновременного отравления их экипажа удушливыми газами. Этот таран, впиваясь в лодку, автоматически открывает на своей поверхности отверстия, через которые внутрь лодки проникают газы. Для того, чтобы лодка не могла выскользнуть, пока весь экипаж в ней не погибнет, таран снабжен отогнутыми кзади когтями. Когда же лодка начинает тонуть, то, чтобы она не увлекла за собой и судно, таран, подобно жалу пчелы, отделяется от судна и остается застрявшим в лодке. Здесь наблюдается совершенно излишний избыток жестокости, ибо достаточно лодку протаранить, чтобы она уже погибла.

Не лишен был смелости замысел совмещения аэроплана с подводной лодкой. Аэроплан специальной конструкции летает над морем и высматривает добычу — подводную лодку, которая с высоты заметнее. Увидев ее, аэроплан быстро снижается, складывает крылья, превращается и сам в подводную лодку и топит противника миной. Здесь изобретатель упустил из виду то обстоятельство, что принципы сооружения летательных и подводных аппаратов прямо противоположны. Один должен быть как можно легче, другой же как можно тяжелее.

Совсем фантастическим представляется замысел изобретателя, предлагавшего пользоваться услугами специально выдрессированных собак и птиц-бакланов для предупреждения о близости подводной лодки. Прежде всего, собаку приучают лаять, когда она слышит характерный шум винта подводной лодки. Затем на перископ специально взятой для этой цели подводной лодки кладут кусок сырого мяса и выпускают в море баклана. Он видит мясо и тотчас опускается на перископ.

Проделав это с бакланом несколько раз, его приучают садиться на перископ уже по привычке даже в том случае, когда на лодке мяса нет. Таким образом, лай собаки предупреждает о близости лодки, баклан же указывает, где именно она находится. Остается только уничтожить ее.

Для полноты сведений изобретатель указывает даже, что бакланов можно дешево приобрести в Китае...

По этим немногим характерным примерам можно судить о том, в каком направлении иногда работает человеческая изобретательность и к каким курьезам это приводит.

[Аноним]

**ПРОРОЧЕСТВО ФРАНЦУЗСКОГО
ПИСАТЕЛЯ О ВСЕМИРНОЙ ВОЙНЕ**

Талантливый французский литератор и публицист Пьер Жиффар еще в 1909 году предвидел возможность ужасного международного столкновения в Европе, угрожающего превратиться в небывалую, по числу жертв и жестокости, всемирную войну. В этом году им был выпущен в продажу сенсационный роман «Адская война», наделавший в свое время столько шума во всех столицах Европы. Недавно фирмой П. П. Сойкина было предпринято русское издание этого произведения, оказавшегося столь пророческим в наши тревожные дни. Жиффар начинает описание войны с рассказа о внезапном, вероломном нападении Германии на державы тройственного согласия. Далее следуют картины возмутительного нарушения немцами нейтралитета маленьких государств Европы. Одним словом, им рисуется картина, до крайней степени сходная с положением дел, наблюдаемых в настоящее время. Автор тонким чутьем публициста как бы проник сквозь туманную завесу времени и сумел предсказать совершающиеся ныне события с поразительной точностью.

«Полстолетия, — говорит Жиффар, — Европа удерживалась от бойни, так как никто не рисковал задеть соседа ввиду чудовищных вооружений, грозивших еще невиданными и неслыханными опустошениями. Но эта напряженная атмосфера должна была рано или поздно разрядиться, и стоило начать одному, чтобы увлечь за собой остальных. С одной стороны, — продолжает автор, — в бездну войны обрушились Германия и Соединенные Штаты: им ведь давно уже не давала свободно дышать англо-японская конкуренция, с другой стороны — Великобритания, Франция, Россия и Италия».

Таким образом, как мы видим, даже группировка держав двух воюющих сторон в романе почти не отличается от существующей на театре войны ныне. Полны ужаса описания воздушных атак аэропланов и дирижаблей на неприятельские города и местечки. Вот маленький отрывок такого описания:

«Я взглянул на землю — под нашими ногами раскинулся большой город: дома, фабрики, церкви...

— Где мы? — спросил я у адмирала, который стоял подле меня, на корме дирижабля “Монгольфье”.

— Над Мюнхеном в Баварии.

Я схватился за бинокль:

— Да, да, узнаю... Вот Изар, обе пинакотеки, глиптотека... Какие дивные музеи, церкви, библиотеки! Сколько редчайших произведений скульптуры, живописи там собрано, адмирал! А собор! А церковь св. Бонифация... А какое пиво — роскошь. Что же мы тут будем делать?

— Вы не догадываетесь? Посмотрите на построение нашего воздушного флота и обратите внимание на солдат. Что они делают?

— Стоят вдоль бортов и держат в руках... Боже мой! Неужели они хотят бросать в город бомбы?

— Бомбы? нет, это зажигательные ракеты. Вы увидите, как запылает город. Сначала на периферии, потом мы образуем еще круг ближе к центру, и, наконец, третий в центр. Всего бросим 18.000 ракет. Восемнадцать тысяч очагов пожара! Затем полетим во Франкфурт и там повторим тоже.

В это время взвился красный флаг на носу “Монгольфье”: сигнал ужасного пожара. Шесть тысяч шнурков были перерезаны разом — и шесть тысяч зажигательных снарядов полетели в злополучный город.

Немного погодя до нас достиг треск разрывающихся снарядов, как будто отдаленный залп из ружей. Мы увидели столбы дыма, кольцом охватившие город, и языки пламени; тем временем, флот построился более тесным кругом, повторился прежний сигнал, — и еще шесть тысяч снарядов последовали за первыми; то же повторилось в третий раз.

Мюнхен пылал. Огромный город превращался в колоссальный костер. Я видел сквозь клубы дыма, как пламя охватывало великолепные здания, церкви».

Еще более ужасна картина истребления гигантов-броненосцев экипажем французской подводной лодки. Пьер Жиффар описывает эту подводную атаку следующим образом:

«Командир подводной лодки напомнил нам порядок действия и сказал:

— Теперь я сообщу вам, в чем именно заключается наша задача.

Над нашими головами, в полумиле отсюда, стоят пять броненосцев по 26.000 тонн: “Бисмарк”, “Фридрих”, “Садова” и “Седан” — крупнейшие суда германского флота. Мы должны взорвать их. Мы положим под ними плутонит: он превратит в груды обломков любой броненосец.

Затем мы облачились в водолазные костюмы и спустились, отряд за отрядом, в выдвигной механизм, приспособленный для высадки из судна, и вскоре я стоял на дне реки.

Наконец, после четвертьчасовой ходьбы мы добрались до цели. Мы стояли под килем огромного броненосца, одного из пяти гигантских судов, которыми Германия справедливо гордилась, хотя Англия обладала и более крупными. Он находился на высоте двух метров над нашими головами.

Мы поместили наши заряды плутонита в кружок под самым килем; офицер приладил к ним проволоки, связавшие в один заряд; затем, постепенно развертывая проволоку, он отошел на сто метров от броненосца, — мы следовали за ним, — и здесь остановился. Один конец проволоки он соединил с полюсом маленькой батареи в футляре, другой оставил пока висеть свободным.

Но вот вправо от нас, далеко впереди, раздался грохот взрыва, за ним другой, третий, четвертый... Вода кругом заволновалась. Я с трудом удержался на ногах. Наш офицер сомкнул ток. Последовал еще более страшный — так как более близкий — взрыв. Я вглядывался в полумрак, но ничего не видел перед собою, кроме трупов, медленно уносившихся течением. Это были погибшие при взрыве немецкие моряки. Бесконечной процессией тянулись они предо мной, десятками, сотнями... Но тщетно я старался различить на дне своих товарищей...»

Ужасная бойня культурных народов совершенно неожиданно прерывается в романе новой военной грозой — нашествием на Европу желтой расы. Несметные полчища китайцев, руководимые вероломными японскими войсками, вторгаются в пределы России и грозят уничтожить всю бе-

лую расу. Так печально заканчивает свой интересный роман французский писатель.

Будем надеяться, что взаимная вражда европейских народов не доведет дело до столь печального конца и трагический конец романа останется эффектным порождением фантазии автора. Однако нельзя не признать за автором громадной наблюдательности и особого дара политического предвидения. Эти черты делают роман Пьера Жиффара почти пророческой книгой нашего века. Прочсть книгу «Адская война» необходимо каждому, кого интересуют грядущие судьбы Европы. Изящная внешность и обилие оригинальных рисунков худ. Робида делают издание располагающим к себе с первого взгляда. Цена книги 1 руб. 50 коп. Книгу можно получать или выписывать через книжный склад П. П. Сойкина, Петроград, Стремянная, 12.

ПРИМЕЧАНИЯ

Настоящий сборник продолжает публикацию раритетных текстов из архива издательства **Salamandra P.V.V.** и одновременно продолжает ставшую традиционной для серии «**Polaris**» тему военной фантастики. В книгу включены произведения западных авторов эпохи Первой мировой войны и предшествующих лет.

Все произведения публикуются по первоизданиям. Безоговорочно исправлялись очевидные опечатки; орфография и пунктуация текстов приближены к современным нормам. Все иллюстрации взяты из оригинальных изданий. Источники текстов указаны ниже. Допущенные в переводах сокращения нами не оговаривались.

На с. 5 использован рисунок А. Робида, являющийся одной из иллюстраций к «Адской войне» П. Жиффара.

Ф. Браун. Битва при бухте Рио // *Мир приключений*. 1910. № 3.

М. Неаль. В подводной лодке // *Мир приключений*. 1911. № 10.

Ж. Жобер. Красная птица // *Огонек*. 1908. № 47, 23 ноября.

Г. Ришар. Анархист // *Огонек*. 1912. № 1, 1 (14) января.

Ж. Рони-старший. Битва. Пер. А. Кратова // *Новый журнал для всех*. 1915. № 5, май.

У. Лекье. Представитель фирмы Карна и Меденьальда в Берлине // *Огонек*. 1916. № 40, 2 (15) октября. Фамилия автора *Le Queux* транскрибируется также как Лекью, Ле Кье или Ле Ке. В данном и следующем рассказах имя героя, переданное в русских переводах, соответственно, как «Хьюг» и «Гью», унифицировано как «Хью».

У. Лекье. Две белые ягоды омелы. Пер. З. Ж<уравской> // *Всемирная панорама*. 1916. № 401/52.

У. Лекье. Стекло́нные бомбы // *Мир приключений*. 1916. № 6.

[Б. п.]. Во власти германских шпионов // *Война*. 1914. № 6.

Э. Ф. Оппенгейм. Человек, который мог прекратить войну // *Огонек*. 1916. № 11, 13 (26) марта.

Сапер (Г. С. Макнили). Конец великой войны. Пер. З. Ж<уравской> // *Волны*. 1916. № 12, под загл. «Человек, который кончил войну».

Д. Мидос. Как они прекратили войну. Пер. З. Ж<уравской> // *Всемирная панорама*. 1913. № 213/20, 17 мая.

С. Фантастические изобретения // *Всемирная панорама*. 1916. № 380/31.

Аноним. Пророчество французского писателя о всемирной войне // *Природа и люди*. 1914. № 43.

К иллюстрациям:

С. 23. Война будущего. После боя воздушного флота // *Вокруг света*. 1912. № 11.

С. 41. Электрические «ищейки» разыскивают и уничтожают субмарины // *The Electrical Experimenter*. 1917, сентябрь.

С. 42. Электрический уничтожитель торпед // *The Electrical Experimenter*. 1917, май.

С. 53. Разрушитель окопов // *The Electrical Experimenter*. 1917, февраль.

С. 54. Гиро-электрический разрушитель // *The Electrical Experimenter*. 1918, февраль.

С. 55. Электро-гиро-крейсер // *The Electrical Experimenter*. 1916, февраль.

С. 66. Радиевый разрушитель // *The Electrical Experimenter*. 1915, ноябрь.

С. 87. Видение грядущего — война через несколько десятков лет // *Огонек*. 1916. № 41, 9 (22) октября.

С. 95. Антигравитационный луч // *The Electrical Experimenter*. 1916, май.

С. 111. Автоматические солдаты // *The Electrical Experimenter*. 1918, октябрь.

С. 126. Радиоуправляемая торпеда // *The Electrical Experimenter*. 1915, сентябрь.

С. 136. Электромагнитные глубинные бомбы // *The Electrical Experimenter*. 1918, январь.

С. 147. Иллюстрация Э. Ф. Байхи к статье Ф. Шумана «Гигантский разрушитель будущего» // *Popular Science Monthly*. 1916, декабрь.

С. 167. Старые американские броненосцы — на фронт // *The Electrical Experimenter*. 1917, июль.

С. 179. Иллюстрация Э. Ф. Байхи к статье Ф. Шумана «Гигантский разрушитель будущего» // *Popular Science Monthly*. 1916, декабрь.

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА В СЕРИИ «POLARIS»

В. Владко. Аэроторпеды возвращаются назад (2015)

Бумажные войны: Военная фантастика 1871-1941 (2015)

А. Скачко. Может быть — завтра (2015)

Танк смерти: Советская оборонная фантастика 1928-1940 (2015)

А. Робида. Война в двадцатом веке (2015)

Комендант Х. Война народов 1923-23 (2016)

Внезапный удар: Фантастическая повесть войны в Западной Европе (2017)

Кровь ангела: Мистическо-агитационная фантастика Первой мировой войны. Том I (2017)

Тень за окопом: Мистическо-агитационная фантастика Первой мировой войны. Том II (2017)

Таинственное на войне: Мистическо-агитационная фантастика Первой мировой войны. Том III (2017)

Конец великой войны: По страницам военной фантастики (2019)

Оглавление

Ф. Браун. Битва у бухты Рио	6
М. Неаль. В подводной лодке	24
Ж. Жобер. Красная птица	43
Г. Ришар. Анархист	56
Ж. Рони-старший. Битва	67
У. Лекье. Представитель фирмы Карна и Меденяльда в Берлине	88
У. Лекье. Две белые ягоды омелы	96
У. Лекье. Стеклянные бомбы	112
[Б. п.]. Во власти германских шпионов	127
Э. Ф. Оппенгейм. Человек, который мог прекратить войну	137
Сапёр (Г. С. Макнили). Конец великой войны	148
Д. Мидос. Как они прекратили войну	168
<i>Приложения</i>	
С. Фантастические изобретения	180
Аноним. Пророчество французского писателя о всемирной войне	185
Примечания	190
Военная фантастика в серии «Polaris»	193

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.